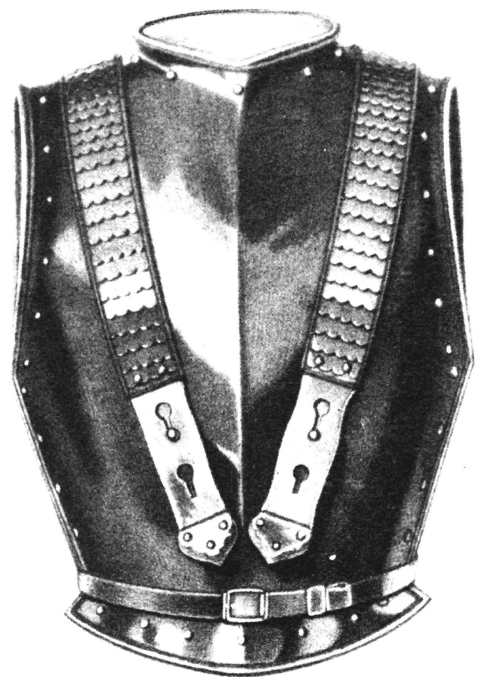
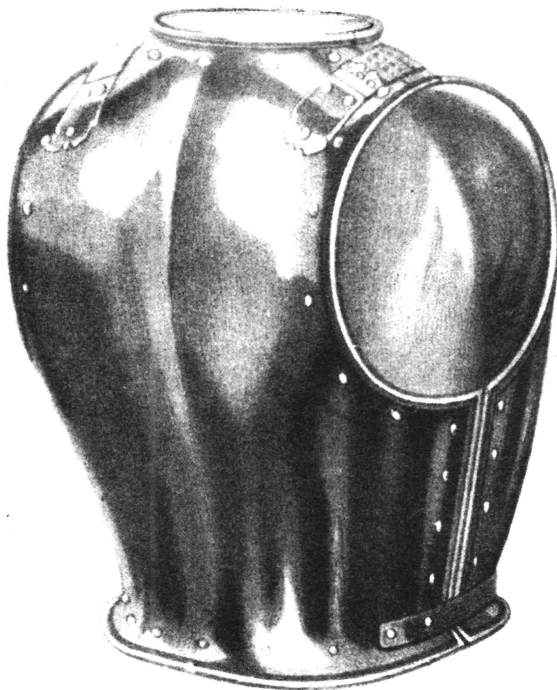


У Р А Л Ь С К И Й  
**СЛЕГОНЬИМ**  
ISSN 0134 - 241X URAL STALKER 11-12'1993





# Златоустовские кирасы

"Кавалергарда век недолог..." — врезались в память слова романтической песни из кинофильма. Но разве только "рыцарскую гвардию" — кавалергардов — подстерегала ранняя смерть? Ратная профессия никому не гарантировала долголетия и все же максимальной опасности подвергались воины, прорывавшие оборону, противостоявшие главным ударам противника.

До появления бронемашин роль наступательного тарана отводилась тяжелой кавалерии. В XVIII—XIX веках, когда ей приходилось совершать многоверстные рейды и переходы, средневековые доспехи кавалеристам уже не годились. Наиболее уязвимые части тела защищали сравнительно легкие металлические жилеты — кирасы, введенные в русской армии в 30-х годах XVIII века и просуществовавшие как защитное вооружение с небольшим перерывом до второй половины прошлого столетия.

От доспеха произошло и название облаченных в него воинов — кирасиры (нем. Kurassir — латник). Первый в России кирасирский полк был сформирован в 1731 году. В дальнейшем количество их выросло до 16, к началу Отечественной войны 1812 года имелось 10, а после нее — 12, сведенных в три кирасирские дивизии. В 60-е годы преобладающая часть тяжелой конницы преобразуется в более легкую — уланскую. Прежний статус сохранили лишь четыре гвардейских полка: лейб-гвардии конный, кавалергардский и два кирасирских ("синие" и "желтые"), покрывшие себя неуязвимой славой в сражениях под Аустерлицем, Бородино, Ватерлоо.

Между тем в Великобритании и Франции ускоренно создавалось секретное оружие — нарезные штуцеры и соответствующее "противоядие" — стальные кирасы. Получив об этом сообщение, Николай I приказал немедленно приступить к подобным работам на Сестрорецком оружейном заводе и подыскать искусного заграничного мастера. Посол в Париже рекомендовал трудившегося во Франции по контракту кирасника из знаменитого Клингенталя — Шпренгера. Иностранец согласился в течение года "показать искусство выделки кирас непроницаемых для пуль" и обучить русских мастеров, за что ему полагалась награда в 11 тысяч франков.

Сестрорецкая сталь разочаровала иностранца: изготовленные из нее кирасы навсвязь прошивались пулями. В 1836 году император распорядился перевести кирасное производство на фабрику "белого оружия" в Златоуст, под присмотр неутомимого П. П. Аносова, разгадавшего тайну булата.

Аносов принял Шпренгера, выделил

расторопных и смекалистых помощников, обеспечил тигельную сталью, не уступавшей английской. Скопированные Шпренгером с французских моделей, панцири испытание выдержали, но имели избыточный вес. Аносов высказал желание облегчить кирасы без ухудшения качества. Однако Шпренгер, простудившись, вдруг занедужил и в январскую стужу 1838 года умер. За короткий срок (с декабря 1836 г.) златоустовцы не успели перенять у молчаливого мастера все тонкости ремесла. Положение спас Аносов. Он рассчитал, что суть дела вовсе не в форме кирас, абсолютнейшей Шпренгером и, безусловно, влиявшей на пуленепробиваемость, а в свойствах металла. Они же у превосходной аносовской стали были таковы, что уже со следующего 1837 года фабрика развернула массовое производство кирас по нарядам гвардии армии, исчислявшихся ежегодно двумя-тремя, а то и четырьмя тысячами единиц.

Технология изготовления панцирей состояла из ряда непростых операций. Вначале стальная болванка прокатывалась в слегка вогнутых валках в лист, утолщенный к середине и более тонкий по краям. Затем нагретым до красна полотно на штамповальном молоте придавалась форма надгрудников и наспинников разной величины. Далее половинки рихтовались, обтачивались, закалялись в льняном масле, отпусkaliсь на воздухе. Наконец, черне обработанные кирасы поступали на полигон, где их обстреливала специальная команда. Выдержавшие удары пик и пуль панцири подлежали правке и окончательной отделке: полировке, украшению накладными звездами и орлами — в зависимости от предназначения.

В 1847 году генерал-майор Аносов, назначенный начальником Алтайских горных заводов и Томским губернатором, покинул Златоуст. С его отъездом, полагают некоторые авторы, тигельная плавка захирела настолько, что даже для клинков понадобилось, якобы, импортная сталь. Факты говорят о другом. Ухудшение отношений с европейскими державами заставляло не спускать глаз с крупнейшего арсенала, каковым несомненно был Златоустовский округ. Туда направлялись лучшие специалисты.

Достоинным преемником Аносова стал П. М. Обухов, занявший с марта 1854 года должность управляющего оружейной фабрикой. Молодому инженеру удалось устранить недостаток аносовских тиглей — малую емкость и разрушение под воздействием высоких температур. Подбор огнеупорного состава, оптимальной шихты позволил Обухову увеличить размеры тигельных печей, разливать из них ме-

талл непосредственно в изложницы. Употребление литой стали на ружейные стволы превзошло все ожидания: стволы выдерживали двойную нагрузку.

Обуховская сталь, вязкая и одновременно упругая, с цементированной поверхностью приглянулась и кирасникам. Штампованные из нее кирасы, с удовлетворением констатировали в разгар Крымской кампании члены Военно-ученого комитета, легче, но прочнее крупновских...

После командировки в Германию Павел Матвеевич разработал проект стале-пушечного производства, а через два года успешно его осуществил. В 1860-м златоустовская Князе-Михайловская фабрика выпустила первые отечественные стальные орудия, вызвавшие кардинальный пересмотр стратегии и тактики. Впрочем, мелководье единственной транспортной коммуникации — реки Ай вынудило вскоре перебазировать производство тяжелых пушек в Пермь, на судостроительную Каму. А Павлу Матвеевичу поручили возглавить строительство артиллерийского завода в Петербурге, названного впоследствии Обуховским. Неожиданная кончина Обухова помешала в полной мере раскрыться его незаурядному дарованию. "Он не успел приобрести славы русского Круппа, — писали в некрологе соратники, — но сделал все возможное, чтобы в скором времени у нас были свои Круппы..."

Замена хрупких, слабых на разрыв бронзы и чугуна легированной сталью привела к созданию нарезных винтовок и карабинов, дальнобойных орудий, обладавших скорострельностью, точностью попадания, большей убойной силой. При этом защитный эффект кирас сводился к нулю и неудивительно, что в середине 60-х годов изготовление боевых панцирей в Златоусте прекратилось. Хотя декоративные функции кирасы сохраняли еще более полувека.

Огромное удовольствие столичной дельце, бывалым воякам, всем, неравнодушным к красивым зрелищам, доставляли весенние парады на Марсовом поле, где мимо царской четы проходили внушительной рысью конногвардейцы — на вороных, кавалергарды — на гнедых, кирасиры — на рыжих исполинах...

Сегодня растворившаяся в дымке прошлого, молдцеватую, разряженную в яркие мундиры русскую гвардию можно видеть лишь на картинах баталистов да редких фотографиях.

г. Екатеринбург

На снимках: кирасы образца 1846 года; унтер-офицер Астраханского кирасирского полка, 1835 год.

УЧРЕДИТЕЛЬ  
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ.  
ВОЗОБНОВЛЕН В 1958 ГОДУ

#### РЕДАКЦИЯ:

**Виктор КЛОЧКОВ**  
(главный редактор),  
**Виталий БУГРОВ,**  
**Юний ГОРЕУНОВ,**  
**Сергей ГРИГОРЬКИН**  
(главный художник),  
**Герман ИВАНОВ**  
(заместитель главного редактора),  
**Ольга НАГИБИНА,**  
**Андрей ПОНИЗОВКИН,**  
**Юрий ШИНКАРЕНКО**  
**Нина ШИРОКОВА,**  
**Леонид ШУНЯЕВ.**

#### РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

**Виктор АСТАФЬЕВ,**  
**Владислав КРАПИВИН,**  
**Юрий КУРОЧКИН,**  
**Станислав МЕШАВКИН,**  
**Николай НИКОНОВ,**  
**Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,**  
**Борис СТРУГАЦКИЙ.**

#### Компьютерная верстка:

**Галина ЦВЕТКОВА,**  
**Виктор КУЛАКОВ**

#### АДРЕС РЕДАКЦИИ:

620219, г. ЕКАТЕРИНБУРГ,  
ГСП-353, ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67  
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:  
223-662 (ФАНТАСТИКИ),  
224-501 (КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),  
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,  
ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,  
МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными  
на машинке через 2 интервала, 60 знаков  
в строке, 28-30 строк на странице.  
Рукописи не рецензируются  
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки  
обращаться в районные отделения  
«Россвязьинформа».

Бракованные экземпляры отправлять  
в ИПП "Уральский рабочий".

Рег. № 441 от 13.12.90.

Подписано к печати 14. 11. 1993.  
Формат бумаги 84×108/16.

Бумага книжно-журнальная.  
Печать с фотополимерных форм.

Усл. печ. л. 10,9.

Уч.-изд. л. 16,2.

Усл.кр.-отт. 10,4.

Тираж 57 000 экз.

Заказ № 608.

Все претензии по текстовым ошибкам предъяв-  
лять редакции журнала "Уральский следопыт".

Отпечатано с готовых оригинал-макетов  
на ИПП "Уральский рабочий":  
620219, Екатеринбург, ул. Тургнева, 13.

На 1 и 4 стр. обложки слайды:  
С. ФОМИНЫХ.

© «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 1993 г.

# У Р А Л Ь С К И Й СЛЕДОПЫТ U R A L S T A L K E R

**В НОМЕРЕ:** 11-12/1993

Златоустовские кирасы <b>Александр ДМИТРИЕВ</b>	<b>1</b>
Острова из сказки <b>Александр КУЗНЕЦОВ</b>	<b>3</b>
Ищу народ <b>Александр МОИСЕЕВ</b>	<b>5</b>
Краеведческая копилка	<b>10</b>
Звездное небо надо мной... <b>Велимир ПЕТРИЦКИЙ</b>	<b>12</b>
Рычковская церковь <b>Игорь ТРУТНЕВ</b>	<b>15</b>
Какая она — первая любовь?	<b>16</b>
А ночью пусть приснится сказка... <b>Федор ВОСТРИКОВ</b>	<b>18</b>
Калачи на каланче. Рассказ <b>Владимир ЯНИЦКИЙ</b>	<b>19</b>
Словарь языка Владимира Высоцкого <b>Виктор ПОПОВ</b>	<b>21</b>
Дубовые дощечки <b>Юрий ШИНКАРЕНКО</b>	<b>22</b>
Заочный КПФ	<b>27</b>
<b>Журнал в журнале "Аэлита"</b>	
Корабли и Галактика. Повесть. Окончание <b>Алексей ИВАНОВ</b>	<b>29 (223)</b>
Страна комиков, трагиков и вохриков <b>Роберт ШТИЛЬМАРК</b>	<b>69</b>
Сквозь перекрестный огонь. Повесть. Окончание <b>Луи Л'АМУР</b>	<b>77</b>
Содержание №№ 1-12, 1993	<b>92</b>
Улав семь раз, подняться восемь <b>Регина ТЕРЕШКИНА</b>	<b>94</b>
Самовары из бересты	<b>95</b>

Александр КУЗНЕЦОВ

## ОСТРОВА ИЗ СКАЗКИ

Неподалеку от города Тотьмы Вологодской области, на реке Сухоне находятся три острова с удивительными названиями — Дедов, Бабий, Внуков. Ну, прямо как в сказке: "Жили-были дед да баба, а с ними внучка Машенька..."

Дедов остров — самый большой на реке Сухоне. В длину он вытянулся на полтора километра, в ширину достигает почти пятьсот метров. Остальные сухонские острова по весне заливают полые воды, а Дедову острову половодье не страшно: его высота над летним уровнем реки превышает 10 метров.

Растительность на Дедовом острове настоящая таежная — еловые и сосновые перелески, в то время как на низких островах, к которым, кстати, относятся соседние Бабий и Внуков, мы находим лишь луга да заросли кустарников.

Особенности Дедова острова напрямую связаны с его происхождением — река в этом месте не намывала остров из песка, как обычно бывает, а просто обошла с двух сторон большой и высокий холм. Подтверждается эта версия и геологическим строением острова: он состоит из ледниковых отложений, обычных для окрестностей города Тотьмы.

В верхнем по течению конце Дедова острова стояла каменная Троице-Сергиевская церковь, зало-



женная в конце XVIII века на месте более древних деревянных сооружений дедовской Троицкой пустыни. Церкви сейчас на острове нет, осталось только небольшое кирпичное сооружение хозяйственно-бытового назначения. Ее сломали в начале 30-х годов, когда вдруг потребовался строительный материал для Архангельска — столицы тогдашнего Северного края. Вместо того, чтобы создавать заводы стройиндустрии в пригородах Архангельска, "придумали" разо-

брать на кирпич десятки храмов по берегам Двины и Сухоны.

На Дедовом острове вместе с Троицкой церковью были разломаны и береговые укрепления из крупных валунов, чем Сухона не замедлила воспользоваться: сегодня видна уже кладка фундамента в самом веру подмываемого рекой обрыва.

В фондах Тотемского краеведческого музея сохранились фотографии Дедова острова дореволюционной поры. Один из снимков воспроизводит живописный вид высокого острова с миниатюрным храмом, белеющим на фоне вековых елей и сосен.

Но откуда произошли названия островов? Может быть, в основу положены языческие представления древних славян о группе божеств, главным из которых был "Дед", а подчиненными ему — "Баба" и "Внуки"? Известно ведь, что у восточных славян существовал обряд почитания дедов, когда в один из весенних дней посещались старые кладбища и в жертву покойникам приносилась пища. По мнению исследователей славянского язычества В. Н. Топорова и В. В. Иванова, "Дедом" под номером один был бог Велес или Волос. В мифах славянских народов он часто выступает именно как божество потустороннего, подземного мира, в противоположность богу-"громовику" Перуну.

Возможно, что непосредственную связь с происхождением названия Дедова острова и Троицкой церкви на нем имеет вот этот отрывок из "Стоглава" — собрания религиозных правил, составленного при Иване Васильевиче Грозном митрополитом Московским Макарием: "Вопрос 23. В Троицкую Субботу, по селам и по погостам сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробам с великим кричанием. И егда начнут играти скоморохи, гудцы и предгудники, они же, от плача приставше, начнут скакати и плясати, в лодони бити, и песни сатанинские пети, на тех же жальниках обманчики и мошенички".

Я бы осторожно предположил, что на Дедовом острове, там, где позднее была возведена златоверхая Троицкая церковь, в древности располагалось кладбище славян-язычников с жальниками — могилами с каменной выкладкой на поверхности — и с деревянным идолом Велеса-Деда. Неплохо бы подтвердить эту гипотезу археологическими находками, но раскопок на острове пока не было, а если промедлить еще десяток лет, может случиться, что и раскапывать будет нечего — Сухона уже и так смыла значительную часть территории религиозного центра.

Косвенные сведения о том, что последователи языческих обрядов собирались здесь еще в XVII веке, удалось обнаружить в "Повести о житии юродивого Андрея Тотемского".

Андрей родился в 1639 году в селе Усть-Толшма, а умер в 1673 году в Тотьме, где и похоронен под спудом в церкви Воскресения Христова на берегу Сухоны. Большую часть своей недолгой жизни Андрей юродствовал, перемещаясь в поисках милостыни зимой и летом от Устья Толшменского в Тотьму и обратно, по льду или кромкой берега, в зависимости от времени года, но всегда в одной и

той же рваной одежде. В житии расстояние между этими населенными пунктами определяется словами "пятьдесят поприщ", что, судя по современным картам, соответствует 53 километрам. Дедов остров тоже лежал по пути юродивого, и Андрей, без сомнения, посещал его неоднократно. Мог он знать и о языческих по сути обрядах на старом кладбище, где весной, в Троицкую Субботу, собирались "обманчики и мошенички".

И вот, перед смертью (об этом очень подробно рассказывается в житии), он дал тайное поручение пономарю Воскресенской церкви Иоанну Яковлеву, своему другу, устроить новую пустынь на Дедовом острове, чтобы словом Божиим отвадить "поганных" язычников с этого места. Чуть позже Иоанн Яковлев принял монашеский обет и был пострижен под именем Ионы.

В апреле 1697 года тотемским воеводой стал отец опальной царицы Евдокии Федоровны, первой супруги Петра I, Федор Авраамович Лопухин. При нем и была построена на Дедовом острове деревянная часовня, по-видимому, по просьбе Ионы, которого Федор Авраамович избрал своим духовником. Когда же Иона решил вести затворническую жизнь, ему был отдан весь остров. Интересно, что в 1729 году Евдокия Лопухина прислала в церковь Святой Троицы на Дедовом острове икону с надписью и две богослужебные книги, тоже с дарственными надписями.

Подобное внимание к этой, достаточно скромной во всех отношениях, пустыни, наверное не случайно. Для многих в то время она могла стать как бы символом окончательной победы православной веры над пережитками язычества.

А как же быть с Бабьим и Внуковым островами?

В известной монографии Б. А. Рыбакова "Язычество Древней Руси" описаны результаты раскопок язы-

ческого святилища на Бабьиной горе у реки Днепр, на Украине. Как выяснилось, оно было посвящено Мокоши, единственной представительнице "слабого пола" в славянском пантеоне. Это была богиня урожая, Мать-сыра Земля, олицетворяющая собой все воспроизводящие силы природы. Наименование "Баба" было одним из простонародных ее прозвищ.

В православии Мокошь заменила Богородица, в связи с чем необходимо отметить факт существования в XVIII веке в двух верстах от Бабьего острова Богородицкого монастыря, в котором, кстати говоря, и пребывала несколько лет опальная царица Евдокия Федоровна.

Наконец, любопытно сравнить топонимы Дедов — Бабий — Внуков с извечными сюжетами русских народных сказок. В образах Деда и Бабы можно угадать Богов-прародителей славян, а вот различные похождения внучат (колобок, курочка-ряба, репка) не что иное, как земные судьбы простых людей. Из древнерусских былин известно, что славяне числили себя то внуками Ярилы, то Дажь-боговыми внуками, то внуками Велеса. Интересные исследования на эту тему в последние годы ведет А. К. Белов.

Александр МОИСЕЕВ

# Ищу народ

Этнографический детектив

Там, где смыкаются три уральских области — Челябинская, Свердловская и Курганская, в месте впадения Багаряка в Синару устроилось селение, названное по своему местоположению. Собственно здесь два селения — Нижний Усть-Багаряк и Верхний Усть-Багаряк. Одно упряталось в глубокую, просторную синарскую долину, а другое вознеслось на верхотуру, впрочем, приметную лишь от реки. От Синары чуть ли не на тысячу верст к востоку простирается гладь Западно-Сибирской низменности.

Верхний Усть-Багаряк совсем молод, уставлен белокирпичными типовушками. Даже городом отдает от их стандартной схожести. С городом роднит село и железная дорога на Каменск-Уральский со станцией на окраине села почему-то названной Нижней.

Долинный же Усть-Багаряк сплошняком бревенчатотесовый, продубленный временем до черноты. Вековечное обжитье долины выдают и огороды, унавоженные до парной черноземины, и нижние венцы изб, уложенные по древнему обычаю не на фундамент, а прямо наземь.

Завернул я в эти места посмотреть на известный на весь Кунашакский район чудотворный камень, которому до сих пор всерьез поклоняются старики. Именуется святыня Махади-таш. Таш — камень, а Махади, похоже, — имя святого. Выглядывает чудо-камень из залуженного бугра на левом берегу Синары в семи верстах выше села. Лобастая известняковая глыба изборождена морщинами трещин. Приметна на ней и вмятина — след Махади. Что ж, если напрячье воображение, можно уловить сходство с отпечатками ступни "сорокпоследнего размера". На него-то и молятся старики в пору всяких напастей.

## Татары, но какие-то не такие

Они мусульмане, эти здешние старики. И не положено бы им, как язычникам, поклоняться камням. И вообще мусульманские обычаи в селе крепки. В Усть-Багаряке, как и соседнем Усманове, с незапамятных времен живут татары мусульманской веры.

По местной молве, поселились они здесь, среди башкирских юртов, как припущенники, более трех веков назад, еще до русских — в пору покорения Иваном Грозным Казанского ханства. Будто бы не захотели те казанцы под белого царя чужой веры и ушли за Каменный пояс. Вполне возможно.

Кунашакские башкиры говорили нам, что усть-багарякцы с усмановцами живут среди татар наособицу. Держатся друг друга. Шибко трудолюбивые. Всегда в достатке. Чистюли. Отчаянные, чуть что, лучше не связываться. И сами усть-багарякцы, кого ни спрашивал, о

себе особого мнения: да, мы — татары, но какие-то не такие...

Ответ я нашел в XVIII веке. У Петра Симона Палласа. В самый канун Пугачевщины он оставил в своих скрупулезных "дневных записях" свидетельство, что на пути из Челябинской крепости в Екатеринбург проезжал он по-над Баггеряком (Багаряком) деревню Усман-аул. И проживали в ней тогда мещеряки.

Так ведь это и есть нынешнее Усманово. Вот, оказывается, от кого идут багарякские "какие-то не такие" татары — от мещеряков. Кстати, Паллас в своих странствиях по Южноуралью многожды от отмечает мещеряцкие селения. Кумур-аул при Теше (река Теча), Курман близ Челябины, Калкан невдалеке от Верх-Яицкой крепости (Верхнеуральск), Ниссибаш (Насибаш) в районе станции Кропачево... Густо жили тогда мещеряки в нашем краю.

Немало свидетельств о мещеряках того десятилетия, опаленного пугачевским пожарищем. Далеко не все они под знаменами императора-самозванца. В составе карательных отрядов бивали его воинство, оставшиеся верными государыне, мещеряцкие полки. Уже тогда мещеряки входили в служивое воинское сословие. Мещеряцкие полки приметны и в сражениях Отечественной войны 1812 года.

Об уральских мещеряках свидетельствует и И. Ф. Бларамберг. Небесталанный служака из обрусевших немцев помимо высоких чинов (как-никак генерал-лейтенант) достиг и высоких успехов в науке. Писал ученые труды. Служил он долгое время (1840—1852 гг.) в Оренбургском крае и оставил интересное описание его в своих воспоминаниях. Среди народов, населявших в то время Южный Урал, Бларамберг называет и мещеряков:

"Ни причины, ни время заселения этим племенем Оренбургской губернии неизвестны: мы знаем лишь, что в XIV в. и даже еще позднее они жили в нижнем течении Оки рядом с мордвой и чувашами. При переселении в Башкирию они арендовали земли у башкир, но поскольку во время частых мятежей последних в XVIII столетии остались верными правительству, их освободили от арендной платы, Корона передала им арендованную землю в собственность. Этим и объясняется, что мещеряки рассеяны группами по всей Башкирии и живут в основном в районах Челябины, Троицка, Верхнеуральска, Стерлитамака, Уфы, Мензелинска, Белебея, Бугуруслана и Екатеринбурга.

По внешнему виду они похожи на казанских татар. По обычаям и особенностям характера ближе к башкирам, но более образованы и крепки в вере. Их образ жизни также схож с башкирским, но так как мещеряки гораздо раньше башкир оставили кочевой образ жизни,

## Уральские тептяри

они зажиточные и больше занимаются земледелием. В быту они чище, их жилища удобнее, и они лучше заботятся о скоте. В 1848 г. их насчитывалось 43683 мужчины и 41375 женщин — всего 85058 душ".

А вот свидетельства о мещеряках из времен уж и не столь отдаленных, из самого предреволюционья. В пятом томе географической энциклопедии "Россия", посвященной Уралу, о них подробная справка. В ней, как и у Бларамберга, утверждается, что в старину мещеряки жили на Оке и притоках Дона. Память об этом финно-угорском племени, родственном мордве и соседствующем с ней в пору Киевской Руси, осталось в названии тех мест — Мещерский край. Часть мещеры вошла в состав русского народа, другая двинулась на восток. Мещеряки проживали в Казанском ханстве, а после его покорения частично ушли на башкирские земли. В ту пору они были уже истыми мусульманами и опасались за свою веру.

Мещеряки, что крестились, вошли в состав русского народа, а оставшиеся мусульманами — в татарский, выделяясь среди казанцев как мишари.

Перед революцией на Урале и Приуралье насчитывалось до 150 тысяч мещеряков, Энциклопедия "Россия" дает их портрет. В них заметна примесь тюркской крови, схожесть с татарами и башкирами. Уральские мещеряки — деловитый, оседлый народ, занимающийся в основном хлебопашеством. Мещеряцкие деревни хорошо обустроены. Мещеряки — мусульмане, а потому многоженцы, едят конину, но кумыс не пьют, предпочитая чай с медом. Хоронят в день смерти, закапывают "в стоячем положении". В могилу кладут прут, детям — хлеб и молоко, женщинам — рукоделие. Обряд явно языческий. У поволжских финно-угров, как христиан, так и мусульман, язычество вообще так и не было уничтожено. Во многих местах они молились и новым и старым богам. "Россия" пишет, что по преданию, до прихода русских были мещеряки чуть ли не рабами башкир и в знак того носили серьгу в ухе. Не потому ли они при восстаниях башкир в большинстве держали сторону властей, за что в 1762 году были освобождены от ясака. И в то же время были поверстаны в военное сословие.

Куда же исчезли мещеряки? Уже в наше время. Ни мало, ни много, а целых 150 тысяч. Да никуда не делись. В большинстве потомки их обитают там, где жили деды. К при меру, в Усть-Багаряке и Усманове. Вероятнее всего, кунашакские татары в большинстве они и есть. Со времени казанского проживания потеряли они родной язык, перейдя на тюркский, перешли в мусульманскую веру. В пору советского интернационализма, отнюдь не поощрявшего цепкость к национальным корням, стерлось у мещеряков осознание единства. Те, что проживали среди татар, стали считать себя татарами; среди русских, отойдя от мусульманства, — русскими, в Башкирии — башкирами. И лишь кое-где, в местах компактного проживания, как в синарской долине, смутно ощущают еще они себя татарами, но "какими-то не такими".

Исчез на наших глазах целый народ. Лишь фамилии Мещеряковы да Мишарины напоминают о нем. Не печально ли это?

А вот еще один, исчезнувший на наших глазах народ, — товарищи мещеряков по уральскому соседству и судьбе.

В районе города Касли есть озеро Типтерги. Толкуют название как тюркское: озеро-наковальня. Это заблуждение. На старых картах водоем именуется как озеро Тептярей. Обитал, оказывается, на Урале и такой народ. Долго ли? Века четыре, не меньше, как и мещеряки, почти до наших времен.

Упоминаются тептяри в пугачевской смуте и в Отечественной войне 1812 года. Тептярский полк под командованием майора Темерова одним из первых в российской армии вступил в бой сразу же, как только передовые отряды захватчиков переправились через Неман. Полк тептярей прикрывал отступление российских войск, а позднее был влит в партизанский отряд знаменитого Дениса Давыдова.

И. Ф. Бларамберг также упоминает среди уральских народов тептярей:

"Башкиры именуют так переселенцев татарского происхождения. Сначала тептяри арендовали у башкир землю, но позднее она стала их собственностью; это была награда за помощь, которую они оказали правительству при подавлении мятежных башкир. Сегодня тептяри живут небольшими группами и по всей Оренбургской губернии, за исключением Челябинского округа, а также частично в Вятской и Пермской губерниях и образуют особую ветвь, вместе с бобылями, также переселенцами... Они также платят правительству в год по 3 рубля серебром с души и выставляют рекрутов. Тептяри занимаются преимущественно охотой на пушных зверей... земледелием, скотоводством и пчеловодством. Однако по уровню хозяйства они отстают от русского крестьянина.

Тептяри, так же как и бобыли, живут в обособленных деревнях, частично с башкирами: их число в Оренбургской губернии составило в 1846 г. 218 тыс., среди них 111616 мужского пола".

Как и мещеряки, тептяри относились к служивому сословию, входили в военное ведомство — в состав так называемого башкирско-мещеряцкого войска.

А что же говорит о тептярях энциклопедия "Россия"? В этом фундаментальном труде они называются народом, образовавшимся на Урале смешением татарских, марийских, чувашских переселенцев, а также местных удмуртов и башкир. Делается и предположение, что тептяри — "возможно, обломок древнего народа", потерявшего индивидуальность в окружении башкир и перенявшего от них язык, веру и обряды.

Особенно бурно происходила башкиризация после того, как в 1855 году закон сравнял тептярей с башкирами. Сколько же было тептярей на Урале в начале нашего века? "Россия" называет 300 тысяч! Обитали они тогда на башкирских землях почти что повсеместно, а также в Елабужском и Сарапульском уездах. Компактно проживали тептяри на так называемой Учалинской даче в районе Верхнеуральска — 12 деревень-аулов. Сегодня это Учалинский район Башкирии.

Помнят ли местные тептяри о своих корнях? Немногие и весьма смутно. Такое впечатление осталось после



посещения крупного села Ахуново. Приметно оно на старинном Верхнеуральском тракте добротностью изб и сине-зеленой, аккуратной мечетью. Один из ахуновцев, внук местного муллы дореволюционной поры — времени тептярей, о судьбе своего рода знал. Дал он и толкование именованию народа. Тип — топтать, тере — иконы. Когда Иван Грозный покорил Казань, предков тептярей пытались крестить силой, но они, якобы, топтали иконы и бежали на Урал, где и стали называться типтере-тептярями. Таково предание. В двадцатые годы учалинских тептярей стали относить к татарам, позднее — к башкирам. Так что уже в советское время 300-тысячный народ растворился в башкирском, а там где соседствовал с татарскими селениями — в татарском.

Свидетельствует "Россия" и о бобылях, упоминаемых Блаرامбергом. Они издавна проживали на башкирских землях по устному соглашению, как правило, по соседству с тептярями. Бобыли — из переселившихся черемисов (мари) и вотяков (удмуртов). Указом 1832 года они получили арендуемые земли на правах государственного надела, сравниваясь по своему положению с тептярями и слились с ними.

## Кто такие басурманы

Еще об одном исчезнувшем уральском народе свидетельствует "Россия" — о бесерменах. Проживали они в начале века в Ежовской и окрестных волостях Глазовского уезда Вятской губернии. К 1914 году их насчитывалось всего лишь 200 душ. Определяя происхождение бесерменов крайне темным, авторы уральского тома "России", однако, предполагают, что это остатки тех угров, которые ушли на запад и основали Венгрию. Там есть, оказывается, город Бесермены. Отмечают авторы "России", что живут бесермены вкраплениями среди вотяков с татарами по соседству (деревни от деревни до 5 верст), однако не смешиваются. Семьи у бесерменов были большие — до 30 душ. Жили дружно и зажиточно. Занимались земледелием, многие пчеловодством. В усадьбе обязательно стоял двухэтажный амбар с галереей и "чум" — деревянная постройка с "первобытный" очагом, где жили летом. Печь в доме ставили топкой к окну, в нише обязательно устраивался все тот же "первобытный" очаг.

Облик у бесерменов был отличным и от татар, и от вотяков. Глаза узкие, но не как у монголов. Встречались горбоносые, но чаще широконосые, с редкими бородами. Мужики носили русскую одежду, а вот женский наряд был оригинален: штаны, длинная белая рубашка поверх, с богатой вышивкой на груди, рукавах, подоле и опояскающей, чулки из белого холста, чапанный фартук, на голове особый колпак, волосы обязательно прикрыты платком.

Нравом бесермены спокойные, пьянки у них редки, нравы свободны, но без разгула. За невесту дают калым, хотя и христиане. Свинину считают поганой и едят конину, а к покойникам призывают муллу — явные отголоски мусульманства. Говорят бесермены на смеси русских, татарских и вотякских слов, очевидно, свой язык у них утерян. Авторы "России" не сомневаются, что басурманы в русском языке от бесермен и указывают на

отдаленное сходство названия народа с Биармией, загадочным государством, занимавшим в раннее средневековье эти места.

Ни в одной из переписей советского времени бесермены не упоминаются. Остается предположение, что они вошли в состав татарского и удмуртского народов.

## Фершампенуаз у них столица, а Париж — село

Куда как пестра иноязычьем карта Южноуралья, помечена тезками селений чуть ли не всех стран Европы. Только в одном из районов Челябинской области встретите и французский Париж, и немецкий Кассель, и польскую Остроленку, и даже Балканы. В названии местного Арсинского поселка прячется пышнозвучный околопарижский Арси-сюр-Об, а райцентром здесь еще более пышный Фершампенуаз, тоже, кстати, из-под Парижа "родом". Столь чудный район именуется Нагайбакским, потому что заселяют его нагайбаки. Кто они такие? Считается, что татары. Однако, когда совсем недавно, с освобождением религий в пору перестройки, наведалься сюда представитель казанского духовенства с предложением открыть мечеть, нагайбаки, магло говоря, его попросили, потому что уже более четырех веков они почитают Иисуса Христа и святую Троицу. Такие вот они, нагайбаки — крещеные татары, общие дети татарского и русского народов.

Нет, не только враждовали в тысячелетие соседства тюрки с русскими. Вспомним ковцев и черных клобуков — пограничную стражу Киевского княжества. Позднее, после Батыева нашествия, в пору Золотой орды и татарских ханств, не только дань брали татары и на полон во время набегов, но и участвовали в сражениях на стороне русских войск с ливонцам и литовцами, даже переходили в московское подданство задолго до покорения волжских ханств. Взять тот же татарский Касимов форпост на пограничье с Казанским ханством.

Вот и нагайбаки без малого четыре века стояли на страже России. Что знаем мы о них? Что сами они помнят?

Многое-многое забыто из их славной истории в советское время. Когда чуть ли не насильно старались убедить их, что не какие-то особые они нагайбаки, а обычные татары. Вся-то и разница была в религиях, а раз не стало ни мусульманского, ни христианского богов, так что же и разниться-то.

А поговорите-ка с нагайбакам и, вслушайтесь в их речь, взгляните в их облик, и совсем нетрудно будет приметить их самобытность. По-русски лопочут они бойко, далеко не каждый признает татарский язык родным. В облике лишь немногих приметны тюркские черты. Редко встретишь среди нагайбаков скуластых, раскосых брютетов, чаще они стройны, худоцавы, светловолосы и светлоглазы. По имени-отчеству их от русских не отличишь: как-никак общие христианские святцы. Но они и типичные европеиды. Веснушчатых встретишь едва ли не чаще, чем у русских. Нет, это не следствие русификации. Нагайбаки охотно рождаются с русскими, но отнюдь не ассимилируются. И если в районе 42 процента

русских и 36 процентов нагайбаков, то первые в большинстве своем уже советских целинных приливов.

Совсем не просты историческая судьба и происхождение нагайбаков. Их история четко прослеживается с иваногрозновских времен, когда были крещены они и поверстаны в воинское сословие на башкирском пограничье.

Первый летописец Южноуралья П. И. Рычков в своей "Топографии Оренбургской", написанной в середине XVIII века, рассказывает о нагайбаках следующее:

"Нагайбак, или Нагайбацкая крепость, расстоянием от Оренбурга по большой Московской дороге с 400, от Уфы 208, а от Мензелинска 64 версты. Звание происходит от жившего на этом месте башкирца, который назывался Нагайбак, и юрт его назывался по нему деревней Нагайбакской. Данная крепость построена в 1736 году, по причине бывшего тогда башкирского замешания (волнения — авт.) на ровном и всякими угодыями привольном, месте, где неподалеку впадает в Ик небольшая речка, называемая Миняус...

В окрестности этой крепости издавна двоякого состояния люди находились, а именно: новокрещенные и иноверцы. Что до первых принадлежит, то их для отличности от нынешних новокрещенных, пристойнее бы старокрещенными именовать. Ибо они, как сами о себе скажут, да и по делам довольно значится, еще во время царя Иоанна Васильевича, из магометан, а больше из идолопоклонников, восприняли святое крещение... По 1736 год все они платили в казну ясак, а в том году по именному указу блаженной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, за то, что они к бунтовщикам башкирцам не приставали и, служа противу их верно, претерпели от них многие разорения, ясак с них снят, и все те земли, на которых они, платя башкирцам оброки, жительствовавали, отданы в собственное их владение, а затем велено им служить казачью службу, которую они по Оренбургу и служат, приходя через то от времени до времени в лучшее познание русского языка и русских обычаев. Во всем Нагайбацком округе имеется их ныне десять деревень и одно село с церковью. В них и с Нагайбацкой крепостью служилых казаков числится 1359 человек, которые получают жалованье, провиант и фураж тогда только, когда от своих жилищ дале ста верст командированы бывают. А иначе, будучи достаточно удовлетворены пахотной землей и всякими угодыями, должны служить без жалованья".

Обратим внимание на два места в рычковской летописи. Нагайбаки — это не самоназвание, а по местности, где жил до них башкир Нагайбак. В предании о крещении подчеркивается, что они не столько "из магометан, а больше из идолопоклонников, восприняли святое крещение".

Поразмышляем над этими фактами. Можно ли сказать с полной уверенностью, что нагайбаки были татарами? Нет. Тюркским именем они стали называться по случайности, самоназвания их мы не знаем.

После нескольких веков мусульманства нагайбаки оставались в большинстве язычниками.

Известно, что неоднократно делались попытки крестить татар, но с малым успехом. В абсолютном боль-

шинстве они оставались мусульманами все века "христианского ига".

Почему же крестились нагайбаки? Силою ли? А не была ли в этой легкой смене веры память о не столь уж далеком омусульманивании поволжцев, отнюдь не всегда добровольном, а под мечом и саблей ханов? Немало было среди них племен и народов, которые так и не приняли мусульманство — чувашаи, например, мари. Языческую веру пращуров они принесли в наш век и будучи в христианах.

А не из тех ли непокорных племен нагайбаки, что помнили о всех бедах и крови, которые принесли ставшие у власти насильники, прибывшие в их края девятым валом Батыева нашествия?

Казанские татары лишь имя получили от завоевателей. Народ же образовали племена, что жили здесь до нашествия — болгары, финно-угры.

Кто предки нагайбаков? Булгары или угры-мадьяры. А может, иные, более древние племена, обитавшие в Поволжье и Приуралье до их прихода? Нетрудно тогда понять пращуров нагайбаков, принявших православие. Бесправному, но помнящему о бывшей свободе племени ведь не просто предложена была смена веры, но и зачисление на государеву службу, трудную, но почетную — стать полноправным гражданином новообретенного отечества. Вот и крестились, пошли на службу к завоевателям? А может, освободителям?

Нагайбаки ждут своего историка. И как знать, может, в их жилах течет кровь одного из древних народов, сохранившего свою изначальную самобытность в столь бурном водовороте уральской истории.

В XVIII веке заведено было верстать в казаки Нагайбакской крепости бежавших из киргиз-кайсацкого плена. Таких, например, в 1752 году было 63 человека: 45 персов, 12 арабов, три бухарца и три каракалпака.

Обращает на себя внимание и такая вот несообразность. П. И. Рычков указывает местонахождение Нагайбакской крепости в пограничье Татарии и Башкирии, близ Мензелинска. Так те ли это нагайбаки, что образовали национальный район в Челябинской области?

Полтора века назад всех нагайбаков в числе других казаков переселили из родных мест за Уральские горы на так называемую Новую линию — новую границу с киргиз-кайсаками. Произошло это в 1842 году. Поэтому так пышно и зарубежно звучат названия нагайбакских селений, что заведено было тогда называть казачьи станицы и поселки в новом пограничье по местам, где прославились победами российское воинство. В том числе и нагайбаки.

В составе Оренбургского казачьего войска служили Отечеству нагайбаки до революции. В гражданскую войну разделили они казачью судьбу. Воевали под красными знаменами братьев Кашпириных, а того больше — под началом атамана Дутова, который, кстати, имел родовой надел вокруг Касселя. Потому и места эти были обильно политы кровью весной 1918 года, в том числе и нагайбаков. Затем эмиграция.

Говорят, в числе дутовцев даже в Австралию забросило казаков-нагайбаков. Многих из оставшихся на родине ожидали расстрелы, лагеря и высылка. Уцелевшие же не

имели права называться казаками. А они себя считать ими не переставали.

Был я в нагайбакских Париже, Фершампенуазе да Арсинском (то есть в Арси-сюр-Обе) на закате брежневского застоя и обратил внимание на местную особенность. На воротах, где подкова прибита, где фанерный конь. "Упрямцы, — пояснил мне представитель районного начальства. — Казачество давно уже отменили, а они все о нем намекают". В пору перестройки реабилитировано казачье сословье. Теперь нагайбаки могут в открытую с гордостью объявлять о своей принадлежности к казачеству — верным защитникам Отечества.

## Войско двенадцати языков

Среди оренбургских казаков было немало татар. Они сразу же, как только началось заселение Оренбургского края, изъявили желание переехать на Яик. Крупная татарская слобода Каргала была основана почти одновременно с Оренбургом по соседству с ним. Татар переселяли и в новолинейные казачьи станицы. Например, почти полностью татарской была станица Варна. Татары и сегодня составляют едва ли не большинство в этом райцентре Челябинской области.

Оренбургское казачье войско было поистине интернациональным. К примеру, при организации его был произведен набор малороссийских казаков. Охотников оказалось так много, что стали пустеть многие станицы в Малороссии. Властям пришлось ввести ограничения, затем появилась высочайшая резолюция — "малороссиян не набирать". Но черкасы продолжали прибывать на Яик уже как беглые. Почти полностью из малороссийских казаков состояли гарнизоны Чернореченской, Рассыпной и Переволоцкой крепостей. Памятником в слове стал поселок Черкасы неподалеку от Магнитогорска.

Целые полки составляли в Оренбургское войско крещенные калмыки. Они появились в Южноуралье после трагедии, постигшей Джунгарию. В конце XVII века государство черных калмыков-ойротов набрало такую мощь, что внушало ужас своими набегами на соседей — Китай, киргиз-кайсацкие (казахские) кочевья и русских сибиряков.

Достигали калмыки и пределов Урала. Память о их набегах — в названии челябинского села Бродокалмак. Поначалу оно именовалось Бродом Калмацким, потому что было основано у брода через Течу, которым пользовались калмыки при набегах. Кстати, одна из причин добровольного вхождения в Русское государство двух казахских жузов — нужда в защите от черных калмыков.

В 1754 году китайская армия разгромила Джунгарию. "Зюнгорский (джунгарский) народ войсками китайскими приведен в крайнее изнеможение и рассеяние", — отмечает современник трагедии оренбургский летописец П. И. Рычков. Калмыкам грозило полное уничтожение не только от китайцев, но и киргиз-кайсаков. Тогда-то они и приняли российское подданство. Их пропустили через Оренбургскую линию на Волгу. Те, что крестились, образовали вначале Ставропольское казачье войско. Позднее казаков-калмыков расселили по Новой линии. Много их осело в районе Карталов. Они дали название при-

току речки Карталы-аят и одноименному поселку Почаги, что в переводе с калмыцкого "постная земля".

Большинство калмыков переехало в Калмыкию после роспуска Оренбургского казачьего войска и образования автономной республики. Однако и сегодня еще встретить в бывших казачьих селениях типичных монголов с русскими именами. Это уральские калмыки.

Если вы попадете в село на той же речке Карталы-аят с зарубежным названием Кулевчи, не удивляйтесь мордовскому говору. Мордвы на Южном Урале, вообще, немало, но местная на особинку. Название села — памятник славы русского оружия — говорит о том, что в прошлом селение было казачьим, основали его на Новой линии казаки-мордва.

## Привел вожак волчьей стаи

О башкирах-воинах особый разговор. Веками башкирские полки, как и казачьи, составляли основу легкой кавалерии российской армии. Уральскими амурами называли башкир за то, что они были вооружены луками и стрелами и даже совсем недавно, в начале прошлого века эти древние луки и стрелы были у них на вооружении. Они участвовали в войнах Петра, как и в Семилетней, побывав тогда в Берлине. Тогда отличился старшина Юлай Азналин — отец Салавата Юлаева. А сколь славны деяния "уральских амуров" в войнах с Наполеоном! Мы уже упоминали о том, что составляли они отдельное мешеряцко-башкирское войско, однако входили в Оренбургское казачье.

Приближаясь к Челябинску от Уральских гор, обратите внимание на разъезд Тактыбай. Назван он по соседнему башкирскому казачьему поселку, а до того юрту Туктубай. Как ямскую станцию на Уфимском почтовом тракте, его, кстати, отметил в дневниковых записях поэт В. А. Жуковский, путешествуя с цесаревичем Александром по Уралу.

Когда местные земли были прирезаны к войсковым, туктубаевским башкирам было объявлено о их зачислении в казаки. Половина из них дала на то согласие, а другая переселилась на реки Ай и Миасс и образовала там деревни Асылгуша и Туктубай. Оставшиеся почти в течение века несли службу в составе оренбургских казачьих полков. В гражданскую войну и позднее разделили судьбу казачества.

Башкирский народ, как и русский, из числа молодых. Начал он формироваться на Южном Урале около тысячи лет назад и до наших дней вбирает в себя иноплеменников. Объединяющую роль в средневековом Южноуралье сыграли тюркские племена "башкорт", "бажгард", пришедшие сюда из азиатских степей в VII—VIII веках. Новорожденный уральский народ получил их имя и тюркский язык.

Наиболее распространенное толкование слова "башкорт" от тюркского слова "корт" — волк, башкорт — главный волк, волчья голова. Почитание волка, собаки, вообще, характерно для тюрков. Очевидно, волк был тоtemом этого тюркского племени башкорт. В целом ряде преданий говорится, что предков башкир привел на Урал вожак волчьей стаи.

Аркадий КОРОВИН  
"Клад"  
писателя Петрова

В некрологе было сказано так: в воскресенье 10 августа 1903 года в Александровской больнице г. Перми скончался Леонид Павлович Петров, мелкий чиновник, но большой писатель.

Его имя сейчас прочно забыто. В "большие" писатели он не попал. Но в свое время был замечен. Его рассказы насыщены живым дыханием действительности. Творчество выросло на уральской почве.

К сожалению, нет точных данных о рождении Л. П. Петрова. Появился на свет около 1862 года и, вероятно, в старинном уральском городке Кунгуре. Целое десятилетие учительствовал в селе Урмы, глухом чисто медвежьем уголке Кунгурского уезда, затерявшемся среди дремучего соснового леса.

Здесь, в Урмах, Леонид Павлович написал большой роман и послал в широко известный гублике журнал "Нива". Однако, напечатан он не был. Пока жил в Урмах, написал еще уйму рассказов, очерков, повестей. Но лишь в 1892 году в Перми вышла у него первая книжка из двух рассказов под названием "Клад". Ее издала редакция журнала "Русский начальный учитель".

В Урмах кто-то выстрелом из-за угла ранил его в голову. После этого Петрова перевели учителем в большое оживленное село Крестовоздвиженское — в двух верстах от Кунгура. Потом он перебрался в Пермь, где и служил мелким чиновником в конторе железной дороги, получая мизерное жалованье. Семья до самой его смерти так и не выбилась из нищеты.

Секретарю газеты "Екатеринбургская неделя" П. М. Сивкову он писал в 1896-м: "Если будут еще печататься мои корреспонденции, то считай строки: чуть наберется трешница, — сейчас кати ее по моему адресу..."

А в следующем письме Петров общал другу: "Спасибо тебе за трешницу. Я на нее приобрел себе стол (и какой стол-то, черт возьми) и пишу вот на нем сие послание... Вспоминаю Салтыкова: "Все зависит от точек зрения". С какой точки зрения смотреть на жизнь: если с точки зрения сделать пользу своему ближнему, то жизнь "достаточно" гадка. Но если смотреть с точки зрения простого на-

блюдателя, то, право, очень много смешного. Вот, бог даст, все расскажу лично и ты похочешь от души!"

Но при встрече в Екатеринбурге этот бодрый, насмешливый писатель показался Сивкову сильно постаревшим. А ведь ему не было и сорока. Стал робок, недоверчив, гечален, вспоминает Сивков, уже не говорил с надеждой о будущем... Дети подрастали, надо было учить, а средств не было.

В начале 1900 года его постиг новый удар. Почти в один месяц скончалась его жена и единственный сын. Леонид Павлович остался с тремя дочерьми, старшей было около 17 лет. Ей он диктовал свои произведения, поддерживая таким путем ее грамотность, вспоминает С. И. Ильин, ибо отдать девочку в школу не было средств.

Смерть родных доконала Леонида Павловича и в возрасте 41 года он скончался в Перми.

Л. П. Петровым написано много повестей, рассказов, очерков, свидетельствует П. М. Сивков. Все это рассеяно по страницам "Пермских губернских ведомостей", "Екатеринбургской недели", поволжских газет и журналов, а также по столичной прессе. При жизни писателя вышли только две книжки его рассказов: "Подкараулил" и "Клад".

Петров писал преимущественно рассказы из народного быта, знакомого ему близко и хорошо. В "Пермских губернских ведомостях" за 1892—1903 годы было напечатано десятка три рассказов из приисковой жизни. "Это едва ли не лучшие произведения покойного, отмеченные редкой наблюдательностью и безусловной талантливостью", — отмечал С. А. Ильин, через руки которого в этих газетах проходили сочинения Петрова.

После смерти писателя остался большой архив неопубликованных произведений, который, вероятно, погиб.

Было бы культурным событием, если бы одно из пермских издательств собрало и выпустило сборник лучших произведений Л. П. Петрова — писателя из народа и для народа. Его рассказы — настоящая энциклопедия быта уральцев той эпохи, в которой жил писатель.

г. Заречный

Иосиф БЫХОВСКИЙ  
Взрыв на "Авроре"

Начиналась весна 1918 года. В субботу, 30 марта, на Петроград с Балтики нахлынули волны густого тумана. Стоявший у Английской набережной, крейсер "Аврора" от ватерлинии до клотиков мачт был скрыт серой завесой. Вахтенный матрос-дневальный Федор Найчук и подвахтенный Тимофей Семенов стояли на набережной, прислонившись к ограждению трапа.

С собора Петропавловской крепости сквозь туман донесся печальный перезвон курантов. Матросы прислушались: восемь часов утра.

Неожиданно из тумана вынырнула какая-то фигура.

— Стой! — крикнул Найчук, вскидывая винтовку.

— Стою, — послышался сиплый, прустуженный голос. — Стою, браток!

Матрос разглядел подошедшего. Это был человек в грязной солдатской шинели и надвинутой на глаза рваной папаче. Лицо покрывала густая рыжая щетина.

— Здесь ходить нельзя, — объяснил Найчук.

— Не сердчай, браток! — ответил солдат. — В тумане-то не шибко видно, куда идешь. А я на работу добирюсь, в Новую Голландию... Иду вот по набережной, смотрю — на тебе! — С этими словами солдат подал вахтенному тяжелый сверток, завернутый в серую бумагу и перевязанный толстой бечевкой. — Видать, имущество ваше, казенное. Так что, возьми, браток. А мне бы курнуть...

Вахтенный Найчук — из молодых, только неделю назад пришедших на крейсер из балтийского флотского экипажа, щедро одарил солдата махоркой.

— За находку казенного имущества спасибо, служивый. Сдам его вахтенному начальнику.

— Сдай, браток, сдай. Огромную благодарность от начальства получишь. Ну, а я потопал, прощевай.

И человек в солдатской шинели, еще глубже нахлобучив рваную папачу, исчез в густом тумане.

Оставив за себя подвахтенного, Найчук отнес на борт весистый пакет и передал его вахтенному начальнику мичману С. С. Кудрявцеву, после чего вернулся к трапу.

Вахтенный начальник принял принесенный пакет и тотчас доставил его в кубрик судового комитета.

Командира крейсера в это время на борту не было. Член судового комитета П. И. Курков срочно вызвал старшего артиллериста корабля.

Вскоре в кубрик вошел невысокого роста лейтенант. На его переносице поблескивало пенсне в золотой оправе. Это был Борис Францевич Винтер, старший артиллерист крейсера, плававший на нем с 1914 года. В исторический день 25 октября 1917 года Б. Ф. Винтер принимал участие в выводе "Авроры" с Франко-Русского завода на Неву, к Николаевскому мосту; ему тогда было поручено наблюдение за исправностью якорного устройства.

Винтер происходил из семьи потомственных моряков. Его дед и отец служили на флоте, отец жены плавал на "Ретвизане", участвовал в русско-японской войне. Брат — Евгений Францевич — в 1920 году стал начальником Военно-морского училища.

Несмотря на то, что Б. Ф. Винтеру в описываемое время было лишь 26 лет, он слыл весьма опытным артиллеристом и пользовался авторитетом у моряков "Авроры".

Выслушав рапорт вахтенного начальника, Борис Францевич подошел к столу, на котором лежал таинственный сверток, вынул из кармана перочинный нож и разрезал бечевку. Затем он осторожно снял толстую оберточную бумагу. Под нею оказался плоский блестящий ящик из латуни длиной 10 дюймов.

— Гляди-ка, — воскликнул кто-то из матросов. — Чикает...

Винтер мгновенно понял: это "адская" машина с работающим часовым механизмом взрывателя! Когда грянет взрыв? Это может случиться и через час, а может и сию минуту... Что делать?

— Всем покинуть кубрик! — крикнул Винтер. Из помещения вышли все, за исключением Куркова.

Старший артиллерист решил обезвредить мину.

В торце ящика виднелось несколько латунных винтов. Лезвием-отверткой Винтер начал осторожно вывинчивать их. Винты поддались и вскоре лежали на столе. Кончиком ножа Борис Францевич поддел крышку, и она, вопреки ожиданиям, легко отделилась от ящика.

Теперь обнаружилось его содержимое. Матово блеснул диск часового механизма. Винтер склонился над ним.

— Так-с... Бомбочка-то, оказывается, английская! — тихо проговорил он. — А часики несомненно швейцарские. Тут должна быть цифра "во-

семь", так только в Швейцарии метят. Вот она, смотрите, Петр Иванович!

Курков пригляделся. Да, под циферблатом виднелась цифра "8", окрасленная в красный цвет.

Борис Францевич внимательно осмотрел циферблат. Вороненая стрелка упиралась в латунный штифт около цифры "10". Винтер машинально посмотрел на свои карманные часы: они показывали 9.18.

Остановить неумолимый ход часов адской машины было невозможно — их механизм находился в массивном металлическом корпусе. Чтобы прекратить злое тиканье, нужно было отделить часовой механизм от взрывного устройства.

Склонившись над столом, Винтер продолжал рассуждать вслух:

— Что ж, обычная адская машина... Мы такие не раз видывали и разряжали!

Крепко обхватив правой рукой основание часового механизма, а левой удерживая хвостик латунной гильзы, Винтер повернул механизм. Еще одно усилие, и он сдвинулся. Спустя несколько минут, из латунной гильзы Винтер осторожно извлек взрывное устройство, отделив от него часовой механизм с ударником. Лязгнули рычаги, с громким щелканьем распрямилась боевая пружина, и ударник ринулся вниз. Но теперь взрывное устройство, отделенное от капсуля-детонатора, и ящик со взрывчатым веществом уже не представляли опасности. Кончиком перочинного ножа лейтенант тронул колеблющийся маятник. Роковое тиканье прекратилось.

Однако Винтеру сделанного показалось недостаточно. Его, как специалиста, заинтересовал взрыватель "адской" машины. Ее капсюль-детонатор был запрессован в шашку-брусочек.

Появившийся в дверях вестовой доложил, что на крейсер прибыл командир, который просит старшего артиллериста к себе.

Винтер завернул в носовой платок шашку с капсюлем.

— Берите ящик и часовой механизм, — сказал он Куркову.

И они отправились в каюту командира.

Лейтенант Н. А. Эриксон был не один. В кресле у письменного стола сидел старший инженер-механик крейсера Ч. Ф. Малышев.

Винтер доложил командиру о случившемся.

— Вот извольте ли видеть, Николай Адольфович, — добавил он, — какую хитрую штуку придумали англичане. Трубка запала составляет здесь

одно целое с тротиловой шашкой. Я пытался извлечь трубку, но где там, сидит, словно припаянная.

Неугомонный старший артиллерист перочинным ножом снова пытался извлечь латунную трубку — операция весьма опасная!

— Борис Францевич, — с тревогой в голосе проговорил старший инженер-механик Малышев. — Вы лучше оставили бы в покое все это.

— Не беспокойтесь, Чеслав Федорович, дело знакомое, не раз...

Винтер не успел досказать до конца. Грянул взрыв, и он рухнул на палубу. Командир корабля схватился руками и за лицо. Курков и Малышев отделались испугом.

В каюту командира прибежал судово-врач Маслов. Он оказал пострадавшим первую помощь, однако состояние Б. Ф. Винтера внушало серьезные опасения: разможены два пальца на правой руке, множественные ранения брюшной полости и грудной клетки, контузия, большая потеря крови... Винтера немедленно доставили в госпиталь. Хирурги насчитали сто три ранения!

Полгода пролежал Винтер в госпитале. Потом он продолжал служить на флоте уже в качестве флагманского артиллериста отряда линейных кораблей. Преподával в Военно-морском инженерном училище им. Дзержинского. Капитан 1 ранга Б. Ф. Винтер, отдавший русскому и советскому флоту 44 года жизни, спасший от тяжелой аварии (а возможно и от гибели) крейсер "Аврора", умер в Ленинграде в 1959 году.

Специальная комиссия из флотских минеров тщательно исследовала "адскую" машину. Эксперты единодушно отметили, что Винтер прав: бомба замедленного действия британского происхождения, часовой механизм и взрывное устройство изготовлены в Швейцарии. Девять фунтов английского спрессованного тротила, которым была заряжена "адская" машина, при взрыве могли причинить крейсеру серьезные повреждения, вызвать пожар и унести немало человеческих жизней. В случае же детонации боезапасов в носовом погребе корабля он был бы уничтожен.

г. Санкт-Петербург

Велимир ПЕТРИЦКИЙ

## "Звездное небо надо мной..."

Человек впрягся в телегу. Упрямо склонил голову. Затрепетала на ветру жидкая борода. Колеса застонали, жалуясь. Заскрипел песок. Телега сдвинулась с места.

Дорога шла в гору. Колеса увязали в песке, словно в клее. Все ниже клонилась к земле голова человека; обильнее становились ручейки пота — они слепили глаза. Беспощадно жалили шею, лицо и руки оводы и комары. И отмахнуться невозможно: руки прикипели к шершавым, раскаленным оглоблям.

На повороте с телеги упал мешок с хлебом. За ним — второй, с вяленой рыбой. Человек подобрал с дороги камень — подложил под колесо. Выпрямился, сдерживая невольный стон. Теперь можно и мешки покидать в телегу. Но не спеша, не спеша... Осторожно...

Снова руки ощутили горячую шершавость оглобель. Снова перетянутой струной напряглась спина. Ну, помогай Бог!..

Застонали колеса. Тронулась телега. Поворот, еще один — последний — поворот. Лагерные ворота, как врата в рай... Наконец-то!

Дежурный у ворот возвестил:

— Лошак номер четвертый прибыл! Распрягайся проворней, борода!

"Лошадью номер четыре" в лагере на Соловках называли Павла Александровича Флоренского. Но он не обижался на молодых, круглолицых охранников. Его взгляд на мгновение останавливался на смеющемся лице вооруженного охранника, а потом снова становился сосредоточенным, созерцающим что-то невидимое людям.

И — странное дело! — охранник вдруг переставал хохотать и приказывал:

— Иди! Иди отсюда!

А товарищам, новичкам, объяснял:



— Он — тово... С приветом! Профессор, сказывают... Не от мира сего...

Павла Александровича Флоренского в 1921 году действительно избрали профессором Высших художественно-технических курсов в Москве — прославленного ВХУТЕМАСа. Но профессоров в истории науки было немало, а Флоренский был и остается уникальным явлением отечественной культуры. Кто-то метко окрестил его русским Леонардо.

Будущий ученый и философ родился 9 января 1882 года в местечке Евлах (ныне в Азербайджане), где его отец, инженер-путеец, работал на строительстве Закавказской железной дороги.

Мать Флоренского происходила из старинного армяно-грузинского рода. Семья Флоренских была боль-

шой — семеро детей! — и очень дружной.

Окончив гимназию в Тифлисе, юноша в 1900 году, на переломе столетий, поступил на физико-математический факультет Московского университета. Павлу Флоренскому казалось тогда, что именно в математике — и только в математике! — отыщет он истину мира. В автобиографии, написанной в 1921 году, Флоренский отмечал, что у него с юных лет "выросло и утвердилось коренное убеждение, что все возможные закономерности бытия уже содержатся в чистой математике".

Но поиск истины — нелегкое дело. Изучение математики и физики привело Флоренского к пониманию того, что они дают лишь формальную возможность познания мира, не включая в сферу познания человека. И вот в 1904 году, после окончания университета, Флоренский поступает в Московскую духовную академию.

Начинается этап соединения, синтеза знаний о природе и о человеке, о материи и о духе, поиск всеединства. В основном своем философском труде "Столп и утверждение истины" (1914) Флоренский писал: "Истина, Добро и Красота — ... не три разных начала, а одно. Это — одна и та же духовная жизнь, но под разными углами зрения рассматриваемая. Духовная жизнь, как из Я исходящая, в Я свое средоточие имеющая, — есть Истина. Воспринимаемая как непосредственное действие другого — она есть Добро. Предметно же созерцаемое третьим, как вовне лучающаяся — Красота".

Эта мысль философа объясняет главное. В ней выражен его подход к всеединству мира и человека. Человек призван любить мир, принимать и понимать его, быть с ним в единении, ведя мир к просветлению и одухотворению, направляя сти-

хийные силы природы в сторону творчества.

"Культура; — подчеркивал мыслитель, — есть сознательная борьба с мировым уравниванием; культура состоит в изоляции, как задержке уравнительного процесса Вселенной, и в повышении разности потенциалов во всех областях, как условие жизни, в противоположность равенству — смерти".

Созидавая культуру в течение тысячелетий, люди выявляют вечные ценности бытия; восходят от эгоистического состояния к пониманию единства мира и человечества.

Казалось бы, эти далекие от реальной жизни размышления не располагали их автора к конкретному действию. Но это только казалось... Когда в 1906 году знаменитый лейтенант-бунтарь Петр Шмидт был приговорен к смерти, Флоренский публично выступил за отмену смертного приговора. Философ тотчас же был арестован и три месяца просидел в Бутырской тюрьме.

Флоренский "вычислил" революцию. Поэтому ее приход не оказался для философа неожиданностью. В числе первых интеллигентов он откликнулся на призыв новых властей к сотрудничеству. Вчерашний богослов, священник стал ученым-естествоиспытателем, инженером-исследователем; преподавал физику и математику, работал в комиссии по охране памятников искусства и старины.

В 1922 году вышла в свет книга Флоренского "Мнимости в геометрии", до сих пор еще недостаточно оцененная. В ней ученый предсказал возможность существования антимира и "черных дыр". Вот почти фантастические — по тем временам — строки из книги: "...станувшись до нуля, тело проваливается сквозь поверхность — носительницу соответственной координаты, и выворачивается через самое себя... можно сказать, что пространство ломается при скоростях больших скорости света, подобно тому, как воздух ломается при движении тел со скоростями большими скорости звука; и тогда наступают качественно новые условия существования пространства... — свидетельство его перехода в другую действительность".

Занимался Флоренский и практически неотложным делом — созданием новых материалов: диэлектриков и синтетических пластмасс. В этой области он сделал ряд открытий и изобретений, выпустил в 1924 году солидный том "Диэлектрики и их применение". С 1927 года Флоренский — соредактор "Технической энциклопедии", для которой написал более сотни статей...



На работу в советские учреждения — в институты, комиссии, редакции — Флоренский приходил в священническом подряснике. Он не скрывал своих взглядов и убеждений, не перекрашивался. Ученый хотел только одного — работать для пользы общества, для блага родного народа.

Именно поэтому, когда его друзья покидали родину, отправляясь в эмиграцию, Флоренский не пожелал последовать их примеру. Как вспоминал впоследствии Сергей Булгаков, его друг, большой русский философ, Флоренский "органически не мог и не хотел стать эмигрантом в смысле вольного или невольного отрыва от родины, и сам он, и судьба его есть слава и величие России, хотя вместе с тем и величайшее ее преступление".

В чем оно, это преступление? Флоренского всегда занимала проблема духовности. Мыслитель искал ее разрешение и в религии, и в науке, и в морали, и в искусстве. Интересовали его судьбы такого духовного глубокого и оригинального явления, как русская иконопись. Запечатлительное открытие Флоренского — обоснование правомерности "обратной перспективы", на которой построена древне-русская живопись. В глубине изображения зритель видит большие по размерам предметы, а на переднем плане — меньшие. Известный советский ученый академик Б. В. Раушенбах высоко оценил это открытие Флоренского.

Но в конце двадцатых годов интерес исследователя к иконописи был представлен как контрреволюционная попытка создания "православного Ватикана". Летом 1928 года Флоренский выслан в Нижний Новгород. В феврале 1933 года арестован, осужден по статье 58-й на десять лет и отправлен по этапу в восточно-сибирский лагерь, по иронии судьбы называвшийся "Свободный".

Исследователь остается таковым в любой обстановке. Флоренский и в лагере нашел дело по душе — изучал... вечную мерзлоту. Впоследствии результаты исследований ученого легли в основу книги его сотрудников Н. И. Быкова и П. Н. Каптерева "Вечная мерзлота и строительство на ней".

Поздней осенью 1934 года Флоренского переводят на Соловки. Здесь он начал работать на лагерьном заводе йодной промышленности — над получением йода из морских водорослей. Сделал более десятка научных открытий и изобретений.

Но летом 1937 года Соловецкий лагерь был преобразован в тюрьму особого назначения. Отныне ученый работает сторожем, а затем — "лошадью номер четыре"... В последнем из дошедших до нас писем от 3—4 июля 1937 года Флоренский сообщал жене: "В общем все ушло (все и все). Последние дни назначен сторожить по ночам в бывшем йодпроме произведенную нами продукцию. Тут можно было бы заниматься (сейчас пишу письма, например), но отчаянный холод в мертвом заводе, пустые стены и бу-

шующий ветер, врывающийся в разбитые стекла окон, не располагают к занятиям, и ты видишь по почерку, даже письмо писать окостеневшими руками не удается... Вот уже 6 час. утра. На ручей идет снег, и бешеный ветер закручивает снежные вихри. По пустым помещениям хлопают разбитые форточки, завывает от вторжения ветра. Доносятся тревожные крики чаек. И всем существом ощущаю ничтожество человека, его дел, его усилий".

И однако, нечеловеческие тяготы, унижения и рабский труд не сломили Флоренского. Помогала выстоять духовность. А что это вообще такое — духовность? Когда человек свободен от сладкого бремени чувственных наслаждений и культуры вещей; когда его помыслы обращены к другим людям, к своему внутреннему Я и к миру, можно утверждать, — человек этот духовен. Флоренский и в лагере, и в тюрьме думал о жене и детях, писал им письма; в рисунках изображал соловецких птиц и местные растения; размышлял о судьбах человечества, делая своими размышлениями в письмах к коллегам-ученым.

И, взглядываясь по ночам в знакомые очертания созвездий северного неба, наверное, не раз вспоминал слова великого немецкого мыслителя Иммануила Канта: "Две вещи наполняют душу все новым и нарастающим удивлением и благоговением, чем чаще, чем продолжительнее мы размышляем о них, — звездное небо надо мной и моральный закон во мне".

Зерна добра в душе Павла Александровича Флоренского давали все новые и новые всходы. Легендарной была его жизнь. Существует легенда и о его уходе из жизни.

25 ноября 1937 года Флоренский вторично осужден особой тройкой Управления Народного Комиссариата Внутренних Дел по Ленинградской области. Приговор гласил: десять лет без права переписки. Это означало — смерть. Обычно по такому приговору расстреливали. Но...

Живет в Архангельске ученый-биолог, историк Севера Ксения Петровна Гемп. На Соловках, в середине двадцатых годов, погибла ее мать. Самой Ксении Петровне за

девяносто, но она не оставляет изучения новейшей истории Соловков.

Именно К. П. Гемп поведала об обстоятельствах гибели Флоренского. По ее словам, звонарь бывшего Соловецкого монастыря отец Александр рассказал ей по большому секрету еще в 1941 году следующее.

Глубокой осенью 1937 года к причалу в Соловках подошли баржу "Клара Цеткин". Баржа должна была будто бы доставить заключенных с Соловков на строительство Беломорканала. Отбирали тех, кто помоложе и поздоровей. В их число попал и лагерный книголюб, студент Митя Лихачев, будущий академик. Флоренский, наблюдавший за посадкой заключенных, отстранил молодого человека и вместо него поднялся по трапу на борт баржи.

"Клара Цеткин" не дошла до места назначения. Баржу вместе с людьми затопили в Белом море.

Альберт Эйнштейн заметил как-то: "Смысл имеет лишь жизнь, прожитая ради других". Нельзя не добавить — и смерть ради других может обрести смысл... Горький, но высокий...

Это, конечно же, легенда. Осенью 1937 года Дмитрия Лихачева на Соловках уже не было. Но одно несомненно: официальная дата смерти П. А. Флоренского, 1943 год, сообщенная органами Министерства Внутренних дел родственникам ученого в ноябре 1958 года, не может быть признана действительной. Всякая связь Флоренского с родными, близкими и друзьями оборвалась в конце 1937 года. И не тот человек был Павел Александрович, чтобы не черкнуть хотя бы несколько строк в любых условиях, будь он жив в течение еще пяти лет.

Имя Флоренского на многие десятилетия оказалось вычеркнуто из памяти народа, из истории отечественной культуры. Но как это подчас бывает, трагическая судьба ученого привела не к гибели, а к торжеству и победе дела его жизни.

Еще в 1929 году в письме к Владимиру Ивановичу Вернадскому, развивая его учение о биосфере, Флоренский пришел к мысли "о существовании в биосфере или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, то

есть о существовании особой части вещества, вовлеченного в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа". Мыслитель подчеркивал "особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства", что придает культуросозидательной деятельности человека планетарный характер и смысл.

...У замечательного русского художника Михаила Нестерова, великолепного портретиста, есть картина, а, по сути, групповой портрет — "Философы". Написана она в 1917 году. Но содержание картины — самое мирное. На фоне синющего на горизонте хвойного леса по поляне, пронизанной волнами неяркого вечернего света, неторопливо идут два человека, два философа — Павел Флоренский в одеянии священнослужителя и Сергей Булгаков в накинутом на плечи темном пальто — вечереет, свежо. Философы беседуют о будущем.

\* \* \*

Жизнь не прекращает бега и тогда, когда перо летописца норовит притормозить ее, выхватывая из неостановимого потока отдельные лица, отдельные события. Пока писался очерк, родственники философа пытались отыскать хоть какие-либо документы, проясняющие картину последних дней и смерти П. А. Флоренского.

И вот на страницах "Литературной газеты" появилась небольшая публикация игумена Андроника (Трубачева), внука П. А. Флоренского, — "От легенд к фактам". По запросу семьи в июле 1989 года в управление КГБ СССР было произведено расследование обстоятельств осуждения и гибели священника Павла Флоренского.

В новом свидетельстве о смерти говорится: "Гражданин Флоренский Павел Александрович умер 8 декабря 1937 года в возрасте пятидесяти лет... Причина смерти — расстрел. Место смерти — область Ленинградская"...

На снимках:

П. А. Флоренский и С. Н. Булгаков. Фрагмент картины М. В. Нестерова "Философы"; П. А. Флоренский.



Игорь ТРУТНЕВ

## Рычковская церковь в Спасском

*Что известно о славном россияnine Петре Ивановиче Рычкове широкому читателю? Кто-то вспомнит, что был он географом, историком, экономистом, что жил в Оренбуржье в XVIII веке, стал первым членом-корреспондентом Петербургской Академии наук...*

*Недавно книгу об ученом завершил уральский краевед И. А. Трутнев. Он же пять лет назад подал идею Рычковских чтений в Бугульме и селе Спасском.*

Вспоминаю первую поездку в Спасское в феврале 1988 года. Ехал с замиранием сердца: вот сейчас, думаю, при въезде в село увижу мемориальный монумент или щит, извещающий, что здесь жил когда-то Рычков. Вот-вот явится глазам церковь, им построенная, а возможно, думалось, увижу несколько домов тех времен, родниковый ключ, о котором упоминали и он сам, и именитые петербургские академики, посещавшие в конце 60-х годов XVIII века рычковское имение.

В тот ранний час было еще темно. Но вот стало заниматься хмурое зимнее утро. И я увидел еще не ясный силуэт церкви. Но вид ее поверг в уныние. Не удалось селянам сберець этот памятник. Только родник продолжал, как и два с лишним века назад, бить прозрачной студеной струей. Не смогли потомки Петра Ивановича сохранить и могилу своего предка, которым, надо полагать, гордились. Хотя уже более 100 лет назад приезжавшие сюда краеведы отмечали утрату точного места захоронения П. И. Рычкова. Хочется надеяться, что при реставрации церкви будет найдена и могила. У краеведа А. В. Ефремова есть кое-какие предположения.

Вспоминаются беседы с жителями Спасского: секретарем парторганизации совхоза "Памяти Баумана" Вячеславом Анатольевичем Крохиным, председателем Спасского сельсовета Фанией Абдуловой Калимуллиной, директором сельской школы Маснови Каюмовичем Шакировым, почетным гражданином села Михаилом Федоровичем Крюковым...

Конечно, какой-либо новой для себя информации о Рычкове я тогда не получил. Как говорится, все ушло... Но у пожилых людей сохранились в памяти различные сведения, вроде: "вокруг церкви была каменная ограда", "когда мы были девочками, церковь эта работала, потом левый ее пристрой стали разбирать на кирпичи", "наши родители говаривали, что в метель церковный ко-



локол звонил для случайного путника, чтобы ему не заблудиться", "и слышен этот звон был верст этак за 10—12, аж до самой Малой Бугульмы", "а какой был звон мелодичный, малиновый..." и т. д. и т. п.

Жители Спасского в меру сил и возможностей чтут память своего знаменитого земляка. В сентябре 1984 года на здании восьмилетней школы установлена мемориальная доска, напоминающая о том, что в селе с 1760 по 1770 годы жил и работал выдающийся русский ученый Петр Иванович Рычков. А через год возле той же школы открыт бюст ученому, созданный скульптором Агафоновым из г. Альметьевска. В школьном краеведческом музее несколько стендов отведено Рычкову. В Бугульме и Спасском, благодаря активному участию Г. Ф. Лукашовой и Н. В. Янбухтиной, прочитан цикл лекций о Рычкове. Прошли Рычковские чтения.

С интересом я рассматриваю картину бугульминского художника Н. Н. Осокина "Рычков в Спасском". Вот он в распахнутом кафтане, опираясь на трость, стоит перед нами. Ветер развывает белые кудри парика. Взор мудрого человека устремлен вдаль. О чем он думает? Возможно, об урожае с полей своих или о медеплавильном своем заводе, или о далеком Санкт-Петербурге... Вблизи стоит коляска, запряженная двумя лошадьми, из которой он только что вышел.

А сельская церковь была заложена, как писал Рычков, 14 сентября 1757 года по рисунку обретавшегося в Оренбурге архитектора Мюллера, кладкой

окончена 14 сентября 1764 года, а освящена в 1765-м.

Ее здание было выстроено в стиле зрелого барокко. Хотя, заметим, особой пышностью и величественностью оно, вероятно, не отличалось.

В 40-х годах прошлого века к зданию добавились приделы (пристрои): южный (сохранившийся) и северный (осталась часть фундамента, а сам пристрой разобран на кирпичи). Фасады покрыты лепниной и резьбой по камню. Внутреннее же убранство, а также настенные и подкупольные росписи совершенно не сохранились. А вдруг под позднейшими наслоениями замурованы уникальные росписи? Кто знает...

Известно, что по заключению специалистов в декабре 1983 года церковь находилась еще в удовлетворительном состоянии. Представляется, что и сегодня время для восстановления не упущено.

Необходимо укрепить кирпичную кладку здания, восстановить утраченные декоративные части — фризы, наличники, барельефы, заменить деревянные перекрытия, оконные и дверные переплеты. Главное, что фундаменты пока не имеют наклонов и трещин, а сводчатые перекрытия храмовой части трапезной и алтаря во вполне приличном состоянии. А вот колокольня совсем утрачена, сохранилась лишь узкая винтовая каменная лестница, по которой взбирались когда-то звонари. Под северным пристроем имеется спуск в подвал. Из помещения церкви в него вело отверстие (в метр диаметром) в каменном полу, но оно было завалено камнями во избежание несчастных случаев. Из подвала, как предполагают старожилы, ведет ход в часовню у леса, находящуюся в нескольких сотнях метров. Это свидетельство требует тщательной проверки.

В 1993 году селу Спасскому исполнилось 250 лет...

**"Возраст не тот,  
чтобы бояться  
интима..."**

Спасибо, что вы пригласили к этому откровенному разговору и нас, молодых людей.

Какая бы она ни была, первая любовь — горькая или сладкая, счастливая или несчастная, — память о ней должна остаться у каждого. Во всей нашей жизненной круговерти, может быть, именно часы, дни, годы любви и стоит помнить и сохранять. Вы правы: зачастую у всех нас это чувство началось со школьной скамьи, только каждый воспринял и откликнулся на него по-разному. Моя основная профессия — учительница. Наше поколение многое испытало, видело больше плохого, чем хорошего. Мысль написать обо всем, что нами пережито, связать личную жизнь с теми общественными явлениями, которые коснулись нас, мне пришла еще два года тому назад. Должны же мы что-то оставить в завещание молодым. Как им жить дальше? Какая-то несусветная кутерьма творится, и некому совершенно все это остановить.

Ваш откровенный разговор побудил меня добавить к тому, что я пишу, еще и самое сокровенное, глубоко личное. Ничуть не боюсь, что это — интимная жизнь, что я могу быть узанной. Возраст не тот, чтобы бояться.

А, может, я пишу только ради успокоения своей души. Может быть, моя рукопись в целом вам и не будет нужна? Но тогда, возможно, вы решитесь поместить ее частями — то, что найдете нужным?

*А. И. Энгельгардт  
Красноуральск*

## ОТ РЕДАКЦИИ:

*Уважаемая Аида Александровна! Судить о рукописи, пока ее нет, конечно, трудно. Но всякая работа, если она начата, должна быть закончена. В крайнем случае, мы поместим ее, как Вы предлагаете, частями. Так что, легкого Вам пера и всех благ!*

**Что же с нами  
произошло?**

Я родилась и выросла в уральском селе, но давно уже живу на Кубани. "Уральский следопыт" не выписываю, но стараюсь прочесть каждый номер. Ваш разговор о первой любви вернул меня в юность.

Мой Саша вырос в одном селе со мной. Вместе ходили в школу — за четыре километра, в соседнее село. Где-то в классе 9-ом я вдруг поняла, что возле меня живет необыкновенное чудо. Не очень красивый, не очень высокий, совсем не модный — ходил он в неизменном лыжном байковом костюме: отец погиб на фронте, мать тянула троих детей, не разжившись даже простой одежкой... И чуть косолапый был Саша, но и косолапость его казалась мне исключительной — ведь у других ее не было. А меня считали в молодости красивой, и вертелись вокруг меня ребята не чета ему. Только других для меня просто не существовало — был один робкий, стеснительный Саша. Был его дом за речкой, на который я смотрела с крыльца своего дома. У нас в семье сохранился хороший трофейный бинокль, и я постоянно вела "смотровую осаду". Там у них колодец был рядом с домом; стоило мне разглядеть в бинокль Сашу — я хватала ведра и летела за водой, удивляя своим рвением маму. Я завидовала его собаке, его кошке — ведь они жили рядом с ним и могли видеть его, сколько хотели.

Между прочим, знала я, что очень ему нравлюсь, и дружили мы несколько лет. Вот только не поцеловались ни разу — такие мы были закомплексованные. За руки держались — нам этого хватало. Я была в то время почти пьяна от счастья; прожив жизнь, дождавшись внуков, я никогда больше такого не испытывала. Я не ходила — я летала! Моя подруга как-то сказала мне: "Не думай, что он так уж тебе верен. Хочешь, в любой момент его уведу?" — я только рассмеялась в ответ.

Так вот. Учились мы с Сашей уже в техникуме. Он пригласил меня на день рождения. И подруга моя была там. Что она сотворила — я не пони-

маю до сих пор, но только как он усадил ее в начале рядом с собой, так и не отпустил весь вечер: танцевал с ней, провожал домой... Меня для него просто не существовало. Каково мне было делать спокойный вид, а потом идти домой одной?

На утро я встала взрослым человеком, что-то замерзло в сердце. Девчонки уговаривали помириться с ним, ругали подругу, что она увела его; но меня-то от него и принц бы не увел... Мы помирились, проводила его в армию. За два месяца до прихода Саши я вышла замуж за другого — не любя.

Мы не виделись с ним 36 лет. Все эти годы я помню и вижу его во сне. Знаю, что и его жизнь не сложилась удачно, что он жалеет обо мне, ставит в вину, что не дождалась. А мне и сейчас хочется спросить его: что там произошло, в тот злополучный день рождения?

Мой Саша живет в Челябинске, и город этот мне дорог — по его улицам ходит по-прежнему дорогой мне Саша. И хотя сейчас, наверное, мы не узнаем друг друга — господь, храни этого человека...

*О. Н. З.  
Апшеронск*

## Жаль мальчиков!

...Жаль мальчиков, которые не успели сделать глоток благородного полусухого вина из тонкого бокала, согретого биополем собственной ладони. Глотнувшие в нежном возрасте "водяры" или "бормотухи" из "огнетушителя" в темном подъезде, из горла, из вспотевших ручонков более опытного сверстника, они уже не сумеют понять вкус "этой кислотины", даже если кто-нибудь ее предложит — ведь от нее не "забалдеешь в натуре"...

Жаль мальчиков, зачарованных ловкостью гения карате, ладонью разбивающего кирпич, и рельефностью мускулов Шварцнеггера. Зачарованных настолько, что уже не умеют понять могучей силы тихого слова, сказанного вовремя. "Славу народов создают не дурацкие крики на городских площадях, а царственная мысль, которая ютится в мансарде".

А когда же про любовь?..

Так ведь это все — про любовь!..

Жаль мальчиков, которые так торопятся стать взрослыми, что не замечают первую любовь. Да и не только первую. То, что сейчас в видяхах называется "заниматься любовью", имеет лишь косвенное отношение к чувству. А первую любовь выделяют именно потому, что это любовь в чистом виде — еще и трепет, забота, самоотверженность.

Мой отец не жил с нами. Но когда его, а потом и его жену арестовали в 1937 году, мама пыталась взять к себе не только его сына, но и дочку его жены — не позволили. Об этом отцу после реабилитации рассказали его друзья, а он мне рассказал уже после маминной смерти. Когда она уже не могла вставать и с трудом нас узнавала, — с его приходом она старалась подтянуться, становилась более собранной, старалась четче подбирать слова и не путаться в разговоре. Была ли это первая ее любовь — не знаю: к моменту их знакомства ей было тридцать лет. А отца было за что любить. После выхода на свободу каждый год он к моему дню рождения приносил подарок не мне, а маме — коробку конфет и цветы.

Так что дело не в количестве "любвей" — первая, вторая, последняя, а в качестве. "Сияя, сияя прощальный свет любви последней, зари вечерней..."

Совсем не обязательно сравнивать свою любимую с Лаурой или Джульеттой. У каждого это по-своему. Беатриче вообще не знала о любви Данте — так и умерла, не узнав.

А остальное, что называется "секс", "трахаться" — что совершенно не имеет отношение к настоящей любви, это — "для мальчиков с грязными... попками", как сказал Ваня Охлобыстин.

Жаль и тех, кто отдал свою любовь на поругание и осмеяние, кто готов обсуждать с приятелями, со знакомыми и незнакомыми даже свою девушку, представить ее в смешном или глупом виде. Жаль, потому что они рискуют не стать никогда мужчинами, хоть доживут до ста лет и будут двадцать раз женаты.

Жаль мальчиков!

*Михаил Бураков  
Екатеринбург*

## ..Любит ли он Ее?

В тот вечер они вместе шли из клуба. Он зачем-то взял ее за руку, а когда хотел отпустить, почувствовал, что Она не хочет этого. Она была симпатична, но он не воспринимал Ее всерьез, считал малолеткой — на восемь лет моложе!.. А она знала, что он дружит с другой девчонкой.

Придя домой, он рассказал брату про этот вечер. Они вместе поиронизировали: "Молодая, а туда же!.." И все же тот вечер не прошел даром. Он Ею заинтересовался, стал смотреть на нее другими глазами. Стал искать с нею встреч. Он бы сказал себе, что полюбил Ее, но пока еще сам этого не понимал.

И однажды они сидели вместе, обнявшись, и Она заговорила о той девчонке. Он сказал, что ходил к той девчонке, просил примирения, но ничего не вышло. И тут Ее как подменили. Она убрала руки и, сникнув, спросила: "Почему ты мне сразу не сказал? Я тебе верила..."

Проснувшись утром, Он поймал себя на первой мысли: "Это все". Так он подумал и испугался: "О, господи, что я наделал". И он пошел к Ней, которую почти потерял и которую стал считать самой лучшей. Он сказал, что Она ему нужна. "Зачем ты это говоришь?" — спросила Она, чуть не плача. "Затем... что... люблю тебя", — слова давались Ему с трудом. Он сделал отчаянную попытку что-то исправить, но все было тщетно: Она отсылала Его к той, другой и уговаривала помириться. Этот день стал Черным Днем в его жизни.

Прошел год. Иногда Ему казалось, что удастся восстановить отношения. Они изредка, но встречались, и даже обнимались. Как-то Она даже призналась, что привыкла к Нему. Привыкла?!.. Он бы хотел, чтобы к нему относились по-другому...

На день рождения Он дарил Ей цветы. И Ей было приятно, но простить Она так и не простила. Тогда Он решил отравиться — друзья отказали. Прошел еще год. Он пытался подойти к Ней, Она отказывалась говорить. И Его "потянуло" в монастырь — конечно, ничего из этого не вышло. Пролетели еще полтора года... Они встреча-

лись, здоровались. Он покорился судьбе, но каждый раз, слыша Ее имя, внимательно вслушивался, что говорят.

Она уехала учиться дальше. Приехала домой на праздник 8 Марта. Их общие знакомые собрали вечеринку. Они много тогда выпили и разговорились. "И как же ты ко мне относишься?" — спросила Она. "Если хочешь, я могу сказать. Я тебя любил... люблю и буду любить". "А я надеялась, что ты меня, как прежде, поздравишь с 8 Марта, хотя бы пришлешь открытку". В его пьяной, но еще не полностью затуманенной голове созрел план. Он спросил, когда Она уезжает.

На следующий день, вечером, перед Ее отъездом, он постучался к Ней в дверь. "Не болеешь?" — спросил Он. Она засмеялась: "Немного". "Это тебе, — он протянул Ей духи "Пуазон" и шоколадки. "Зачем? Не надо..." А я слышал, что правила хорошего тона рекомендуют не отказываться от подарков". Ее пальцы коснулись Его ладони: "Спасибо... И все же это правда — то, что ты говорил вчера?" Он тяжело вздохнул. Опустил голову. "А подарок все-таки принес..."

А теперь немного о себе: мне 26 лет, живу в деревне, работаю. Не женат.

*К. Т.  
Свердловская обл.*

Федор ВОСТРИКОВ

## А НОЧЬЮ ПУСТЬ ПРИСНИТСЯ СКАЗКА...

### РУСЬ

В огне селенья и соборы,  
И Китеж-град, и стольный град.  
Горят славянские просторы,  
Окутал землю сущий ад.  
Шербатый месяц в жуткой стыни,  
Как лист над пропастью дрожит.  
В лесные дебри и пустыни  
От стрел татарских люд бежит.  
Красна вода в реках великих  
И солоней морей от слез.  
Славянок плачущие лики  
Бледней израненных берез.  
Донской и Сергей спят в могилах.  
Разбой и смута на Руси.  
Земля героев не забыла —  
Вдовой над ними голосит,  
А время тонет в битвах жарких,  
И Грозный царь почил давно.  
Уснули Минин и Пожарский,  
И позади Бородино.  
Века летят, но слышно снова,  
Как ташут русичей в полон.  
Слетают ангелы Рублева  
С его раздумчивых икон.

\* \* \*

*В. Маслову*

Давай-ка, друг, поедem, полетим  
За синий лог, за темные дубравы.  
Как песнею себя разберем  
Равниною, настоенной на травах.  
Ударят в грудь полынные ветра  
Ямщицким свистом,  
древнерусской волей,  
Дыханием крестьянского двора,  
Началом нашей невеселой доли.  
И все ж, какой бы доля ни была:  
Бесклубной,  
радужной, жестокой.  
Душа всегда поистине светла —  
Ты возвращаешься  
к родным истокам.  
Никто из нас вовек не позабыл,  
Как пахнут материнские ладони,  
Как тополя у дедовских могил  
Стоят и стынут  
в дремлющем поклоне.

### В ИЗБЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ

Растаял лес вдаль. Дорога  
Уже ведет нас по селу.  
Встречает бабка у порога  
И пряником гостей к столу.  
Любовно потчует грибами,  
Картошкой, рыбой, молоком.  
И промеж дел шуршит губами.  
Мол, натолкуемся потом.  
Наелись всласть. Потолковали  
О том, как выйти из нужды,  
Что люди бедные устали  
От унижений и вражды.  
В конце беседы бабка, охнув,  
Сказала: "Господи, прости!  
У власти что? Мозги усохли? —  
Деревни вымерли почти.  
Кому же хлебушко-то растить?"  
И спорить было не с руки.  
Мы не политики, а гости,  
Да на полставки грибники.  
А значит, мы, едва лишь ветер  
Туманы сбросит с городьбы,  
И небо стежку чуть подсветит,  
Пойдем в березник по грибы.  
А ночью пусть приснится сказка,  
В которой вечно гибнуть злу...  
И стелют нам в избе крестьянской  
Под образами, на полу.

\* \* \*

### НАРИСУЙ МНЕ, ДЕНИС, КОНЯ...

Нарисуй мне, Денис, коня,  
Чтоб он в степи умчал меня,  
Где и сказка живет и быть,  
Где, как грива коня, ковыль.  
Я забуду свой трудный путь,  
Если в травы войду по грудь,  
Если теплой земли коснусь —  
Здесь моя начиналась Русь:  
С песней, с плачем  
и с молотьбой,  
С красным солнцем, со злой пургой.  
То прошедшее.  
А теперь,  
Разве меньше в судьбе потерь?  
Мать, устав и любить, и жить,

На полынной горе лежит.  
А могла бы сидеть у огня.  
Ах, судьбина,  
оставь меня,  
Горевое мое не тронь...  
Только где же он,  
этот конь?!

\* \* \*

Ни почты, ни лавчонки,  
Медпункта тоже нет.  
Ютятся вдоль речонки  
Пять-семь старух и дед.  
На грядках копошатся,  
Толкуют перед сном.  
С молитвой спать ложатся,  
А думы об одном,  
Не то что нету газа,  
Что нечем крышу крыть:  
А вдруг умрем все разом,  
И некому зарыть?  
И так живут в тревогах —  
Иного не дано.  
Живут забыты Богом  
И Русью заодно.

\* \* \*

*Алексею Решетову*

...И чем талантливей поэт,  
Тем обостренней жажда воли.  
А сердце — в этом кривды нет! —  
Не защищенное от боли.  
Но как его убережешь,  
Когда в своей короткой жизни  
Несчетно раз переживешь  
Чужие празднества и тризны?!

# Калачи на каланче

Рассказ

**Т**от мальчуган уже глубокий старик, если только дожид до нынешних дней. А история вся наша — вот она, как юность, и под рукою и не дотянешься до нее. Безумие, сумасшествие времени самого, его игра с нами, дым, тлен.

Россия восходила на Голгофу. От последнего монаха еще где-то оставалась последняя кровать — три широких доски, — сам тайлся в монастырских подвалах. Вскрыли и обесчестили мощи, за белыми зубчатыми стенами разместился гарнизон, как везде, так и тут. Потом и гарнизон убрался в более подобающие для него казармы. Понадобилась тюрьма, тюрьма и сделалась. Надставили забором зубцы, протянули проволоку-запретку, работали весело, по-ударному и мигом обжили. Еще начальник режима тыкал жирным пальцем в разные легко пролазные места; обсуждали на своих летучках, собраниях, как лучше устроить, и устраивали. В иконной лавке — штрафной изолятор. Засовы закрывали на совесть. Где изнутри, а где снаружи смазанные полупудовые замки, ключи размером с гаечный ключ, плац вымостили бетоном, в кельях комнаты, то есть камеры; больницу оборудовали там же, где была, только уже с решетками и всеми прочими приспособлениями от непредвиденных поступков, подобным же образом создали и школу, наполнив учителями, которые чуть что — и к офицеру, а он учиться заставит; завели клуб, беседки для политзанятий каждого отряда по всей территории, и радовались дружно удобству вновь налаживаемой общественной жизни.

Мальчишки-лагерники — люди, судя по всему, особые. Вахтер нынешнего ЛТП, а когда-то воспитатель ВТК, внезапно оживился, вспоминая тот обезьяний питомник. Ворота только-только открылись — вывезли всех; кого выпустили по сроку или льготно, кого растолкали по другим зонам — и остались открытыми, дабы больше не лязгать перед сигналами автозаков. В бывшей школе — бумажки с постановлениями о наказаниях, взысканиях, вещевки, письма, письма, во дворе — в кучу сваленные среди прочего мусора коньки с ботинками — надо же, коньки им здесь выдавали. И что поразительно, вахтер от веселья ходуном ходит, вспоминая: "Не подымут, ведь ни за что не подымут". — "Что не подымут-то?" — "А то, что уронят. Запахло посчитают. Пнут только и дальше пойдут". Теперь становится понятно. Те мальчишки, выходя из комнаты раздачи посылок, получаемых из дому, несли в руках ящики проверенные, то есть вскрытые или "раскуроченные", и из

них вываливалось или могло выпасть что-нибудь из присланного, банка тушенки или даже сгущенки, например. И тогда гордый малец пинал ее ногой, насвистывая с независимым видом, и шел себе дальше. И другой свистел с независимым видом, тот, кому ничего не пришло из дома, потому что и дома нет, как и нет и отца, и матери, и бабки не было никогда, только воспитка какая-нибудь, злюка, еще с детдома, которая ночью в наказание заставляла его ступни свои смазывать для кайфа холоденькой водичкой — всю ночь каждые десять минут по будильнику, а не смажешь — проснется и прибьет; она была вместо всех родных и хочется же до зуда написать ей, и он адрес знает, потому, что простил ее давно, всей жизнью простил еще раньше, чем сюда попал. И третий сплюнул слюну, переполнившую рот, а кто-то подбежал, схватил. "Чухан!" — заорали пацаны. "Чухан, пацаны!" — заорали и засвистели. Радиостанция "Свобода", которую через много лет вдруг перестанут глушить, расскажет четко, — с приятным акцентом независимости в голосе диктора — об английском классическом образовании, воспитывающем настоящих джентльменов. Пайп-скул (тоже интересно, бритые головы начинают крутиться от догадок: если школа у них "скул", то, наверное, от того, что бей по скуле, — это, похоже, тоже хорошие ребята, знают, как называть, а у нас — школа: дошла, дошла, шкура, шкода — все невыразительно, кол — кое-что, кол — кое-куда, да осиновый, смотри-ка, и мы — молодцы) — а в переводе — привилегированная школа для мальчиков — сменяется Итоном — того выше, Итон — Оксфордом... Кто про наших жиганов скажет: детдом, интернат, спецПТУ, ВТК, ИТК, где одних режимов — пять, а в перерывах — СИЗО, ШИЗО и ПКТ с выводом и без вывода, и банка со сгущенкой под ногами.

"Ну, чистые обезьяны!" — гогочет, вспоминая, вахтер. Его маленькие глазки бегемота зажмуриваются, трясутся багровые щеки.

Приходилось слышать от старых лагерников про детские этаплируемые колонны. Когда где-то на пересылках они соединялись со взросляком. И освищут, и обматерят, и оберут — бесенята натуральные. Малолетки — одно слово. "Борщ — ментовская еда!" — летят к небу их вопли-лозунги. Не едим борщ, стало быть. "Прима" — красного цвета". Не курят они "Приму". Рыба в ж... долбится! Колбаса на х... похожа! Не нужна им рыба, не нужна им колбаса. И удивительная, почти недостижимая для взрослого, уже согнутого пополам человека,

способность выстаивать. Пайп, Итон, Оксфорд, откликнитесь, школы-побратимы!

А дальше — история. Она невелика. Мальчуган наш, назовем его по кличке Шплинт (и что есть "шплинт", и кто таков Шплинт, и где бы выяснить, почему, но только именно так — не менее, чем у римлянина второе колониjsкое имя), сильно оголодал. Он проиграл картошку из супа до конца срока и день на семнадцатый после того, как честно отдал картошку, а злые грязные пальцы в семнадцатый раз выцепили ее из бульона у него на глазах, дабы чего-нибудь с бульоном не попало Шплинту в рот и как унижительнее и смачнее смотреть — после всего того захотел поквитаться с судьбой. И когда играл, ставки делал, знал, и после проигрыша, несмотря на то, что екнуло все-таки, еще больше знал — выпутается, не выпутаться нельзя, однако, дни шли. Еще можно было сыграть на сахар из чая утреннего — на месяц и далее тоже до конца срока, но сахар он пока берег. Суп, разумеется, есть не стал, суп становился "чуханским", его могли съесть только "чуханы", которые, не переставая, елозили тряпками по столу под ногами, пинавшими ведра, толкущими пол без надобности взад и вперед, пока снизу поднятым в мольбе глазам не удавалось достичь глаз, снизошедших до разглядывания насекомого — ну, еще на руку ему наступи, тогда пойди — они ели. По супу грустилось. Требовалась идея.

Собор в центре монастыря был совсем никому не нужен. Кое-где повзрывали их — где они сильно мешали, унижая своими размерами подлинное величие новой власти — и вывезли на лошадях: сотни подвод понадобилось, а кое-где время упустили и после уже не стали взрывать. Нужны стены — понятно зачем, нужны корпуса — тоже понятно, а вот зачем серая громада — непонятно, и хлопотно всем, в особенности начальнику. В соборе пытались сделать клуб, даже бетоном залили перекрытие, но оставили затею. Стоял собор, зиял дырами и служил развлечением сорванцам, словно вольер в том же обезьяньем питомнике. Заделают внизу где-нибудь очередную дыру щитом начальнички, а питомцы щит проковыряют, по щепкам разберут, пролезут в дыру и лазают по его громаде, исчеркивая метровыми буквами почти древней наскальной письменности химерического народца: "Здесь был... Хмурый". Подполковнику надоест из кабинета лицезреть: ведь сорвется — и звезда сорвется, жизнь мальчишки все-таки чего-то стоила: пока она была жизнь, она не стоила ничего — разве вещевку, паек, а когда она делалась смертью, она вдруг начинала иметь цену — цену ступени очередного звания, а разве хотелось останавливаться? Поэтому подполковник нервничал, а подчиненные бегали.

Шплинт понял. Шплинт полез. Центральный купол когда-то горел. Его подожгли изнутри, цинковые пластины, выписанные при царе из Англии, попадали вниз, словно в небо очистили от чешуи огромную пролетавшую рыбину. Как-то потушили, теперь есть что рассказать туристам, в том числе иностранцам, о временах и нравах; Шплинт полез на один из малых куполов, по

нему, по той же сохранившейся чешуе, можно было карабкаться, тем более — не впервые. Где-то раз в полгода он взял за правило бывать на одном из куполов. Но делал это из спортивного интереса, "для формы" и незаметно. Теперь он выбрал время и имел ясную цель.

Внизу забегали крупные, много крупнее обычных зеленого цвета тараканы. Шплинт, извернувшись, позирал на них между своих двух ног. Это выглядело уже совсем необычно. Подполковник в окне кабинета показался ему даже ближе. Подполковник заметил его. В рупор раздалась команда слезать. Шплинт распластался, прилипнув к цинковым чешуям и не очень желал уже смотреть вниз даже между ног. Внизу выяснили, кто наверху, потому как вскоре в рупор раздалось уже: "Шплинт, слезай!", "Это лучше, — подумал Шплинт.

Перед дверью кабинета начальника уже давно терся носом и щеками о грубую ткань френчей занятых дяденек мелкий пацан. Ему все надо было что-то сказать, но его никто не слушал. Как он, сопливый, здесь очутился, кто бы объяснил.

"Ты слезешь когда-нибудь, скотина?" — тем временем проорал рупор. Карцер, разумеется, был обеспечен.

— А тебе чего? — обратили внимание на мелкого.

— Там Шплинт, — сказал пацан со знанием дела.

— Ну?

— Он не слезет. — Пацан уже стоял перед начальником, и солнечный зайчик от пряжки играл на его горле.

— Как так?

— Он не слезет, пока не дадите ему девяносто баранок и повидлы.

— Я дам ему девяносто баранок и повидлы. Он — сволоочь.

— Слышь, ты! — лишние слова, потому как слышала колония, слышали все. — Я дам тебе твои баранки и повидлу. Девяносто — да! Дам!

На куполе шевельнулись ноги. Шплинт поменял неудобную позу.

— Он не слезет, — сказал пацан. — Он говорит оттуда "поклонитесь".

Мундиры заколыхались и прижались друг к дружке, тесно, как в шкафу.

— Нет, — он говорит вам оттуда — вы именем Ленина-Сталина поклонитесь.

И через несколько притихших минут из рупора вырвались наружу хриплые слова священной своего времени клятвы.

*г. Верхотурье.*

# Словарь языка Владимира Высоцкого

Передо мной — объемистая рукопись: "Словарь языка Владимира Высоцкого". Огромный труд — анализ тысячи стихотворных текстов Высоцкого.

Сначала об авторе. Борис Николаевич Барабошкин — екатеринбуржец. Родился в 1925 году. Воевал — два года на фронте сержантом пехоты. После войны работал литературным сотрудником в газете авиационного корпуса на Камчатке — пописывал, но вовремя понял, что звезд с неба не хватает. К литературной работе его заставил вернуться Владимир Высоцкий. К тому времени Барабошкин жил на Урале, работал термистом на оптико-механическом заводе в Свердловске. В это же время зашел на всю страну Высоцкий. Борис Барабошкин сразу его принял. Поразило не само пение, а слова песен, смысл, и еще поразили боль, ярость в голосе певца. Начал собирать магнитофонные записи. И пришло желание подумать над стихами, проанализировать их.

Вот говорят: язык у Высоцкого народный. Был язык Некрасова, Платонова, Есенина... В чем же народность Высоцкого? Да, он вдохновенно пел о том, о чем говорили сотрудники НИИ, образованные рабочие, геологи, альпинисты, актеры, ищущие и думающие "шестидесятники". Но каков именно этот язык, как им пользовался Высоцкий, какими словами брал за душу?

Нужны были точные авторские тексты. Борис Барабошкин изготовил три машинописных томика стихов Высоцкого, переплел их, доставляя стихи разными путями, через друзей-приятелей, часто не бесплатно. Правду говорят: "Москва слезам не верит" — Москва, откуда шли оригиналы, и тогда любила деньги.

Все это накапливалось, над всем этим Барабошкин думал, давал объяснение фразам и словам, идентифицировал их. Получался явный словарь: фразеологизмы, жаргонизмы, поговорки, просторечия, каламбуры...

Сейчас Борис Николаевич Барабошкин на пенсии. Сделан уже четвертый вариант словаря, проанализировано тысячи текстов. Но есть еще недоступные рукописи, не хватает кое-какой информации, необходимы единомышленники и соратники. Редакция "Ваганта" — издания при доме-музее Высоцкого — года три назад объявила, что намерена издать "Энциклопедический словарь" поэта. Что бы это значило, по какому принципу предполагалось его со-

ставить — не ясно было, но Барабошкин обрадовался: хоть кто-то что-то еще делает. Увы, о словаре том больше ни духу, ни слуху. Оторванность от других исследователей творчества Высоцкого беспокоила, Барабошкину хотелось узнать — есть ли аналоги его работе, или он творит в одиночку? Не варится ли он в собственном котле, работая с кучей подсобных словарей и пытаясь сделать еще один?

А между тем в народе всю ходили Володины каламбуры, простые слова превращались в крылатые, и даже газетные заголовки пестрели строчками из его песен. "Лучше гор могут быть только горы", "Последний бой — он трудный самый", "Страшно, аж жути!..", "Надо, Федя!", "Все тарелками пугают", "Если друг оказался вдруг...", "Чуть помедленнее, кони..." — несть им числа, этим строчкам, которые оказывались кстати к любому моменту в нашей жизни.

Наверное, проще было бы составить сборник из рожденных Высоцким поговорок и пословиц, оставив о нем память на века, как о современном Чацком. Но узко, узко... Как вместить в сборник пословиц великолепные словесные "изобретения" — такие, например, как "море израилеванное", надо же в одном слове выразить все, что нужно было башковитому Мишке Шифману!

Есть у Высоцкого выражение: "делать Варшаву". Перед концертами Владимир просил своих слушателей: "Если попадают непонятные фольклорные слова — спрашивайте". И про "делать Варшаву" Высоцкий объяснял, что выражение это появилось после войны в лагерях и означает оно: разделаться с человеком, уничтожить его. А Борис Николаевич докопался до первоначального значения. Был такой журнал "Следопыт" в 30-х годах (предшественник "Уральского следопыта"), опубликовавший фантастическую повесть "Сказание о граде Ново-Китеже", где один из героев, попав в уголовный мир, получает записку: "Чтобы взять Варшаву без шухера, снимите ментов". Вот когда оно еще бывало. Означает это выражение следующее: взять склад, ограбить магазин. И это толкование еще в далекие годы врезалось в детскую память Барабошкина, а теперь вот пригодилось.

В песне "Здесь лапы у елей дрожат на вету" есть у Высоцкого фраза: "Пусть на листьях не будет росы поутру..." У Владимира Высоц-

кого все мотивировано. Борис Николаевич как ребус разгадывал эту фразу и нашел ответ в прозе Виталия Бианки: отсутствие росы — это предвестие катаклизма в природе, признак бури. Потрясающая наблюдательность была у Высоцкого, начитанность чрезвычайная, кругозор широчайший; рядом с почти хрестоматийным "Жираф большой — ему видней" эта тонкость, это знание мельчайших подробностей в жизни природы делает Высоцкому честь несравненную. У его поэзии свой климат.

Словарь Бориса Барабошкина мог бы стать большим подспорьем для изучения поэтического творчества Высоцкого, для восприятия его стихов, для понимания его песен. Заниматься догадками или разгадками того, что хотел сказать поэт, быть его толмачом — дело и благодарное, и нужное.

Вот спел Высоцкий: "Гуляй, рванина, от рубля и выше". Первое толкование — просто рвань, человек в лохмотьях. Второе толкование: никчемный человек. Третье толкование — штрафник, о которых и идет речь в песне "Штрафные батальоны". Борис Николаевич, сам воевавший на фронте, видел этих несчастных штрафников — не произвели они на него впечатления, поскольку большей "рваниной" были сами фронтовики, одетые в изношенную, драную одежду. Вот так он толкует Высоцкого — где на собственном жизненном опыте, где выискивая истину в словарях, где сообразуясь с народной мудростью.

Остается только порадоваться, что не в столицах, а на периферии, на Урале родился этот бесценный словарь, предназначенный для любителей и ценителей творчества Высоцкого. Есть еще порох в пороховницах! И зря сетует Борис Николаевич на дороговизну издательского дела, на отсутствие меценатов. Найдутся, непременно найдутся. И издадут его словарь. Конечно, хорошо бы сочетать этот труд с пятитомным собранием сочинений Высоцкого, которое собирается выпустить в Туле А. Е. Крылов. Ну, а нет — значит, будут другие варианты. Не останется втуне этот путеводитель по творчеству Высоцкого, не ляжет на дно, как подводная лодка.

# Дубовые дощечки



## Авторская педагогика

По узловой станции, по центральной улице, идет участковый. Он в гражданской форме. В руке — сетка, набиткованная консервами, огурцами, бутылкой подсолнечного масла. Не бравый "мент" — а пожилой мужчина, без пяти минут пенсионер.

У гаража стоят пацаны. Курят. Один из них о чем-то упоенно рассказывает, пересыпая речь матерками. Мат так сочен, что кажется, ради него-то и затеян рассказ.

Участковый устало морщится. Переходит дорогу, приближаясь к подросткам. Он уже замечен. Рассказчик на полуслове замолкает, и остальные напряженно топчутся на месте: милиция есть милиция — даже от самого бесхитростного вопроса можно ожидать подвоха.

Но никаких вопросов нет.

Участковый неторопливо достает из сетки длинный парниковый огурец. И... щелкает им по лбу юного матерщинника. Потом неторопливо удаляется, не проронив ни слова.

Мальчишки хохочут. Запоздало кричат вслед милиционеру: "Здрасьте!" И только один хватает ртом воздух, не зная, как себя вести...

Ревнители гуманной, "беспалочной" педагогики, в атаку! Я тоже смеюсь. Я наслаждаюсь педагогическим приемом. Я с благодарностью провожаю взглядом сутулую спину немолодого мужчины.

И еще об участковых.

Недавно возвращался из деревни. Шел с вереницей дачников на станцию, к поезду. Дорога в лужах, жмемся к обочине.

Вдруг из переулка выныривает милицейский "УАЗик". Летит на нас. Проносится мимо, обдавая грязью и брызгами. За рулем успеваю заметить молодого сержанта, который обнимает сидящую рядом девицу.

Минут через пять за спиной снова раздается рев двигателя. Оборачиваюсь... Знакомый "УАЗ".

Местные подростки вдруг вскакивают со скамейки у палисадника. Выбегают на дорогу. Резко взмахивают руками. Сержант тормозит. Пацаны, сгрудившись у ветрового стекла, о чем-то эмоционально докладывают участковому. Тот снова срывается с места. Обгоняет меня. Препраждает машиной путь. Выскакивает из кабины.

— Как вы меня обозвали? — обращается ко мне. От него разит перегаром. Видя мое недоумение, поясняет: — Это вы заорали на всю улицу "е... пидарас", когда я вас обрызгал?

— Как закричал? — машинально переспрашиваю я.  
— "Е... пидарас!" На всю улицу!

Пока я собираюсь с ответом, раздается свист. Кто-то из подростков, тех, у скамейки, кричит на весь дачный поселок:

— Товарищ сержант! Не этот! Не этот вас "е... пидарасом" назвал! Тот, что обозвал вас "е... пидарасом", за товарняк завернул!

Я вдруг начинаю понимать смысл происходящего.



Доблестный страж закона и собственного достоинства возвращается в кабину. Укатывает с глаз долой. То ли тоже начал соображать, кто на самом деле обозвал его. Несколько раз! На всю улицу! То ли лень продолжать погону пешком — за товарняк-то не проедешь...

Слышно, как в конце улицы пацаны бурно обсуждают свой хитроумный щелчок по сержантскому носу, свой метод "авторской педагогики". Слышно:

— А пусть не форсачит перед всеми...

Действительно, пусть не "форсачит"! Пусть делом займется. Помидоры вон из теплиц прямо среди бела дня начали воровать.

Август, 1993

## Сленг как зеркало современного образования

Подростковый жаргон, будто зеркало с новехонькой амальгамой, точнейшим образом отражает своих создателей — ребят из люмпен-среды. И даже точно зеркала. Ведь в зеркале можно увидеть только внешнее, а в сленге же...

Хорошо известно, например, о низком образовательном уровне наших юных современников. Но и в эту аксиому жаргон превносит свое, выворачивает глубины современной ребячьей природы.

Как-то записываю все сленговые обозначения слова "милиционер". Мой респондент из Первоуральска, продолжая длинный синонимический ряд, предлагает "новинку".

— Еще "ментов" ЛЕЙКОЦИТАМИ зовут!

— Почему?

— Лейкоциты красные. И у ментов фуражки, погоны — красные... Здорово, да?

Здорово... Прозрачный ассоциативный образ. С одной "маленькой" неточностью. Лейкоциты — это белые кровяные клетки. А красные — эритроциты...

Жаргон добросовестно отразил то, что видно многим: полуграмотными растут ребятки, слышали звон — а вот где он...

Теперь случай посложнее.

С шестнадцатилетним юношей мы ведем интересный и обстоятельный разговор о слове "наезжать". Мой собеседник поясняет его значение (довольно прозрачное, ибо слово давно уже претендует на пометку "общелитературное"). Значение таково: наносить оскорбление, провоцировать на драку. Новые оттенки в этом значении начинают играть, когда я спрашиваю:

— Ну, и зачем вы *наезжаете* друг на друга?

— Чтобы *лоха* (простодыру, — Ю. Ш.) на слове поймать, — поясняет мой собеседник. — Я на него *наехал*, но у меня-то есть *крыша* (защита в лице сильного, взрослого человека, как правило, уголовного, — Ю. Ш.). А теперь прикинь... *Лох* меня в ответ оскорбляет, забывая, что никто за него *впрягаться* не станет. Что я делаю? Правильно! Снимаю с него много-много *бабок*.

*Лохи* в Екатеринбурге не переводятся, значит и я без *бабок* не остаюсь. НАЕЗДНОЙ — это почти профессия.

Произнося "наездной", мой респондент спохватывается, возвращается собственно к жаргону. Перечисляет еще несколько производных: НАЕЗД, НАЕЗЖАЮЩИЙ...

И вдруг выказывает некую утонченность языкового чутья:

— Есть еще слово "наездник". То же самое, что "наездной". Но родилось это слово не от "наехать", а от названия одного насекомого из семейства Перепончатокрылых. Тот тоже — "Наездник". Он, как Чапай на коня, садится на другую букашку и сосет из нее соки. Когда нам учительница об этом рассказывала, — мы просто запали! И у букашек свои "наезды"!

Позже я интересовался и у других респондентов:

— Откуда слово "наездник" в жаргон пришло?

И кое-кто отвечал:

— В восьмом классе училка про какого-то "наездника" рассказывала...

В таких "околосленговых" разговорах ребятами выказывались и более глубинные знания про Наездников: что уничтожают насекомых не сами Наездники, а их личинки, которых Наездники откладывают в тело жертвы; что используются Наездники для борьбы с садовыми вредителями; что выглядят они... — тут шел обстоятельный пересказ всех трех картинок с изображением хитреца-насекомого-Чапая, которые имеются в учебнике биологии.

И это знание пугало. Жаргон показывал: маленький фрагмент общеобразовательной программы стал для моих героев чуть ли не главным. И пояснял, почему: там люмпен-подростки видели оправдание собственной жестокости, подтверждение дворовых законов законами природы, в которой — вот видите! — сильные тоже пожирают слабых...

Чтобы быть уважаемым, сильным, уверенным, чтобы чувствовать себя комфортно, чтобы иметь, наконец, деньги — нужно быть образованным. Это в нормальных условиях.

В нынешних же обстоятельствах для всего этого подростку достаточно заручиться скупой информацией о Ichneumonidea, о Наезднике из отряда Перепончатокрылых.

1993

## Заветная "мания"

— Что читаешь? — приставал я к нему в первые дни знакомства. Пытался расшатать его непрошибаемую уверенность, что человек живет для отправления нескольких физиологических потребностей — и только.

Тринадцатилетний Колюнчик опускал голову. Невыразительно бурчал в ворот своей грязной, драной рубахи:

— Ниче не читаю. Мании нету!

— А кино?.. — наседали я.

— И к кино мании нету! — так же невыразительно констатировал Колюнчик.

Мои знакомые жалели Колюнчика. Жалость была бережной и интеллигентной. Даже слащаво-пошлое имя "Колюнчик", возникшее в припадке пьяной родительской сентиментальности, никто не взялся выправить на нормальный, достойный человека вариант.

Колюнчик так Колюнчик!

Его подкармливали (он ел с достоинством, как и полагается человеку, занятому наиважнейшим делом). К нему стаскивали одежду своих выросших сыновей (белые рубашки с золотистыми пуговицами и пионерскими шевронами, майки с "артековской" символикой — все, что Колюнчик надевал вечером, к утру становилось грязным, мятым и рваным; и здесь таилась загадка — чем полны Колюнчиковы ночи? — в которую, впрочем, из деликатности никто особенно не вникал). А больше всего новое окружение Колюнчика пыталось выяснить, какая же из "маний" может разбудить дремлющую душу подростка: ему предлагали билеты в филармонию и "проходки" (т. е. аккредитационные карточки) на рок-концерты, приглашали в театр, в цирк...

— Что-то мании нету... — механистично, попугаем, повторял Колюнчик.

Но мания у него была, страстная, всепоглощающая, и — прошу обратить внимание! — трезво выверенная на службу Колюнчиковой физиологии, то есть никак не болезненная. О ней можно было догадаться и тогда, в первое знакомство, четыре года назад.

...Иногда я просил Колюнчика помочь. Уточнял какие-то детали из своих очерков подросткового быта. Интересовался, правильно ли понимаю люмпен-подростков, неистощимых на новые и новые поправки в свои "дворовые законы". Колюнчик дремал: сам он был из пригородного поселка, в Екатеринбурге гостил у бабушки, поэтому город осваивал в одиночку, не включаясь в интересующие меня тинейджерские сообщества, — помощник из него был никудышный.

Просыпался Колюнчик, когда я откладывал рукописи и предлагал:

— Расскажи-ка что-нибудь...

Как живы были его рассказы! Как достоверны!

Как... отсутствовала в них приблизительность!

Строились все истории по канонам классического реализма. В завязке Колюнчик обстоятельно пояснял, как и где познакомился с главным действующим лицом. "Иду я, значит, по мосту. А навстречу — какой-то псих..." Почти всех Колюнчиковых героев объединяло одно — умственная неполноценность. Псих, дебил, дегенерат...

Вторая сквозная линия каждой истории состояла в том, что герои купались в воровщине. И психи, и дебилы, и дегенераты, и даже дауны (я, грешным делом, засомневался, не является ли kleptomания главенствующим симптомом в психиатрии?). Дауны специализировались на велосипедах. Невероятнейшими способами проникали в "дровяники" и "сараяшки", через узенькие щели умудрялись вытащить габаритные "Салюты"

и "Юности", а потом — виртуозно сбывать их... Психи демонстрировали чудеса уравновешенности, по многу часов выстаивали, ожидая, когда хозяйки вывесят на балконах бельишко своих "фирмовых" Митрофанушек... Дебилы, чтобы завладеть чужим имуществом, выстраивали такие многоходовые комбинации, что собственный умишко казался слушателю нелепым рудиментом.

Позже я понял, почему Колюнчиковы герои — психи. Это было высочайшее проявление его благодарности. Зная, как мы относимся к воровской среде, Колюнчик слегка потакал нам. И расставлял в своих полувыведанных рассказах такие акценты, чтобы нам — поприятственней... Не любите воров? И правильно! Кого любить! Дебил на дебиле!

Потом я понял, что в историях, в их невыдуманной части, одно действующее лицо. Вполне разумное, блестяще адаптированное к жизни, дееспособное. Сам Колюнчик.

Но понял я это поздно. Первые подозрения возникли после того, как Колюнчик украл транзистор у женщины, подарившей ему майку с "Артеком" (больше всего женщину обидело даже не это; ее потрясло, что Колюнчик справил малую нужду в пустую бутылку из-под кефира; как потом оказалось, это было не издевательством и не "фирменным" почерком — просто в момент "крадежки" кто-то надолго остановился под окнами, а Колюнчику захотелось пи-пи, к физиологическим же нуждам он привык относиться с пиететом).

Что рассказы Колюнчика — это рассказы о собственной, настойчиво реализуемой мании, я уверился, когда Колюнчик забрался в редакционную машину и обдистил ее так, как чистит парашу тюремный "Вам" под взглядами разъяренной камеры.

Попался Колюнчик в моем рабочем кабинете. Он все точно рассчитал. Когда из редакции уходит сторож. Когда уборщица открывает кабинет и, оставив его на несколько минут, уходит жечь бумаги из корзины. Одного не рассчитал, что я появляюсь на работе раньше обычного.

Пришлось Колюнчику разгружать свою сумку, набитую нужной и привычной мне мелочевкой.

Пришлось бегать по окрестным пустырям и развалинам, требуша свои "нычки" с ранее украденным.

А потом пришлось ему услышать недвусмысленное: "Пошел вон!"

У каждого "подросткового" журналиста есть внутренний запрет: ни одного "надцатилетнего" нельзя объявлять законченным злодеем, отъявленным негодяем. Ставя крест на формирующейся личности, можно тем самым навсегда выморозить капризнейший процесс подроста, формирования. Когда вокруг юного "куролесника" не остается никого, кто мог бы рассмотреть во мраке его души блуждающие огоньки добра — эти огоньки, не разгоревшись, захлебываются.

Но в опыте всякого, работающего с отроками, случаются встречи, когда все профессиональные запреты ле-

тят в тартарары. Для кого-то — это встреча с насильником, надругавшимся над юродивой девочкой. Для кого-то — знакомство с убийцей, который не убил, а несколько часов убивал беспомощного пенсионера, анатомируя его по живому.

Пришел и мой черед убедиться, что есть люди, мажанные одной краской, черной... Это произошло не под властью какой-то сенсации — какого-нибудь нового "преступления века". Это произошло в ленивом разворачивании обыденной житейской ситуации. Но именно обыденность случая, его невоспаленность, позволила заглянуть за те горизонты, куда мы обычно не заглядываем...

Как-то в разгар слякотного дня в редакции появился Колюнчик. Спусти четыре года после первых визитов.

На запястье Колюнчика лиловела наколка "НРМ".

— Что значит? — поинтересовался я.

— "Не подам руки менту!" — объяснил Колюнчик.

— А куда буква "П" из аббревиатуры делась? — чуть ерничая с этой заведомо непонятной "аббревиатурой", спросил я. Поправился: — Почему слова четыре — НЕ ПОДАМ РУКИ МЕНТУ, — а буквы только три?

— Почему четыре? — пожал плечами Колюнчик. — Три слова: неподам, руки, менту.

"Манин" осваивать элементарную грамотность у Колюнчика, видимо, тоже не было.

— Сидел?

— Пока только месяц. В следственном изоляторе, — улыбнулся "гость".

Не дождавшись приглашения, он коротко очертил последние похождения. На этот раз не прячась за выдуманных даунов и дебилов. Хотя нет, — психи в его рассказе присутствовали, хоть и косвенно. Санитаром в психиатрической больнице работал "подельщик" Колюнчика...

— Он меня и подставил, — морщился Колюнчик. — Так чисто сработали. Залезли в поселковый магазин. Взяли китайские пуховики, китайские норковые шапки, куртки на сельдепоне (т. е. синтепоне, — Ю. Ш.). На полтора миллиона!.. А этот дурак...

"Дурак", которого Колюнчик сманил на "дело", не придумал ничего разумнее, как после ночи кражи одеться в ворованное и продефилировать в нем к своим "тихушникам" и "буйным". Мимо дежурного милиционера! Работа в "психушке" для него не прошла бесследно...

— Как в СИЗО, понравилось? — лениво продолжил я разговор: слишком банальной и предсказуемой была ситуация.

— А че? "Трамваем" — ну, рабом, который за всех моет посуду и пол — я не стал. А остальное... — предсказуемо ответил Колюнчик. — Остальное меня не пугало. Кормили сносно. Поспать давали. А где спать — какая разница. У меня и на работе топчан — как тюремные нары.

Топчан? На работе?!!

Я вмиг засыпал Колюнчика вопросами: разве работаешь? где? как? сам устроился? нравится?

Поворот разговора привнес маленькую надежду, что в Колюнчике появился некий новый интерес к жизни, отодвинув на подобающее место его физиологические потребности (и обслуживающую их "манию").

Колюнчик потряс правым кулаком со сбитыми костяшками пальцев.

— Работа ничего, — сказал. — Следователю понравится. Бригадир характеристику пообещал для суда... Только вот драться приходится.

Ах, характеристика!.. Все вернулось на свои места. Хотя: скороговорка о каких-то драках все же выходила за рамки банальности. Что за драки на работе?

Я ненадолго оставил Колюнчика в кабинете, принес воды, поставил чай. Приготовился слушать. Но про драку так ничего и не услышал. Ее попросту не было. То, что случилось с Колюнчиком короткой июньской ночью, логичнее обозначить языком армии: отражение атаки.

Характеристику Колюнчик зарабатывал в своем же совхозе, как разнорабочий. Помимо дневных забот (навоз, корма, водопой — нескончаемая беготня вокруг физиологии животных) ... помимо всего этого, раз в месяц Колюнчик должен был сторожить скотину: коней и первотелок.

Лошадей в совхозе осталось десять — из восемнадцати! Остальных — маленький табунок! — увели в прошлом году конокрады.

Под вечер сивок, каурок, буланок загоняли к коровам, в родильное отделение, а сторожа забивались в "столярку", небольшой пристрой, пахнущий стружками и ветеринарией.

В тот раз Колюнчик дежурил вместе с сорокалетним крепышом Мишей. Миша спал, а Колюнчик ворочался на жестком топчане. Может, скучал о тюремных нарах (я не иронизирую: эта нарная тоска то и дело опознавалась в рассказе моего семнадцатилетнего посетителя: сторожа Мишу он, например, называл только "напарником", а никак не "подельщиком", в этом виделось бережно-уважительное разграничивание двух миров, известных Колюнчику; и как мне не хотелось окончательно уяснить, какой из этих миров для Колюнчика главный, а какой — **вспомогательный**).

Около трех часов ночи Колюнчик услышал скрип дверей. Осторожно выглянул из "столярки".

По ферме, в экономном полумраке, двигались тени. Колюнчику хватило терпения удостовериться, что незнакомцы явились за лошадьми.

Он крикнул: "Миша!". Вылетел к лошадиным стойлам. Звезданул по морде первого конокрада. Выхватил из кармана газовый баллончик, "накормил" газом второго. Заметив несущегося с вилами Мишу, помчался перекрывать двери. Не сбежал бы кто...

После того, как трое нехилых молодцев были заперты в "столярке", а четвертый, после "газа", снулой рыбой валялся в навозе, Колюнчик побежал за бригадиром.

У фермы стояли два "Москвича". В одной из машин сидело еще несколько человек. Завидев Колюнчика, во-

датель дал газу — "Москвич" исчез в ночи. Но Колюнчика это уже не волновало...

А вообще я не уверен, что в этой истории его хоть что-то взволновало: рассказывал он равнодушно, лениво, сквозьзубо, каждое слово приходилось вытягивать. Рассказывал так, будто история с конокрадами лежит на совести темным пятном.

— Сколько одна лошадь стоит? — спросил я.

— Миллионов шесть будет...

Я машинально начертил на клочке бумаги две цифры: 1,5 млн., 60 млн. — денежная оценка украденного в магазине и сбереженного на ферме. И понял, что эти цифры красноречивее всех слов, которые рождались во мне.

— Подойди сюда, — попросил я Колюнчика, развалившегося в кресле.

Он заерзал. Слегка засмутился. А в его облике друг восстановился, восстал, выказываясь несомненными приметам, один из тех пресловутых миров, значимость которых я определял для Колюнчика. И мир этот был — мир воровщины. Мир, где угода собственным желаниям до икоты благодушна, а существование иных интересов, иных личностей зло и агрессивно перечеркнуто.

— Встань!!

Колюнчик поднялся. На кресле под ним лежала связка моих ключей.

Я не стал в тот раз вспылчиво выгонять Колюнчика (выгоняют, когда есть надежда, что человек вернется). Я вдруг увидел его совсем иным взором.

Светлое и темное не боролось в нем; одна из сил уже давно правила победу в его душе. Он бесповоротно встал на тот путь, от которого нет свороток и на котором нет развилок. Он встал на путь, финиш которого — концентрация зла в чистом виде, квинтэссенция его.

Еще я понял, что слов, призванных обозначить этот путь, мне недостает. Современный русский язык немог здесь — и выражает нашу неспособность в видении зла, определении его, классификации.

Тогда я забрался в словари, передающие опыт предыдущих поколений. И там, в отголосках времен, чутких и сторожких ко злу, нашел нужное. Нашел слова, которыми наши предки обозначали едва видимые зародыши зла, и его разгул, и его мимикрию, — обозначали, чтобы отторгнуть. Эти слова со всей беспощадностью очерчивали путь, который выбрал для себя Колюнчик.

И путь этот: ЗЛОБСТВЕННЫЙ, ЗЛЕННЫЙ, ЗЛОБЕСНЫЙ, ЗЛОБЕСОВСКИЙ, ЗЛОБОРНЫЙ (предназначенный борцам за зло), ЗЛОВЕРНЫЙ (наставляющий злой вере), ЗЛОВЕСТНЫЙ, ЗЛОВИДНЫЙ, ЗЛОВОДНЫЙ, ЗЛОВОЛЬНЫЙ, ЗЛОДЕЛАТЕЛЬНЫЙ, ЗЛОДУШНЫЙ, ЗЛОДЫХАТЕЛЬНЫЙ, ЗЛОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ, ЗЛОЖИЗНЕННЫЙ, ЗЛОИМНЫЙ (перенимающий, стягивающий зло), ЗЛОМОЧНЫЙ, ЗЛОМУДРЫЙ, ЗЛОМЫСЛЕННЫЙ, ЗЛОНРАВНЫЙ, ЗЛОНАХОДЧИВЫЙ, ЗЛОНАЧАЛЬНЫЙ, ЗЛОНЫРЛИВЫЙ, ЗЛООБЫЧНЫЙ, ЗЛОПРИИМНЫЙ, ЗЛОПЫТЛИВЫЙ, ЗЛОСЕРДЫЙ, ЗЛОСОВЕСТНЫЙ,

ЗЛОСТРАСТНЫЙ, ЗЛОТВОРНЫЙ, ЗЛОСЛАВНЫЙ, ЗЛОУМНЫЙ, ЗЛОУХИЩРЕННЫЙ, ЗЛООХОТНЫЙ, ЗЛОЧИННЫЙ, ЗЛО... — впрочем, достаточно.

Путь обозначен. Остаются лошадки. Трогательная, почти святочная история о сбереженных, сохраненных Колюнчиком конях. Как быть с этой историей? Не знаю...

Нашел в словарях "злехитрие". Может, добро, сотворенное равнодушно, походя, случайно — и есть ЗЛОХИТРИЕ? Маскировка зла, пусть даже неосознанная?

Роюсь в памяти, — нет ли там штришка, способного вернуть назад страшное, непосильное (для меня — непосильное) обвинение Колюнчику. Не нахожу ничего. Хотя...

Он, Колюнчик, вывел меня из равновесия. Заставил задуматься, а полностью ли верно мое понимание природы зла, то понимание, что вдолблено за долгие годы атеистического формирования... Так уж социально ли зло? Обществом, средой ли обусловленно? А не метафизично ли, не над-мирово?

Может, в этих вопросах, которые встали передо мной, — и есть оправдание Колюнчиковой "воровщины", Колюнчиковаго житья-бытья, Колюнчиковаго существования?

Может, зря я на него не разозлился? Не рассвирепел? Не раскричался?

Может, зря я просто отвернулся от него?

P. S. А аргументов все же недостает. Не сумел я фактами, реальными фактами с социальной подложкой, доказать, что Колюнчик — слепое орудие зла. Не считать же, в самом деле, главным аргументом собственную интуицию...

Но может, заговорив о метафизической природе зла, и аргументы следует искать метафизичные, необъяснимые обычной логикой? А такие у меня есть...

Когда сюжет о "трогательной" истории со спасенными лошадьми стал рушиться (неожиданно для меня), когда интуиция вывела меня на другую оценку ситуации, когда понадобились словари — я воспользовался в числе иных и "Русским словарем языкового расширения" А. И. Солженицина. И вот в этой-то книге, обладающей, как сейчас верю, массой закодированной информации (ибо подготовлена верующим человеком, ставшим одним из главных врагов для атеистического, погрязшего во зле общества) — в этой-то книге я и нашел внерациональный, но убедительнейший аргумент...

Закончился блок слов с корнем "зло". И под ним, начиная новый округ понятий, стояло прилагательное.

Это прилагательное точно повторяло фамилию моего героя!

Словно подводило черту под моими размышлениями и уверяло в их правильности...

Июнь, 1993.

## ”С мечом не дрогнет жесткая рука...”

На книжный рынок С.-Петербурга и России поступили первый и десятый тома ”Янтарных хроник” американского фантаста Роджера Желязны. Книги эти выпущены питерским издательством ”Terra Fantastica” Компании ”Корвус” — владельцем прав на данное издание на русском языке.

...Что бы вы предприняли, внезапно очутившись в больничной палате с загипсованной ногой и будучи явно напичканы наркотиками? Попробовали бы встать, обнаружив, что, несмотря на слабость, нога почти в порядке? Шокировали бы медсестру со шприцем решительным отказом пребывать и далее в положении подопытного кролика? Добыть железный прут, разломали бы гипс и ”успокоили” верзилю-санитара, а заодно и самоуверенного дежурного с пистолетом?..

Но как жить, даже вырвавшись на свободу, если не помнишь — кто ты? Полузабыл свою сестру, уложившую тебя в эту клинику, — сестру, зовущую тебя уже иным именем, нежели врачи. А потом обнаруживается целая куча братьев, причем один из них пытался тебя убить, отчего ты и оказался в гипсе... И чем дальше, тем больше вопросов, тем круче враги. И нет отдохновения, а есть только путь постоянной борьбы и постепенного обретения себя — путь, на который вслед за Кэвином, героем первой книги сериала, вступает и читатель.

Роджер Желязны, в прошлом выпускник Колумбийского университета по специальности ”психология и филология”, предстает на этом пути уверенным и толковым проводником. Волшебный мир его делится на Янтарь — светлое, разумное начало вселенной, Хаос — начало злое, первобытное, демоническое, и Тени — своеобразный переход между Янтарем и Хаосом, взаимопроникновение противоположных полюсов, в коем рождаются миры. Один из таких миров-Теней — наша Земля. Не совсем, конечно, та, привычная. По ней и прорубаемся мы вперед, вслед за наследными принципами, претендующими каждый на главенство в Янтаре, — сквозь суперэйнштейновские парадоксы, на грани и за гранью наших житейских и научных познаний...

Вышедшие уже книги сериала просто не хочется называть ”маскультовыми”, ”топовыми”, хотя ”повелители Теней безудержно смеются ”Салем” и общаются на американском сленге середины шестидесятых” — как замечает в послесловии к первой из этих книг переводчик Ян Юа. Разумеется, немалая заслуга в том, что читатель начинает грезить в унисон с Желязны, и художника — Яны Ашмариной, выпускницы Екатеринбургской художественной школы. Каждая страница этих книг, построенных на кельтских и ирландских мифах, окружена магическим орнаментом, плюс к тому — масса прекрасных иллюстраций...

Исполненный в жанре фэнтези сериал состоит из двух взаимосвязанных циклов: первые пять романов посвящены в основном Янтарю, последние пять — Тени. Издатели рассчитывают выпустить весь 10-томник за 2—2,5 года. Надо полагать, российскому читателю, изголодавшемуся по сказочной фантастике (каковой, в сущности, и является фэнтези), этот 10-томник придется весьма и весьма по душе...

Евг. Баранов  
(С.-Петербург)

## 1993-й... 1993-й?!

Краткая хроника событий,  
”запланированных” фантастами

*Нынешнюю хронику нам помогли составить наши читатели из Казахстана А. Лысенко (г. Актау Мангистауской обл.) и — особенно — Г. Фатеев (с. Кулан Жамбылской обл.), приславший, помимо прочего, прогнозы из НФ, опубликованной на польском языке.*

**1993, 3 января.** Впервые было замечено пересекающее орбиту Юпитера антинейтринное облако, оказавшееся, как выяснилось позднее, антинейтринной планетой (Б. Шоу. Венок из звезд. Рус. пер. — 1989).

**1993, 11 января.** Исполнилось 20 лет Альберту Ламберту, в будущем — знаменитому художнику (К. Саймак. Заповедник гоблинов. 1968, рус. пер. — 1972).

**1993, 12 января, 22—00.** На базу в Скалистых горах, где расположена штаб-квартира Бюро времени, вернулся агент-вербовщик, с помощью хитроумного манипулирования временем ставший собственным отцом, матерью, дочерью и сыном (Р. Хайнлайн. Все вы — зомби. Рус. пер. — 1991).

**1993, 23 февраля.** В Руане-III родился Жан-Марк Д., код 76007 — ББ — N 122, который в день своего 16-летия, придя узнать свое будущее у Национального Электронного Мозга, взбунтуется и откажется выполнять рекомендации машины (Ж. Сесброн. Электронный мозг. Рус. пер. — 1987).

**1993.** В штате Вермонт, США, впервые законодательно определен порядок функционирования банка органов: здоровые органы, пригодные к пересадке, отныне изымаются у приговоренных к смерти преступников (Л. Нивен. Головоломка. Рус. пер. — 1991).

**1993.** 10 лет исполнилось Наркесу Алиманову, в будущем — выдающемуся физиологу, дважды лауреату Нобелевской премии, открывшему формулу гениальности (Ш. Алимбаев. Формула гениальности. 1983).

**1993.** Фирма ”Стоарт и Стоарт” завела дело по обвинению лауреата Нобелевской премии Уильяма Домби в умышленном переносе доктора Ф. Кирби в будущее — без ”обратного билета” (О. Нефф. Кирби против Домби. Пол. пер. — 1989).

**1993.** Разработана модель ”штуковины” — мыслящего устройства, способного выполнять самые разнообразные действия; приобретает ее позже в ”Лавке Чепуховин”, репортер Кроуэлл с ее помощью избавляется от преследующих его наемных убийц (Р. Брэдбери. Чепушинка. Рус. пер. — 1983).

**1993.** В США принят Акт о преступном деторождении, согласно которому появление третьего ребенка ставит главу семьи вне закона: любой доброволец вправе убить такого человека, если только тот не убьет его сам (Г. Гаррисон. Преступление. Рус. пер. — 1969).

**1993.** Исполнилось 25 лет Гарольду Митчэллу — космонавту, которому суждено первым ступить на поверхность Марса (В. Назаров. Синий дым. 1972).

**1993.** В бумагах, найденных при начатом было сносе старого дома, где когда-то жил Путешественник по времени, обнаружена формула преобразования времени в вакуум (М. Грешнов. Второе путешествие Путешественника. 1989).

**1993, 6 июня.** Фермер Кейлеб Б. Адамс из Монтаны обратился в Министрство паранормальных дел с жалобой на отсутствие заказанных дождей (Б. Дэниэльс. Специальному помощнику директора. Рус. пер. — 1973).

**1993.** Исполнилось 70 лет Деннису Хольту, полвека назад упустившему возможность стать всемогущим диктатором вселенной (Г. Каттнер. Работа по способностям. Рус. пер. — 1967).

**1993, лето.** На ступенях Рейхстага организовала свое шоу группа ”Трейтфул дэд”: ее поклонники изо дня в день расписывали черепами и ро-

зами западную сторону Берлинской Стены (М. Рендалл. Постель и завтрак. Рус. пер. — 1989).

**1993, 8 августа.** Прошло 5 лет с того момента, когда заговорил, осознав себя, первый в мире искусственный интеллект, созданный молодым советским ученым А. Любощевым (З. Юрьев. Черный Яша. 1984).

**1993.** Исполнилось 10 лет бдущему космонавту Уильямсону — участнику двадцатилетней экспедиции к Юпитеру, Сатурну, Нептуну (Р. Брэдбери. Марсианские хроники. Рус. пер. — 1965).

**1993.** 200 лет назад испанский путешественник Хуан Гонзалес обнаружил в джунглях Гондураса таинственный Храм Жабы, сооруженный исчезнувшим древним племенем (Р. Говард. Тварь на крыше. Рус. пер.— 1990).

**1993.** Джек Роберт Гиппенрейтер стал чемпионом мира по шахматам с помощью изобретенного отцом миниатюрного робота (Б. Штерн. Сумасшедший король. 1977).

**1993.** Среднестатистический избиратель, выбранный электронным мозгом для избрания очередного президента США, скончался от удара за два часа до того, как его должны были известить о предстоящей миссии (А. Азимов. Выборы. Рус. пер. — 1982).

**1993.** Отметил свое 20-летие астронавт Чарльз Фоксор, искусственно выращенный в Оксфорде из эмбриона гиббона и 5 лет назад отправленный в межзвездную экспедицию (А. Чеховский. Человекообразный. Рус. пер. — 1968).

**1993.** Вследствие аварии, предотвратить которую не удалось даже специально присланному из будущего технику, произошел атомный взрыв в Питтсбурге (Д. Т. Макинтош. Десятая попытка. Пол. пер. — 1988).

**1993.** Локальный конфликт на Ближнем Востоке, в ходе которого одна из африканских стран обрушила на Израиль две атомные бомбы, перерос в войну с участием всех крупных держав (У. Ле Гуин. Станок небес. Рус. пер.— 1991).

Кроме того, по-прежнему продолжают спать, замерзнув во льдах и снегах, герои книг "33 марта" В. Мелентьева (1957), "Внуки наших внуков" Ю. и С. Сафроновых (1958), "Прыжок в послезавтра" П. Воронина (1970), "Завещание каменного века" Д. Сергеева (1971) и многих других.

Кроме того, по-прежнему находятся в пути туда и обратно не менее многочисленные путешественники во времени...

## А ваша оценка?

Как и в прежние годы, предлагаем читателям оценить произведения, составившие наш сборник фантастики.

На последней странице последнего выпуска "Аэлиты-93" помещено оглавление всей книги. Произведения, в нее вошедшие, пронумерованы.

Просим вас переписать на открытке (с пометкой: "Аэлита-93") эти номера — от 1 до 10. И каждому произведению (указывать их названия, авторов не обязательно) — воздать должное.

Предлагаем все ту же пятибалльную систему:

5 — в восторге; отличное произведение!

4 — хорошее, добротное, нужное; правильно сделали, что напечатали;

3 — не возражаю против публикации, но... можно было и не печатать; перечитывать, во всяком случае, не буду;

2 — вызывает массу замечаний: недоработанное, сырое произведение; автор и редакция слишком поторопились с публикацией;

1 — категорически против публикации: зря потрачена бумага, занято чужое место!

Открытку (или письмо) с оценкой "Аэлиты-93" просим отослать на адрес редакции не позднее чем через месяц после получения этого номера.

## Проверьте вашу память

## Фантаграмма "По страницам книг А. и Б. Стругацких"

Здесь зашифрована фраза из повести Стругацких. Кто принял это выражение в качестве рабочей гипотезы жизни? В какой книге?

1,2,3,1,4,5,6; (-);7,8. 6, 9, 10,6, 10,11,7,8. 12, 13; 9,12,15,8,3,8, 14,14; 8,6,14, 15,7,6,1,4,8,12, 16,12; (;) 14; 1,13,11,1,17; 18,14,15,8,14; 7; 4,12,13; 18,6.

### Ключи к фантаграмме:

9,3,13,9,3 — "арканарский Портос", в котором временами появлялось что-то от грузового вертолета на холостом ходу.

12,4,6,17,5 — заведение, в стенах которого собралась весьма оригинальная компания: сексуально озабоченный робот; опасный гангстер, маньяк и садист; известный престиждитатор; тупой полицейский инспектор и даже... юное существо непонятного пола.

16,12,10,11,8,11,2 — вредная старуха, ни за что не желавшая стелить герою постель на диване: только на полу!

13,12,15,6,1 — весьма колоритный персонаж, никогда не расстававшийся с кружкой, из которой все время отлебывал.

18,14,17,14,8 — персонаж, словами которого: "Решено: главное — на Земле" — авторы обозначили поворот в своем творчестве к философско-социальным проблемам общества.

7,12,8 — слово, которым Кристоаль Хозевич Хунта подвел итог деятельности Лавра Федотовича Вунюкова.

Составил

М. Перфильев (Ростов-на-Дону)

## Ответы на подборку "Знакомые незнакомцы" (№ 10, 1993)

Отрывки, включенные в подборку, взяты из произведений:

- 1 — Д. Константиновский. Ошибка создателя;
- 2 — В. Фирсов. Зеленый глаз;
- 3 — С. Люндвал. Мир Алисы;
- 4 — К. Эмшуиллер. Субботний отдых на берегу моря;
- 5 — В. Фирсов. Срубить Крест;
- 6 — А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров.

# КОРАБЛИ И ГАЛАКТИКА

## Глава 13. КАЛААТ

Едва прекратилось движение выворотня, остатки эскадры Сатара, отброшенной Джизираком, хлынули в доселе запретную область. На корабельном кладбище Олберана механоиды обнаружили покинутый "Ультар". Перестреляв мхангов, псаи с механоидами опустили в кратер. В корабле Навка была устроена засада. Расчет оказался точен.

Навка доставили на станцию и принялись выпытывать у него секреты Корабельщика. Навк молчал. Никакие допросы, никакая боль не заставили его заговорить. Измученного, окровавленного, Навка погрузили на транспорт и отправили на космическую каторгу — на Калаат.

Когда Навка вели по тоннелям орбитальной таможни, юноша увидел Калаат в иллюминаторе и подумал, что такие планеты, как эта, ему встречались уже не раз, например, планеты-рудники, где загружались суда его каравана. Да и родной Навку Пандадион обратной своей стороною напоминал Калаат...

С орбитальной высоты на желтом шербатым каменном горбу планеты, висевшей в космической пустоте, как засохший плод в ветвях невидимого дерева, Навк разглядел темную дыру, словно червоточину в яблоке. Так выглядели гигантские сверхглу-



бокие котлованы. В этом котловане Навку предстояло пройти оставшиеся годы.

Котлован имел километров двадцать в диаметре и сорок в глубину. Узники этой тайной каторги, о которой в Галактике никто и не подозревал, были погружены на дно рукотворной пропасти, пожравшей уже такую прорву человеческих жизней, что когда отвалы осыпались, из земли выкатывались человеческие черепа, столь же многочисленные, сколь ракушки в морском песке.

Механоиды посадили Навка в огромный металлический ковш в бесконечной череде таких же ковшей конвейера, в которых из котлована поднимали грунт. Ковш поехал под уклон и вскоре вообще перешел на вертикальное погружение. Стены поднялись вверх.

Навк ехал очень долго. Сумрак охватил котлован, мгла укрыла его дальний конец. Внизу проступили бледные пятна фонарей. Скоро ковш приблизился к ним. Навк увидел дно котлована. Оно было не просто неровным, а взрытым, вздыбленным, всклокоченным. Грохотали гигантские экскаваторы; перегружая в ковши тонны грунта. Ревели землеройные машины, взламывая каменные пласты, спрессованные неимоверным давлением планетной толщи. Дальний конец разработок был значительно более углублен, и там из-под земли выходило какое-то черное тело. Посреди котлована вздымался стальной столб главного механоида-надзирателя с

венцом лучеметов, которые держали под прицелом всю площадь. В стороне, покосившись, на четырех опорах, как стол, стояла жилая платформа с жестяными бараками, в которых жили каторжники.

Каторжников было три-четыре десятка. Навк так и не сумел их сосчитать: все они казались ему на одно лицо. Худые, сгорбленные, бледные, грязные, они были одеты в тряпье, заросли волосами и бородами, и различить их можно было лишь по увечьям. Кто-то попал сюда за воровство, за грабеж, за пиратство, кто-то просто случайно залетел в Пцеру, а кто-то некогда подошел ближе, чем дозволено, к зловещей тайне Сатара и, заклеянный кораблевой болезнью, заплатился свободой. Но каким бы ни был путь, приведший узников на Калаат, окончиться ему суждено было одинаково. Каторга вывела этих людей за предел человеческого естества, и теперь в молчании, безропотном мучении и беспросветном труде они ждали смерти, чтобы те, кто попадет сюда после них, положили их легкие тела в ковши конвейера, а ковши вывалили их на склоны новых отвалов в грязь и забенение.

Колонию каторжников в страхе и повинении держал человек по имени Ордал. Будучи на свободе, он вместе со своей шайкой захватил планету Дром и объявил себя империей Новый Ретилай. Бандиты поклонялись Нанарбеку, вернее, тем ужасам, что рассказывались о нем в Эпосе "Сатариада". Сектанты Ордала возрождали кровавые обряды древности, пытки и казни, жертвоприношения, оргии. Когда механоиды штурмом взяли замок Ордала на Дроме, в его черных от копоти залах в грудах жирной золы были найдены обугленные человеческие кости, пыточный инвентарь, покрытый заскорузлой кровью, и переплетенный в человеческую кожу фолиант, называющийся "Радость ножа". Мерзкие псы в коридорах замка дожирали останки казненных. Галактика была потрясена преступлениями сектантов, и это еще сильнее утвердило людей в вере, что монахи Нанарбека действительно были изуверами и инквизиторами. Ордала отправили на Калаат, но здесь он быстро выкарабкался к власти. Он по своей воле вершил судьбы узников, а несколько откормленных громил были его армией в колонии изможденных и отчаявшихся людей.

Ордал и его дружки жили в лучшем бараке, посреди которого торчал белковый синтезатор. Он подчинялся сигналам с поверхности. Если каторжники не выполняли дневного урока, синтезатор ограничивал или вообще прекращал выдачу безвкусной белковой каши. Причинники Ордала всегда наедались досыта и еще прикармливали на потеху толстую рогатую ящерицу, прочие же получали то, что оставалось после трапезы главаря и его шайки. Чтобы никто из изголодавшихся людей не добрался до синтезатора, возле него всегда дежурил первый помощник Ордала по кличке Колтун.

Каторжная работа отнимала столько сил, что ни на что иное их уже не оставалось. С первых же дней она могуче всосала Навка в себя, и через некоторое время дух его начал ссыхаться, чувства очерствели, мысли поблекли. Навк видел, что неуклонно превращается в такое же безликое существо, как и остальные каторжники. Он боролся со своим внутренним опустошением, но утраченные ценности

нечем было заменить, да и потеря их только облегчала жизнь. Гордость, достоинство, талант, ум, любовь, — все здесь было излишним, ненужным. Ордал определил Навка на худшую работу — в землеройную машину. Душевная боль начала утихать, отгесненная всепоглощающим желанием отдыха, сна и белковой баланды. Однако Навк не позволял себе стать животным, его начинало трясти при виде рогатой ящерицы, хрюкающей над корытом, когда он сам целый день был голоден. Навк не полз к корыту, чтобы жрать вместе с гадиной, как делали многие каторжники. Он уходил подальше, отыскивал гладкий камень и сосал его. Шайка Ордала, издеваясь, прозвала его за это "камнеедом".

Однажды Колтун, потешая приятелей, вынес Навку из своего барака миску, полную камней. Навк осторожно выбрал из нее самый большой камень и со всего размаха ударил им Колтуна. Опричники, испугавшись его лица, не тронули его. Но утром Навк проснулся от того, что на грудь ему положили камень с выцарапанным на нем крестом.

Судя по всему, грядущий день должен был стать последним в жизни Навка. Юноша решил провести его по-человечески. Он не пошел работать к своей землеройной машине, а по кручам и ямам отправился вдаль, вглубь котлована. Он ушел очень далеко, туда, где дно котлована резко понижалось и из породы выступало какое-то гигантское черное тело. Дойдя до обрыва, Навк начал медленно спускаться по глыбам склона. Белое небо плавало над его головой, освещая унылую, безрадостную панораму взрытых каменных груд, оползающих вниз со ската, и глухо-черный, шершавый бок таинственного монолита. Навк знал, что этот черный камень не брал никакой вибронож, о него ломались закаленные скальные сверла, взрывы не откололи от него и кусочка. Абсолютно непроницаемая, абсолютно неуязвимая громада лежала на дне котлована, преграждая путь в глубины землеройной машине, и поэтому рабочую площадку перенесли к другому краю, где было повыше. Навк ступил на поверхность черного гиганта и сразу почувствовал, как его пятки сквозь башмаки лижет космический холод.

"Как возможно такое? — думал Навк. — Как в человеке совмещаются такие несравнимые категории: Галактика, Хоровод Миров, война Кораблей с Мамбетами — и вдруг какие-то ублюдки, баланда, драки, мерзости... Зачем судьба выстраивает в один ряд жестокого, но великого Корабельщика, Дождилику — и подонка Ордала, недоразвитого Колтуна..." Навк вспомнил дочь Корабельщика, почти забытую им за дни, что провел на Калаате, вспомнил ее глаза, губы, кудри, руки, вспомнил Парусник и свой "Ультар"...

— "Ульта-а-ар!.." — громко крикнул Навк в пустоту над головой. Крик гулко раскатился в каменных лабиринтах и отразился звонким, скачущим эхом. Нет, видно, зря говорил Корабельщик, что каждый человек имеет свой корабль. "Ультар" не шел на зов Навка. А может, он, Навк, и не стоил этого? Какое кому дело до того, что происходит в его душе?.. Горечь подкатила к горлу, и Навк побрел обратно, не имея больше сил сопротивляться судьбе. Черный монолит остался за его спиной, а



вскоре показалась платформа с жестяными бараками.

Навк по скобам поднялся на нее и увидел, что у барака Ордала, привалившись к стене, сидят несколько каторжников в ожидании подачи. Он долго и внимательно разглядывал их серые безучастные лица. И вдруг представил одного из них у пульта космического корабля, другого — у мольберта, третьего — просто со своими детьми... Неожиданно сокрушительная ненависть к бандитам и к порядку вещей в империи Сатара, что обрекли этих людей на скотское существование, взорвала сердце Навка.

Он подошел к двери барака Ордала и толкнул ее. Ордал мог убить за такое самоуправство. Но помещение оказалось пустым, если не считать Колтуна, спавшего на нарах. Навк подобрал с пола стальной прут, который бандиты использовали вместо засова, и шагнул к колонке белкового синтезатора. Подвесив под клювик крана ведро, решительно нажал на рычаг. Синтезатор захрипел и выплюнул на донышко ведра остатки дневной нормы, уже съеденной шайкой Ордала. Колтун от хрипа синтезатора заворочался и поднял голову.

— Только попробуй встать!.. — зверея от ненависти, тихо сказал Навк, с прутом в руке двинувшись к опричнику. Колтун сжался, прикрывая затылок. Хрип пустого автомата стал последней каплей, переполнившей чашу терпения. Бормоча ругательства, заливаясь слезами, Навк выволок из-под нар Колтуна жирную рогатую ящерицу. Та извивалась, кусалась и визжала, морда ее была перемазана белковой баландой. Навк своим прутом принялся лупить по этой морде. Черная кровь разбрызгалась по полу и стенам, упала горячими каплями на лицо и руки. Навк выбежал из барака, волоча дохлую ящерицу, потом вернулся и выбросил пластиковые ящики, выбросил все тряпье приспешников Ордала, двумя камнями выскер искру и поджег все это. Острой железкой выпотрошив еще теплую ящерицу, он насадил ее на свой прут и начал жарить.

Запах жареного мяса как магнитом притянул к костру всех каторжников. Навк видел сквозь дым, как самый ужасный из них — карлик-старик без глаз и без кистей обеих рук — своими кульями уже тянется к мясу, а изуродованное лицо его дрожит от непереносимой муки.

Навк оторвал от хребта ящерицы кусок для себя, а остальное отдал каторжникам. Мясо словно само проскочило в горло: Навк и не заметил, как проглотил его. Поднявшись, он взял прут и пошел в свой барак — спать.

Он думал, что его просто убьют во сне. Но его почему-то не убили. Он проснулся посреди ночи от того, что кто-то лизал ему руку.

Отдернув руку, Навк сел на нарах. Перед ним на коленях стоял давешний увечный старик-карлик. На слепом лице его было странное выражение. Кульями он снова ловил руку Навка, а поймав, опять начал лизать. И тут Навк понял, что это вовсе не жест благодарности. Не имея пальцев и глаз, старик языком ощупывал перстень, найденный Навком на Олберане. Юноша в омерзении отнял руку.

— Что, брезгуешь? — тихо сказал старик. Навк

поразился, сколько еще жизни, упорства и злорадства было в его голосе. — Брезгуешь, напарник? Я сразу узнал тебя, Кромлех! Я ждал. Я ничего не забыл.

— Чего вам надо? — спросил Навк, отталкивая старика и доставая свое оружие — стальной прут.

— Ай-яй-яй! — ответил старик. — Опять стало стыдно, Кромлех, что ты такой же, как я? Ничего, у меня теперь есть против тебя козырь!.. Или ты забыл нрав твоего друга Наваги?

## Глава 14. НАВАГА

Навага, Кромлех — Навк где-то уже слышал эти имена. Но где? Мысли с лихорадочной быстротой сменяли друг друга. Кромлех, вспомнил Навк, это человек, который был в разбитом корабле его родителей на Олберане... А Навага — ученик Корабельщика, который ударил его ножом в Храме Мироздания на Ракае.

— Ну что, узнал? — спросил карлик. — Не правда ли, кто бы мог подумать, что я так сильно постарею за эти годы? Просто ты был зеленый юнец, пацан, а я уже тогда был в годах, когда Корабельщик свел нас... Но я родился на Бон-Грассе, слышал о такой планете? Наше солнце излучает омега-частицы, и люди Бон-Грассы растут только до семнадцати лет, а потом рост прекращается... Мы долго выглядим молодыми и лишь в глубокой старости быстро дряхлеем, вот как я сейчас, понял? К тому времени, как меня подобрал Корабельщик, я уже был торговцем оружием и детьми, контрабандистом, угонщиком, вором, грабителем, убийцей... По уши извалялся в грязи. Но вот не повезло мне! Механоиды подбили мой корабль, и я вместе со своими детишками рухнул на ближайшую планету. Это была проклятая Эрия, и мы свалились с неба прямо посреди вашего поганого Нанарбека... Уж на что детишки у меня закаленными были, да монахи эти в свое время так лотовали, что даже после своей гибели всему живому ужас внушали... Не зря их Изуверами звали. Ничего в Нанарбеке уже не было, одни развалины, а только страх такой, что мои детишки из корабля нос высунуть боялись. Сидели голодом, ревели, а боялись. Был у нас парень один по кличке Хряц, живых людей руками рвал, а тут вышел в город, прошел сотню шагов и грохнулся — сердце, видишь ты, не выдержало... Короче, загибались мы в этом Нанарбеке, и детишки мои уж жребий кидать стали: кого на мясо пустить. И тут вдруг вижу я — идет по городу ваш Корабельщик, и ни в одном глазу! Ну, думаю, простите вы меня, детишки, выбирайтесь сами или подыхайте здесь, дело ваше, а мне с вами сидеть не резон. Руки в ноги — и дунул к Корабельщику. Так, мол, и так: пираты, выйти бояться, жрут друг друга; а про себя говорю, что юнга, и они меня силком держат. Старикан смотрит на меня — а я по внешности-то чистый молокосос, да еще красавчик такой был... ну, он и вывел меня из Нанарбека. Так я к вам и попал. Много, конечно, чудных мест с вами в Галактике повидал... Корабельщик нас учениками считал, а я одним ухом слушал, да все примечал, момента ждал. У нас бродяги-вакеры полно всякой чепухи болтают о забытых планетах. По большей



части брешут, подлецы, но одно точно: есть там еще невиданные сокровища. Вот я и ждал, когда старикан покажет чего-нибудь эдакое, ради чего не жаль рискнуть. И точно! Едва он начал про Вала-турб заговаривать, я мигом смекнул, что пора удочки сматывать, ну, и тебя подговорил... Братец-то твой, даром, что близнец, шибко правильный был. А на Ракай прилетели, да как увидел я тот перлиор — аж дух захватило! Давно уж слышал я от наших о Слезе Вселенной. За этот камешек пол-Галактики с потрохами купить можно!.. Ну, что дальше было, ты сам видел. Как я старикана нашего ножиком подколол, как эти мумии сушеные на нас бросились... Такой страх меня только в Нанарбеке пробирал, потому и выронил я камешек-то... Да-а...

— А дальше, дальше-то что было? — жадно спросил Навк.

— Не надейся, Кромлех, не забыл я твоего предательства... Ну, да ладно. Дело давнее. Счеты потом сведем.

— Так что же было? — не унимался Навк.

— А было то, что мы с тобой на корабле нашего старикана стартовали обратно, да у Ракайского Ключа загребли нас механоиды. Оттуда под белы ручки — и на Калаат. Как попали сюда, так ты давай твердить, что спасешь всех, что тебя слушается твой корабль, ты на нем вывезешь всех каторжников. Только меня ты проклял и обещал оставить здесь — совесть, видишь, заговорила... Взбаламутил всех, подбил на мятеж. Мол, только бы в космос выйти, а там "Ультар" сам прилетит к тебе. Эти

простаки на Калаате поверили, согласились помочь... Да, это был славный бой. Мы поднимались в ковшах, засыпавшись землею, а механоиды стреляли со стен, а мы потом на них — с голыми руками... Много наших полегло, но ты, я и еще кое-кто прорвались на космодром. Ты заскочил в псай, пока парни держали круговую оборону. Вижу, уже взлетать собрался, — что делать-то?! Вцепился в хвостовые рули, думал, ты все тот же зеленый пацан, а ты мне в лицо — огнем сопел... С тех пор у меня ни глаз, ни рук. Но я знал, что ты вернешься, ты же благородный. Я ждал тебя, двадцать лет ждал, и вот по этому перстню узнал тебя... Или забыл, что я сам тебе его подарил? Помню, как завидовал тебе твой братец. Если б он знал, что за этот перстенок заплатила жизнь наследная принцесса славной династии Сервионтов... И вот ты вернулся, Кромлех...

— И чего тебе от меня надо? — глухо спросил Навк.

— На Калаате предание о тебе идет из уст в уста, — засмеялся Навага. — Но только я один могу узнать Кромлеха, который приведет к нам корабль, за это меня и кормил Ордал. Да ведь ты ни меня, ни Ордала с его дружками брать с собой на корабль, небось, не собираешься, да? Вот и давай договоримся: ты меня берешь, а я...

— А ты? Ты не говоришь Ордалу, что я — Кромлех? Можешь пойти и доложить хоть сейчас! Плевал я на вас всех, понял?

— Ты стал отчаянным парнем, Кромлех... Но старый Навага если ходит первым, то ходит с ко-

зрей, а Ордал — это не козырь: так, шестерка. Пока я на воле был, такие Ордалы мне башмаки вылизывали. В обмен на свою жизнь я предлагаю тебе другое, более ценное...

— Что? — презрительно спросил Навк.

— Ты знаешь, почему сегодня ребятишки Ордала за тобой не пришли? Случилось кое-что поважнее, чем убийство рогатой ящерицы. На Калаате появилась женщина... девушка... Она сейчас в бараке Ордала... говорит, что ищет одного человека... Вот и давай так условимся: я тебе ее достану в целости и сохранности, а ты меня...

— Как она выглядит?! — Навк, помертвев, вцепился в Навагу.

— Не знаю, чтобы видеть ее, у меня нет глаз, чтобы щупать — нет рук, — глумливо ухмыльнувшись, ответил старик и хотел было продолжить торг, но Навк отшвырнул его, схватил стальной прут и выбежал из барака.

Он вышиб дверь в хибару Ордала, влетел внутрь, но ничего не успел разглядеть — только смутные тени, тусклые лица.

— Убью!! — страшно заорал он и стальным прутом бешено ударил кого-то, вскочившего сбоку. Человек со стоном отлетел к стене. Кто-то другой появился впереди, и Навк концом железяки, точно штыком, ткнул ему в лицо. Противник взвыл, закрываясь руками.

— Дождилика! — крикнул Навк. — Дождилика!!

Человек, упавший на пол, хотел подняться. Навк подскочил к нему и, размахиваясь, стал бить его своим прутом. Исхудавший, жуткий, бешеный, в тряпье, через которое сквозило черное тело, с перекошенным лицом и окровавленным оружием в руках, он был столь опасен, что Ордал, сидевший на своем топчане, не шелохнулся.

Легкая светлая тень появилась из мрака и замерла рядом. В этот миг другая тень — черная и громоздкая — загородила проем входа.

— Кто это орет, хозяин?.. — спросил подошедший Колтун.

Навк бросился на врага с железякой наперевес. Со всей силой своего мщения он вогнал стальной прут в брюхо бандиту так глубоко, что острие вылетело из спины, роняя черные капли. Колтун упал на колени, захрипел и повалился. Навк отдернул руки от страшного оружия. Чужая кровь молниеносной расправы жгла ему кожу. Шатаясь, Навк стоял над телами своих врагов, но победа не несла в себе радости. Горе и страх, как дым от углей, теплым паром поднимались от трупов. Сзади подошла Дождилика.

— Это нельзя запоминать... — прошептала она. — Пойдем отсюда...

Навк нетвердой ногой переступил тела. Дождилика держала его за локоть. Они отошли от барака Ордала.

— Как ты очутилась здесь? — хрипло спросил Навк, боясь прикоснуться к девушке окровавленной ладонью.

— Папа нашел на Олберане "Ультар" пустым, и мы поняли, что ты попал к механоидам. А вчера "Ультар" забился, но папа его не выпустил. Я поняла, что ты в беде, что зовешь свой корабль на

помощь. И я сбежала на старом катере, который нашла на Олберане, сдалась механоидам и очутилась на Калаате...

— Я звал корабль, — сказал Навк. — А пришла ты... Разве же ты корабль? Ты моя лодочка... Ты же погибнешь со мной в этом руднике...

— Это не рудник, Навк. Такие котлованы появились на очень многих планетах Галактики. С тех пор, как Сатар понял, что папе известен секрет Валатурба, он отдал приказ откопать из недр планет личинки спящих Мамбетов. Он хочет разбудить их и возобновить иго...

— Значит, черный монолит, который обнажился из-под породы в дальнем конце котлована — это циста Мамбета?!

— Да. Новая угроза нависла над Галактикой. Если папа не успеет запустить Валатурб сейчас, уже невозможно будет сделать это потом...

Дождилика расстегнула куртку на груди, засунула руку и, достав что-то, молча разжала кулачок. На ее ладони, светясь, лежала звездная жемчужина перлиор.

— Я украла его у папы, — сказала девушка. — Я знаю, он очень любит меня. Но жизнь его отдаю другому делу... Он бы не стал спасать с Калаата ни меня, ни тебя — сейчас у него уже нет времени для этого. Но я взяла перлиор, и теперь он заберет нас отсюда... Он уже послал за нами "Ультар", и корабль скоро будет здесь...

Навк и Дождилика оглянулись. Из своего барака выходил Ордал. В руке у него был длинный самодельный нож.

— Бежим! — отчаянно крикнул Навк.

Они помчались вдоль жестяных барачков, а за их спинами тяжело ухал башмаками бандит. Навк был безоружен. Свой прут он оставил торчать в ребрах Колтуна, и теперь ему нечем было защитить себя и девушку.

Добравшись до спуска с платформы, они по скобам полезли вниз и и спрыгнули на грунт, оказавшись в полной темноте. Темнота могла укрыть, а могла и погубить их. Они побежали дальше, не имея направления. Они часто падали, камни катились под ногами, дорогу преграждали то кручи, то, наоборот, отвесные скаты.

И тут бледное, почти прозрачное маленькое солнце Калаата наконец выглянуло из-за зубцов дальнего края котлована. Его свет разом выявил из мрака массивные лбы развалов и пологий песчаный скат. Впереди вздымалась стена, вдоль которой вверх уползали ржавые ковши конвейера. Лязга изношенных механизмов Навк не слышал за собственным дыханием. Человеческая фигура появилась на гребне ближайшего холма. Искрой стрельнул блеск ножа.

— Кажется, он загнал нас в угол, — прошептала Навк, но дьявольская сила уже бурлила в его крови. — Погоди, — зло сказал он, — погоди, поганый Ордал...

Навк посадил Дождилику в ковш, подпрыгнул, ухватился и влез вслед за ней. Затем он поднял камень и швырнул в Ордала.

— Щенок!.. — заорал Ордал, хватаясь за голову.

В тот момент, когда ковш с Навком и Дождили-

кой тронулся вверх, бандит ухитрился зацепиться за его край.

— Когда мы поднимемся на высоту лучебоев, механоид-надзиратель сожжет нас, — сказала Дождилика.

Навк не ответил ей. Ордал тяжело перебрался через край ковша. Навк взял в обе руки по острому камню и встал между бандитом и девушкой. Ордал поднялся, выставив перед собой нож. Развалы и холмы медленно опускались, и вот посреди котлована стал виден черный столб механоид-надзирателя с венчиком лучебоев.

Ордал сделал выпад. Увернувшись, Навк камнем ударил Ордала по шее. Тот пошатнулся, но снова кинулся на врага. Навк едва ушел от лезвия, вспоровшего ему одежду.

— Навк! — отчаянно крикнула Дождилика. — Механоид зажег красные огни!..

Навк, отскочив, бросился к ней и тоже увидел, как черный зловещий идол глядит на них пылающим, кровавым оком. Юноша взял Дождилику за руку, и оба они встали на кромку ковша, поднимающегося все выше. Ветер трепал их одежду.

— Внизу был песок, — сказал Навк.

И они прыгнули в пустоту.

Паденье было долгим, как удушье. Они врезались в сыпучий склон и поехали вниз на песчаной лавине.

Сквозь лязг и гул конвейера они услышали вопль Ордала. Он на четвереньках стоял у края ковша. Бандит боялся высоты. У него не хватало мужества прыгнуть вниз, и он ревел, как бык, которого ведут на бойню. Острая молния ударила от механоида. Пылающие перья ворохом взмыли над ковшом, и вопль оборвался. Ордал был испепелен.

Когда Навк и Дождилика, измученные, вернулись к платформе, каторжники собрались внизу, ожидая их. Над толпой каторжников висел "Ультар".

— Стойте!.. — раздался невдалеке крик. — Стойте!.. Я слышу звук корабля!.. Стойте, стойте, гады, предатели!.. Не бросайте меня!.. Не улетайте!.. Стойте, проклятые выродки!..

Слепой Навага, изрыгая проклятия и плача, карабкался по холмам, не разбирая дороги. На миг Навку стало жаль несчастного старика. Он видел матерого пирата лишь униженным и увечным. Наверное, будь у Наваги хоть один глаз, Навку пришлось бы убить его столь же безжалостно, сколь безжалостно он покарал Ордала и его опричников.

Слепой старик полз к каторжникам, бросившим его в пустом бараке, полз на гудение турбин "Ультара". Корабль, словно вспомнив своего бывшего капитана, вдруг развернулся в воздухе и поплыл к нему.

— Ага!.. — торжествуя закричал Навага, когда "Ультар" остановился над ним. Склонив голову к плечу, он выставил одно ухо и прислушивался. — Ты еще помнишь меня, летучая жестянка?.. Еще боишься старого Навагу?.. Мои шпоры оставили глубокие борозды в твоих боках! Подай мне трап, железная кляча!..

"Ультар" медленно опустился, словно печать вечности. Последний вопль Наваги взметнулся над могилкой Мамбета. Давние враги сочлись друг с

другом. "Ультар" неподвижно стоял над останками Наваги.

Навк и Дождилика подошли к каторжникам, которые сгрудились при их приближении.

— Кромлех, — глухо сказал один из них. — Нам всем известна легенда о тебе... Скажи, ты правда хочешь увезти нас с Калаата?..

— Да, — твердо сказал Навк.

— А правда ли, что ты ученик Корабельщика?

— Правда, — ответила за Навка Дождилика. — А я его дочь.

— В Галактическом Эпосе "Сатариада" сказано, что Корабельщик был магистром Инквизиторов... Все мы оказались на Калаате потому, что слишком близко подошли к какой-то тайне Нанарбека. Прежде, чем мы согласимся лететь с тобой, Кромлех, мы хотим знать эту тайну. Мы не хотим с каторги попасть в руки к последним Изуверам...

— Конечно, вы должны это знать, — согласился Навк. — Но я и сам знаю не больше, чем...

— Погоди, — остановила его Дождилика. — Я знаю. Я расскажу вам о Нанарбеке, чтобы вы не боялись нас.

## Глава 15. НАНАРБЕК

Монастырь Нанарбек возник в незапамятные времена, несколько столетий спустя после шестого великого Оледенения. Между людьми в Галактике не было никакой общности. О давнем прошлом человеческой расы забыли. Имена Мамбетов исчезли даже из сказок, а о древних цивилизациях вроде Зодчих, Пахарей или Хозяев помнили только немногочисленные летописцы. Повсюду возникали мелкие империи, чахлые династии провозглашали себя владыками вселенной, в космосе орудовали грабители, снова началось Кочевье. Крохотные государства объединяли в себе не звездные системы, не планеты и даже не материи, а клочки земли, едва различимые с орбиты. Ни на миг не угасая, кипели ничтожные войны пустяковых царьков, люди дрались друг с другом, забыв о своей главной цели — вернуть Млечному Пути его величие. Время это называлось Мелкоусобица.

Именно тогда на необитаемой планете Сонк в далеком и почти безлюдном скоплении Катамарана в Сбет-секторе поселился человек, чье имя не сохранилось. Все свое время он отдавал размышлениям. Книга, которую он написал в отшельничестве, и теория Полночи в Мироздании, в ней изложенная, лучше и точнее всего объясняла взаимоотношения всех вещей в мире.

Главный постулат этой космогонии — "бытие одухотворено насквозь". Одухотворенная вселенная и есть мироздание. Мироздание всегда гармонично, иначе все погибнет, будет уничтожено в хаосе. Но есть два типа гармонии, полярные друг другу. Первый — Абсолют, то есть такая гармония, при которой все элементы разъединены и не взаимодействуют, законсервированы навечно, как, например, атомы в кристалле. Второй — Гармония Дисгармоний, то есть такая система, в которой элементы взаимодействуют, кое в чем притесняя друг друга, но не влияя на конструктивное значение. В Мироздании именно этот тип гармонии. Информация о такой

гармонии и есть одухотворенность мира. В мире все развивается по законам красоты. Только человек способен и ощущать, и создавать гармонию, поэтому он и является ее оптимальным носителем, поэтому он — сгущение одухотворенности посреди одухотворенного мира. Конечно, не в том смысле, что человек как представитель человеческой расы. В нашей Галактике до человека такими носителями были Корабли. В других галактиках — в Цветущем Кусте, в Гейзере, в Морском Коньке, в Фонаре, в Райской Птице, в Грозе, в Летучей Рыбе, в Морозном Ключе, в Птичьей Стае — другие расы. Все эти существа теория одухотворенности называет словом "пталь". Пталь реализуется только когда человек счастлив, а человек полностью счастлив только в полете. Война Кораблей и Мамбетов была в философском смысле войной двух типов гармонии. Именно поэтому Мамбеты — жестокие воины гибельного Абсолюта — отняли у людей корабли. Без кораблей и люди, и Млечный Путь погибнут.

После смерти человека, создавшего теорию одухотворенности мира, дом его долго пустовал. Но потом на Сонк прилетели другие люди. В смутные времена Мелкоусобицы нищие царьки жили грабедом и воровством, и люди обладали огромным флотом. Утлые и ненадежные суденышки бороздили всю Галактику. В катаклизмах Энергетического Неблагополучия, в стычках и авариях почти все они гибли, но корабельное дело только выигрывало от этого, расширяясь и совершенствуясь. Люди, прибывшие на Сонк, были старыми, искалеченными капитанами с погибших кораблей. Отвергнутые человечеством, они образовали на Сонке общину и прочли книгу об одухотворенности. Неизвестно, это ли явилось причиной их замысла, но старые капитаны, немало изведавшие на своем веку, побывавшие в самых дальних и недоступных областях, хранившие секреты множества миров, решили создать Галактическую Лоцию. Несколько поколений безвестных космонавтов легло в каменные ямы неприятных плоскогорий Сонка, прежде чем Лоция увидела свет.

И в это время старых капитанов обнаружил Сатар. Смерть угрожала людям, близко подошедшим к секрету Валатурба. Сатар натравил на Сонк все силы Энергетического Неблагополучия. Тогда, противоборствуя судьбе, старые капитаны построили большую и прочную Ковчег, взяли с собой Лоцию и книгу о Полночи в Мироздании и выбросились в пространство. Только опыт борьбы со стихиями Энергетического Неблагополучия на всех широтах Млечного Пути помог им добраться до большого Сбет-Гвитового течения, которое и унесло их прочь от разъяренного Сатара.

Течение вынесло Ковчег к планете Ретилай — столице сильной империи. Ее владыка позволил беглецам занять пустынную планету Эрия. На огромной равнине Нанарбек, что означало "беспредельный простор", пришельцы построили одноименный монастырь. Спустя несколько тысяч лет на этой равнине монахи воздвигнут исполинский каменный корабль-город, символизирующий Ковчег первых поселенцев.

Империя Ретилай была сильной и жестокой, но ее императоры всегда высоко ценили ум человека,

начертав на своем гербе девиз "Доблесть и разум". Они понимали, что в Галактике земель хватит всем, что среди мириадом миров есть такие, где самородное золото лежит кусками величиной с буйвола, где растут алмазные друзы высотой в дерево, где жемчугами устлано океанское дно, но нет ни одного мира, который покоришься бы чему-нибудь иному, кроме силы человеческого разума. Смирив гордыню, Ретилай потеснился на императорском троне, освобождая место Нанарбеку, и в этом был залог грядущего величия.

Империя Ретилай, как и все империи времен Мелкоусобицы, постоянно вела бесконечные большие и малые войны, завоевывала звездные системы и теряла их, побеждала и терпела поражения, взимала дань и платила дань. Монахи Нанарбека разделяли судьбу империи, в дни торжеств сорадуясь успехам, а в дни невзгод твердой рукой берясь за оружие. Обладание Галактической Лоцией дало Ретилаю огромное преимущество перед врагами, и постепенно бывшие противники оказались повержены в прах, а их миры и народы переходили под власть императоров Ретилая. Ретилай креп, разрастался. Мощь его увеличивалась от поколения к поколению. А вместе с ростом империи все большей властью владел Нанарбек.

Законы Нанарбека были мудры и справедливы. Никто не имел права грабить и убивать. Высшими преступлениями считались предательство и произвол. Мир и суровый покой царили там, где чтили законы Нанарбека. Народы, тысячелетия изнывавшие в бурях Мелкоусобицы, впервые почувствовали сильную и добрую руку. А когда император поднял мятеж, желая освободиться от ига монастыря и вернуть себе былое могущество, все миры встали на защиту Нанарбека. Императорская власть пала навсегда. Нанарбек стал полновластным хозяином.

Со временем половина Галактики — все четыре полюса ее диска — была охвачена Нанарбеком. Почувствовав растущую угрозу, государства ядра Галактики — полюсов Авл и Евл и пространств Таэры — объединились для борьбы с Нанарбеком. Жесткая бойня назревала во Млечном Пути. И тогда Нанарбек, избегая крови, сделал такой шаг, какого не ожидал никто — он сложил оружие и сдался.

Орды ошеломленных победителей хлынули в открытые миры. Магистр, адмиралы и почти все капитаны были беспощадно убиты, но лоцманы сохранили знания Нанарбека, растворившись в массах объединенных народов. Прошло несколько веков после этой странной войны, и из недр народов снова поднялись к власти самые умные, самые талантливые — те, кто знал секреты Галактики, кто мог вести караваны по ее смертоносным просторам, потому что лоцманов. Нанарбек восстал из пепла как владыка Млечного Пути.

Насилие было запрещено. Только разум и добро правили миром. Высшими ценностями почитались знания, любовь, талант. По всем планетам строили города, красотой превзошедшие легендарные столицы Хозяев. Космос освобождался от мусора и хищников. Корабельное дело поднялось на недостижимую высоту. Лучшие дети Галактики уходили в Нанарбек на учебу у лучших мужей, и мудрость

Нанарбека возматала, углубляясь в сокровенные недра мироздания.

Совместив теорию Полночи в Мироздании с Галактической Лоцией, монахи Нанарбека вычислили творцов своего мира, создателей Галактики и ее первоцивилизацию — Корабли. Познанию нет границ, и бездны времен не утаили от Нанарбека величия замысла Кораблей, горькой войны с Мамбетами, рождения людей, гибели кораблей и войны Первых Людей с Мамбетами. Мрак забвения рассеялся, и мысль о Кораблях вновь овладела душой человечества.

Словно повинувшись велению времени, именно тогда произошло событие, ожидаемое на протяжении всей истории людей Млечного Пути. Через Орпоке-ну пришел посланец другой галактики. Это был силант Эвбур., преодолевший сорок четыре таланта пространства и времени, отделяющих Млечный Путь от Цветущего Куста. Со времен Кораблей и величия Королевы Миров Цветущий Куст сохранил верность дружбе с Млечным Путем. Когда же гибнущие Корабли закрутили свою Галактику, в Цветущем Кусте был учрежден орден силантов — людей, решивших спасти Королеву Миров. Только теперь люди узнали о мертвом величии Орпокены и хороводе галактик, об импульсе вращения, спячке Мамбетов и излучении вселенной. Нанарбек начал искать Галактический Тормоз, но, к сожалению, не успел его найти.

Мысль о родстве человека и корабля разошлась во все концы Млечного Пути. В каждом городе появились корабельные верфи и корабельщики. Искусство корабля стало главным искусством человечества. Прекрасные, как сон, корабли сходили со стапелей, прославляя мудрость первоцивилизации и гений человека. Корабль обрел душу и свободу. Чудесные корабли поплыли по всем океанам Галактики. Человечество взмыло к вершинам духа, в Галактике наступил золотой век. Прославляя Корабли, люди восстанавливали Галактику, очищали пространства. Души их были раскрыты для красоты, любви и знания. Никогда доселе таким пышным цветом не расцветали искусства, никогда науки не проникали в такие глубины природы. Сила человечества утроилась.

Казалось, во вселенной не было противника, способного вернуть Млечный Путь к прежнему состоянию Мелкоусобицы. Но Сатар оказался мудрее людей. Древний, как сама Галактика, ровесник Кораблей, он знал, куда надо бить. Ярость не слепила его. Он должен был выждать миллиард лет, держа человечество в узде, должен был уберечь спящих Мамбетов от излучения вселенной, которое бы убило их, хлынув в Галактику, когда та прекратит вращение. Человечество было околдовано, очаровано сказкой о Кораблях, потеряло трезвость рассудка, готовность к бою, остроту взгляда. Оно изнежилось, размякло, и некому было бить тревогу среди райских фонтанов, когда тени космического зла заволокли звезды. Сатар сыграл на вере в цивилизацию Кораблей, сыграл на памяти своих злейших врагов, выждав, когда мысль о них станет почти реальностью, и тогда беспощадным толчком перевернул мир с ног на голову.

Лавина бедствий в одночасье обрушилась на Га-

лактику. Повсюду вспыхнули планеты, которые еще не обзавелись корабельными верфями. В пространстве, словно взбесившись, появились целые эскадры кораблей без единого человека экипажа. Ни один корабль не пострадал, но страшная сила уничтожила людей. Все это делал Сатар. Уничтожая людей и не трогая корабли, он вмиг скрутил все человечество судорогой жесточайшего кризиса. Он нагнетал напряжение, сеял сомнение, а когда питательный раствор был готов, запустил в него микробов Ереси.

— Во всем виноваты Корабли! — по всей Галактике твердили еретики. — Они заразили людей корабельной болезнью, которая заставляет человека строить корабли. И вот теперь, не разгадав опасности, мы наводнили Галактику Кораблями. Мы возродили расу Кораблей и скоро будем уничтожены ими! Люди, все, кто хочет жить! Вставайте под знамена Ереси! Уничтожайте корабли! Жгите верфи! Убивайте корабельщиков! Сравняйте с землей Нанарбек! Корабль — враг человека! Смерть кораблям! Никто не должен строить корабли! Человек не должен летать в космосе! Мысль о Корабле — это мысль о самоубийстве! Смерть Кораблям во имя жизни Человека!

Ересь, как пожар, распространилась по Галактике. Еретики рушили храмы Нанарбека, взрывали верфи, казнили корабельщиков, монахов, пилотов, лоцманов и ломали, ломали, ломали корабли. Отовсюду потянулись в Нанарбек изгнанные, избитые люди, понимавшие, что разразившаяся беда — это гибель человечества, да и самой Галактики. Нанарбек принял беженцев и закрыл ворота. Еретики обложили монастырь со всех сторон, и началась осада.

А Сатар не терял времени даром. Он создал замену кораблям Нанарбека. По всем планетам, где только что разрушили верфи, стали строить заводы новой Корабельной Корпорации Сатара. "Корабль — это машина, инструмент. Безразлично одухотворять корабль. Корабль — это необходимость во имя выгоды человека", — так было записано в Уставе Корабельной Корпорации Сатара. Эпоха одухотворенных кораблей, единения корабля и человека миновала. В космический простор выходили дешевые и простые машины, призванные безопасно возить грузы от порта к порту, и вместо пилотов у штурвалов встали механоиды — бездушные роботы, главной задачей которых было уничтожение одухотворенности в корабле.

Но, хотя эра Нанарбека миновала, монастырь, окруженный полем высшей защиты, держался еще много, много лет. Приступ следовал за приступом. Огонь, не переставая, kloкотал под стенами. Армия еретиков, как саранча, не имела числа, а защитники гибли один за другим. Нанарбек был ревущим, гремящим вулканом Галактики. Сто лет Нанарбек был в осаде, сто долгих, кровавых, дымящихся лет он сопротивлялся, звал на помощь, прятал свои книги и закапывал карты. Но всему есть предел. Когда последний воин был сражен, исчезло и поле защиты. Только еретикам не суждено было глумиться над руинами. Заклятие монахов обрекало на смерть в руинах Нанарбека любого, кто приходил сюда без желания познать его мудрость. Армия еретиков отступила, и монастырь был предан забве-



нию. Черные, оплавленные цитадели нелюдимо высились над взрытым каменным полем, засыпанным человеческими костями, ибо еретики, как волки, не погребали своих мертвецов.

А Галактика оправилась от потрясения и быстро забыла о своих былых владыках. Разъединенные на планетах, люди жили счастливо и в достатке. Сатар не накладывал никаких табу, и народы по-прежнему кочевали из мира в мир. Но никого уже не прельщало парение в пустоте, никто уже не мечтал о собственном корабле. Могучие межзвездные машины, набитые механоидами, охраняли сытый покой человечества, не прибегая ни к каким явным запретам, кроме, разумеется, тех, которые напрямую оберегали Сатара; и этот покой в тепле под тусклыми звездами был чреват вялой смертью. Но никто не верит в свою гибель там, где все желания кажутся достижимыми.

## Глава 16. БАНТАГА-УЛ

Ударом свалив механоид-надзирателя, словно он был деревом, выросшим на болоте, "Ультар" поднялся над унылой равниной Калаата, сделал широкий прощальный круг над горестными просторами и наискосок полетел к зениту. Незамутненная тьма открытого космоса, щедрые звездные россыпи, пылающие со дна вселенского омута, потрясли каторжников. Они смотрели на огни Пцеры и узнавали яркие звезды — Энгу, Дахинн, Лерой, Синэкс, Чантру, узнавали созвездия Колчана, Плавника, Виолончели, Бумеранга, и только самую сильную звезду — Джизирак — никто не мог назвать по имени. Взволнованные каторжники напоминали пленников, которые после долгой неволи наконец вернулись в свою землю и вошли в храм своей веры, где все росписи стен и сводов, лики всех святых и великомучеников известны им, но после чужой речи так сладостно повторять родные слова.

Массивный шар Калаата медленно крутился под днищем корабля. Одна его сторона была освещена, и Навк видел полосы облаков, плывущих над Калаатом. Несколько мелких звездочек взошло над темным полушарием — это были крейсера Сатара.

— Я могу указать вам путь к той планете, по которой проходит Галактический Тракт, — сказал один из каторжников, стоявший рядом с Навком. — Я знаю лоцию всей Пцеры. По Тракту мы выберемся к людям, а вы будете свободны и сможете продолжить свое дело.

— Вы читали Галактическую Лоцию? — удивился Навк.

— Нет. Мое имя Лонг Толба. Я был археологом, раскапывал древний город Пахарей на планете Блицца. Это у звезды Орке-Ракен в аллее Яркий Строй. По роду своей деятельности я знаю предание о Галактическом Тракте Хозяев. Однажды рядом с моим лагерем совершил посадку исследовательский катер Астрофизической Академии Пандадиона. Его экипаж составляли двое ученых, муж и жена. Их звали Нордаль и Ольга... — Навк побледнел. — Таких отважных и благородных людей мало в Галактике. Они составили свою лоцию туманности Пцера. Но там, в туманности, они подобрали на расстрелянном псае какого-то беглого ка-

торжника с Калаата. Механоиды погнались за ними. И вот тогда, уходя от погони, они приземлились у меня на Блицца и передали мне рукопись своей лоции, чтобы я сохранил ее, если они погибнут или попадут в плен, а сами улетели дальше. Я, опасаясь механоидов, выучил рукопись наизусть, а потом сжег. Но это не уберегло меня...

— Планета с Трактом называется Щидра, — сказала Дождлика.

— Лучший путь от Калаата до Щидры — по большому Скут-Евловому течению через пороги Верхний и Нижний Бантага-Ул и Тхаса до багровой звезды Кенон, а от нее, держа курс на Регул, мы вылетим к солнцу Щидры.

— Но ведь пороги стережет Инт — Космический Царь!

— У нас нет выбора, — пожал плечами археолог. — Крейсера оставили нам только один путь...

Они уже охватили "Ультар" полукругом. Их злобный эскорт пригнал траекторию кораблика к Калаату. Тусклые, кое-где обметанные ржавчиной или инеем массивные корпуса крейсеров отсвечивали в размытом излучении Калаата. Боевые башни были развернуты на "Ультар".

Навк кинул "Ультар" прямо в борт ближайшего крейсера, ловко поднырнул под киль неповоротливого титана, вырвался по другую сторону и свечой взмыл вверх. Гиганты, смятая строй, грузно разворачивались. Их орудия рыскали по небосводу, но огня механоиды не открывали — выстрел мог угодить в своих. "Ультар" затанцевал среди стада космических динозавров, и когда стальные чудовища окончательно спутались, он помчался от них прочь. Моментами толстые лучевые столбы осветили его дорогу — лучебои беспощадно сверлили пространство, пытаясь сжечь дерзкого звездного воробья. Навк дал "Ультару" полный ход, и кораблик, напрягая все силы, понесся вперед, туда, где тяжелые прозрачные волны катило могучее Скут-Евловое течение, исполинская галактическая река, один берег которой был из звонкого золота чистого звездного огня светил Пцеры, а другой грозно клубился темным туманом, одевающим Пцеру со всех сторон.

Крейсера остались далеко позади.

Пороги Бантага образовались после того, как огромный массив гравитационных мелей перекочевал ближе к Зарват-стороне туманности Пцера и перегородил большое Скут-Евловое течение. Мели строились, когда Мамбеты, перед тем как впасть в сверхдолгую спячку, взорвали гигантскую сверхновую звезду Фарлингу, чтобы запереть от людей Пцеру. Но течение размыло ступок вырожденной энергии, и теперь на месте былой запруды бушевала могучая звездная шивера с тремя труднейшими каскадами. Их делали непроходимыми загадочные существа, именуемые Интами. Только Великий Лоцман Гандамага смог прорваться мимо них.

Стремнина несла "Ультар" к порогам. Гигантские скалы, завязнувшие в вырожденной энергии, преграждали русло, и течение расслаивалось на множество рукавов. Потoki огибали утесы со всех сторон, извивались, перекручивались, сшибались друг с другом или били в стены тех скал, которые стояли вторым рядом за плечами передовых бойцов.



У Навка захватило дух от ужаса и восторга, когда он ясно увидел грандиозный каньон.

"Ультар" кинуло в каменную теснину и завертело. Он понесся вдоль диких скал. Их зубцы, проносющиеся под днищем, как ножи, вспарывали пространство. Каторжники видели на камнях рубцы и выбоины от мощных ударов, расселины, забитые обломками и мусором, принесенным течением, остовы кораблей, нанизанные на острия пиков. Корабль нырял и взмывал вверх по гравитационным горам, падал со сливов, кренился на водоворотах и отраженных валах, качался от ударов противотоков и смыкающихся стремнин.

Но вдруг бледные зеленые огни вспыхнули на зубцах утесов, и тотчас боль, как шапка, нахлобучилась на голову Навка. Неведомая сила вгрызлась в мозг и словно выкорчевывала его из головы, как выкорчевывают пень с разлапистыми корнями. Кто-то непонятный терзал Навка, вытаскивая жизнь из его тела. Боль разламывала голову, в глазах темнело. Навк усилием воли держал в себе жизнь, но неведомый враг давил его и по пальцу разжимал стиснутый кулак упорства. И в этот миг кто-то другой из-за спины Навка рухнул лицом на пульт.

Это Лонг Толба отдал свою жизнь Инту — Космическому Царю.

— Дождилика, держись!.. — крикнул Навк девушке. — Не сдавайся ему, слышишь? Ни за что не сдавайся!..

Инт пришел во второй раз, пришел в третий, в четвертый, в пятый... Лавина боли накатывалась с постоянством прибоа. Лютый Космический Царь пировал, и небывалая роскошь лишь разжигала его голод. Перелетая с утеса на утес, он мчался за "Ультаром", атаковал и уносился прочь с новой душой в зубах, чтобы через минуту вновь вернуться за кровавой данью. Нижний Бантага-Ул закрутил фарватер спирально, изломал зигзагом. Когда "Ультар" выбросило из него, от виражей и боли все смешалось в глазах Навка.

Тхаса перехватил кораблик, как эстафету. Неумный ангел смерти легко перескочил на утесы третьего порога. Навк не успел сориентироваться и влетел в кипящие валы наискосок. Тяжелые удары затрясли "Ультар", как погремушку. Все сочленения корабля затрещали, как на дыбе трещат суставы.

Порог метал, швырял "Ультар", и Навк почти наугад крутил штурвал, не чая живым выбраться из теснин. Он лишь молил корабль помочь ему выйти из штопора, увернуться от каменного лба, в который со всего размаху лупит гравитационный вал. Каждую секунду он ждал, что впереди вырастет стена и их расплющит о гранит, но всякий раз скала отшатывалась, и поток устремлялся в образовавшуюся брешь, увлекая за собой кораблик.

Их вынесло из Тхасы, и Навк, бросив штурвал, сразу рванулся к девушке. Дождилика лежала без движения, но веки ее затрепетали, когда Навк схватил ее за плечи. Зеленые огни уже не горели в иллюминаторах — насытившись, кровожадный Инт остался в своем логове. Навк, дрожа от недавнего напряжения, оглянулся.

"Ультар" был полон мертвецов. Ни один из каторжников Калаата не вышел живым из порогов.

Они лежали там, где их одолел Инт — на полу, в креслах, в гамаках. Лица у них были спокойны, словно они умерли не в буре и муке, а в своих родных домах на руках детей и друзей. Навк никогда не видел выражения столь глубокого умиротворения. Только великое дело могло принести такое же великое облегчение. Каторжники Калаата сполна заплатили Кромлеху за свою свободу: ценой своих жизней они выкупили у Инта его жизнь. Свою жизнь, жалкую и убогую, они сберегали в руднике Калаата, но отдали ее, вольную и прекрасную, когда обрели право самим выбирать свой путь.

На плоскогорье одной из планет звезды Кенон Навк выкопал глубокую могилу и перенес в нее тела всех бывших каторжников. Насыпав над ними небольшой, холм он придавил его валуном, на котором плазменным резаком написал: "Здесь двадцать девять человек. Одного звали Лонг Толба. Остальных я не знаю. Они умерли Полночью Мироздания".

С печального плоскогорья "Ультар" поднялся в космос.

— Папа.. — позвала Корабельщика Дождилика. — Папа, мы живы... Перлиор со мной... Прости меня, папа...

Корабельщик не отвечал.

— Мы у звезды Кенон. Где тебя искать? — спросила девушка.

— Над Идаруей, — мертвым голосом ответил старик.

Лететь до планеты Идаруя было долго. Какие-то странные корабли пересекли путь "Ультара". Они напоминали стальные гробы: лишенные надстроек и иллюминаторов, голые прямоугольные коробки неслись в пустоте, приближаясь к кораблику.

Железные ящики оказались во много раз больше "Ультара". "Ультар" сбросил ход, подплывая ближе к одному из них. Навк почувствовал что-то нехорошее, но не мог разумно объяснить предчувствие.

Торец ящика вдруг раскрылся двумя длинными створками. Навк увидел внутреннее устройство корабля — двигатель, какие-то стеллажи, странные громады, укрытые балахонами. Внезапно тонкий манипулятор стремительно протянулся к "Ультару" и цапнул его. Рывок, и "Ультар" оказался уже внутри корабля. Створки захлопнулись, не давая Навку опомниться. Захват был произведен почти молниеносно, с простотой, присущей тем, для кого это стало привычным делом.

— Это не механоиды, — испуганно сказала Дождилика.

Скрежет и шуршание донесли от плюза. Звякнула крышка люка. Что-то, не таясь, двинулось по тоннелю к рубке. Навк встал, прикрывая собой Дождилику. По тоннелю шумно ползли две змеи. Они впили в рубку, и тут Навк с ужасом понял, что это вовсе не змеи. Огромные, многосуставчатые руки тянулись к ним из плюза. На их ладонях вместо пальцев росли руки уже обычного размера. Где-то на гигантском запястье, свесившись набок, как бурдюк, торчала живая человеческая голова, глядевшая на людей спокойно и равнодушно.

Чудовищная рука метнулась к Навку и сбила с ног. Дождилика завизжала, схваченная другой рукой. Навк забился, вырываясь из омерзительного

плена. Руки быстро поползли назад, волоча свою добычу.

## Глава 17. ЛЮДОВИЦА

— Они летят на Идарую, — говорил Корабельщик. — Они в Пцеру всегда летают на Идарую, потому что с нее не отправляют им вслед карательных экспедиций. Когда они приземлятся, я обязательно выручу вас... Тем более, что там находится Хан-Тэрт, с помощью которого мы зажжем мертвую звезду Сингуль...

Старик каждый раз повторял одно и то же, но это успокаивало Дождилику. Она сидела на полу клетки, отвернувшись от людовиц и уткнувшись лбом в стену, а Навк гладил ее по кудрям, не находя слов.

Клетка, в которой они сидели, была даже не клеткой, а загонем в углу корабля-ящика, огороженным решеткой. Внутри корабля было сумрачно, но Навк разглядел все, что здесь находилось. Один конец большого помещения занимал примитивный двигатель, ничем не отделенный от жилой части. По стенам тянулись открытые стеллажи, где хранился весь инвентарь. Несколько стоек занимали ряды прозрачных сосудов, в которых в особом растворе дозревали органы для своих будущих хозяев. Навк и Дождилика не глядели туда. Посреди корабля выселись два операционных стола. Один — маленький, нормальный, для людей. Другой — большой, напоминающий причудливый станок, для людовиц. Остальное пространство загромождали лежанки хозяев, баки с водой и горючим, какие-то аппараты со шлангами. По потолку змеились толстые и тонкие трубы, свисали какие-то лохмотья, вполне могла гореть редкие фонари. Все было покрыто грязью, налипшей толстым слоем, отвратительно воняло, местами на полу блестели лужи.

Корабельщик объяснил, к кому в плен попали Навк и Дождилика. Много тысяч лет назад хирург Сваре с планеты Убиллесс задумал создать новую разумную расу, которая станет великой цивилизацией Галактики. Из людей он начал производить людовиц — гигантов, наделенных разумом и силой. В глухих уголках Галактики были выстроены Вивисекторные Фабрики, которые поставили на поток производство кошмарных монстров Сваре. И вот спустя несколько веков людовица объявили войну человечеству. Война долго металась из края в край Млечного Пути, но людовица потерпели поражение. Остатки их укрылись в непроходимых дебрях пространства, искаженного режимом Энергетического Неблагополучия. Потомкам одной из последних таких колоний и попался "Ультар".

Людовица походила на толпу сросшихся гигантов. Они имели одно тело, составленное из нескольких позвоночников и грудных клеток, имели много голов, рук и ног, которые торчали повсюду, имели общую кровеносную систему и несколько сердец, легких, желудков. Кое-где их плоть перекрывалась живленными металлическими латами, кое-где конечности имели естественные продолжения в виде мечей, пил или молотов. В корабле обитали пять людовиц — три мужских и два женских. Мужские обросли шерстью и бородами, а женские имели

длинные волосы разных цветов — и светлые, и темные. Людовица вдвое превосходили людей в размерах отдельных своих членов, а если брать все многорукое, многоногое, многоглавое существо целиком — то казались просто живыми скалами. Они сами еще достраивали свои тела — для этого и ловили людей. Расчленяя пленников, они помещали нужные им части в питательные растворы, чтобы те досрости до заданных размеров, а затем вживляли в себя, как к дереву прививают новые ветви. Так, например, была собрана длинная суставчатая рука, которая змеей заползла в "Ультар".

— Навк... — однажды тихонько позвала Дождилика. Навк склонился над ней. — Навк... — повторила она. — Если людовица придут за мной... Убей меня... Я не хочу... — И она заплакала. — Помнишь, помнишь, там, на Ракае, мне была предсказана смерть на Сингуле... а ведь Сингуль — это вторая звезда Идаруи, к которой мы летим... Я боюсь, боюсь, спаси, спаси, спаси меня, Навк!..

Навк гладил ее по волосам и целовал. Тягостное чувство не проходило. Корабль-гроб падал куда-то в пустоту. Его полутемные недра освещали зловещие огни в топках двигателя. Огромные, многоглавые, многорукие людовица медленно, как айсберги, ходили вдоль стен, скучая. Их глухие голоса жутковато разносились по помещению, грузные шаги отзвывались дрожью палубы.

— Навк, ты меня слышишь? — однажды среди ночи раздался голос Корабельщика. Навк открыл глаза. Дождилика спала, положив голову на его плечо. Кудри щекотали скулу Навка. Корабельщик, казалось, не знал, о чем сказать. — Навк... — повторил он. — Как там она?.. Как... — Он сделал паузу. — Как ты?..

— Летим... — тихо ответил Навк.

И безграничная вселенская печаль охватила его. Он осторожно переложил голову Дождилики на тряпье, подгребя его побольше, сел и заплакал. Он не мог сказать, отчего плачет. Ему было жаль старика, который вел два корабля в космической пустоте и не мог найти утешения своим горестям. Жалко было девушку, на которую легла тень ужасной гибели. А впрочем, печаль Навка выходила за предел человеческих судеб. Ему было жаль Корабли, которые давно утонули в вечности, но мысль о которых все не обретала покоя, все томилась по забвению и, как душа без причащения, носилась в космосе. Навку было жалко погасших в пылу бесконечных битв прекрасных звезд Млечного Пути, жалко древних цивилизаций, чей светящийся песок забывчивые потомки, играя, пересыпают между пальцев. Навк плакал от того, что вдруг ощутил вечное свое одиночество, вечную обреченность человеческого рода, ощутил, что великая красота мира все равно не включает его в свои пределы, что все дела рано или поздно все равно окажутся ненужными, забытыми, что он пришел в этот мир не по своей воле, проживет жизнь по воле истины, которая к нему безразлична, и не по своей воле уйдет.

А наутро Навк впервые ясно услышал голоса людовиц. Два из них стояли напротив загона, разглядывая пленников, и медленно и глухо переговаривались.

— В этом полете нам везет на людей, — произнесла одна из голов мужского людовища.

— Можно привезти их в Городище, — ответило женское людовище. — Царица хотела иметь еще одну голову с белыми кудрями.

— Пошли прочь!.. — обезумев, заорал Навк.

Людoviща в молчании долго глядели на него.

— Он обезумел, — наконец сказала другая голова мужского людовища. — Придется выбросить его голову.

Остальные людoviща в другом конце корабля надевали кованые металлические латы и примеривались к мечам и копьям. Вооруженные, в броне, людoviща выглядели как живые танки.

— Навк, Дождилика!.. — раздался вдруг голос Корабельщика. — Сейчас вы опуститесь на Идару!.. Вас там освободят. Вы должны найти человека по имени Сиглай — он вам поможет...

Тяжелый удар потряс корабль — это ящик лег на грунт планеты.

Людoviща с оружием в руках подошли к торцовой стене. Стена медленно опустилась, и людoviща шагнули под свет идаруйского солнца.

## Глава 18. ИДАРУЯ

В проеме выхода Навк видел почти идиллическую картину — холмистая долина, покрытая ярко-зеленой травой, синее небо с перьями облаков, несколько маленьких рощиц и кустов. До его слуха донесся шепет птиц, спертый воздух смешался со свежестью и запахами луга. Огромные людoviща разбрелись, никого не встречая.

Полуголые дикари, разрисованные красно-коричневыми узорами, выскочили, как из-под земли. На каждое людoviще напало по нескольку десятков воинов. Многоглавые гиганты высились, как слоны, как ходячие крепости. Мечи и топоры взлетели над ними со всех сторон, людoviща заревели. Малоподвижные, тем не менее они были почти непреступны. Но дикари, зная, что в плотной рукопашной схватке людoviщ не одолеть, атаковали с копьями и рогатинами. Навк, прижавшись к решетке, в страшном волнении смотрел на побоище. Оружие искрилось в лучах полуденного солнца. Слышались рев, визг, вой, боевые кличи, звон, хруст ударов и тупой стук. Невозможно было разобраться, кто кого теснит в кутерьме сражения.

Но длинные копья служили людям вернее, чем людoviщам их ужасные мечи. Вот одну голову пробил дротик, и она завалилась набок. Вот другая была разрублена секирой. Вот в скуле третьей остался торчать обломок лезвия. Одно из людoviщ внезапно словно воспарило ввысь, поднялось над землей. Навк увидел, что в него со всех сторон воткнуты копья, и люди, по пять человек на каждое копьё, на остриях вздернули гиганта к небу. Залитое кровью, людoviще хрипело. Одни его головы, мертвые, свисали на грудь, другие дергались, в крике разевая рты. Уцелевшие руки махали мечами, цеплялись за древки копий. Ноги бились в агонии.

Людoviща начали отступать. Одни отходили, не теряя присутствия духа, отбиваясь. Другие же, обезумев, ползли, а сзади и по сторонам их кромсали и рубили дикари. Поле боя было вытоптано и усы-

пано желто-коричневыми телами, среди которых, как горы, громоздились туши забытых гигантов. Два людoviща, одно из которых было с корабля Навка, оказались опутаны сетями.

Дикари ворвались в корабль-гроб и начали громить его, но, заметив Навка и Дождилику, удивленно столпились у загона.

— Они похожи на людей, Сириус Беспощадный, — произнес один из них, обращаясь к соседу.

— С длинной шерстью — это женщина, Бетельгейзе Свирепый. Я полагаю, что из них потом тоже вырастут людoviща. Их надо убить.

Воины замолчали, оценивающе глядя на пленников.

— Тогда нам не будет от этого пользы, — сказал еще один.

— Можно убить их не до конца, и мы получим удовольствие, когда будем смотреть, как они умирают, — предложил четвертый. — Ты согласен со мной, Альтаир Седовласый?

— Нет, Альдебаран Глупый, — ответил седой дикарь. — Сегодня — ночь Звездного Сошествия. Мы не успеем насладиться их смертью.

Воины погрузились в размышления.

— Мы можем либо убить их, либо убить медленно, — наконец сказал Бетельгейзе Свирепый. — Ничего другого мужчина придумать не может.

— В битве и на охоте за меня думает мое копьё, — важно добавил Альдебаран и поглядел на Альтаира. — Пусть будет битва или охота на пленников, и мы придумаем.

— Нельзя в один день битвы с людoviщами и ночью Звездного Сошествия устраивать еще и охоту, — упрямо возразил Альтаир. — Бог Скиапарелли прогневается на нас за невоздержанность. Охоту можно сделать завтра, но ведь после Звездного Сошествия и наши души могут вернуться в свои небесные хижины, и пленники могут погибнуть. Я думаю, пусть решит Удивляющий Толкованиями.

Согласившись с Альтаиром, воины выломали решетку и вывели пленников из корабля. На лугу, куда приземлились людoviща, остались два гигантских железных ящика. Остальные, видимо, сумели улететь. Повсюду, как на базаре, уже сновали женщины, бежали дети, стоял галдеж. Вдалеке два пленных людoviща куда-то волокли туши погибших собратьев. Воины стаскивали в одну кучу тела убитых.

Навк и Дождилика под охраной поднялись на холм, и их глазам открылась панорама Идаруи. Вниз убегали луга, часто покрытые рощами. Подковой их охватывал курчавый лес, среди которого возвышалась гора с белыми скальными выходами на склонах. Кое-где поблескивали ручьи, сияло лучезарное небо. Картина была бы просто райской, если бы совсем недалеко все это великолепие не обрывалось, точно отрезанное ножом. Дальше, до самого горизонта, расстилалась, слегка прикрытая маревом, черная и мертвая страна, где с трудом угадывались какие-то горные хребты, ущелья и долины. А у самого горизонта отчетливо виднелась гигантская статуя с протянутой к солнцу рукой.

— Хан-Тэгр видит нас, — с робостью сказал один из воинов.

Конвой торопливо двинулся вниз, и из-за деревь-

ев показалось селение. Видимо, людовища давно облюбовали Идарую и часто наведывались сюда за материалом для своих операций — домами в деревне аборигенов служили их корабли, захваченные в боях. Только теперь они покрылись толстым слоем жавчины, а в их стенах и крышах зияло множество дыр, словно кто-то целенаправленно лупил по ним огромным молотком.

Конвой остановился на площади, и вокруг сразу же собралась толпа. Вдруг раздался истошный вопль, толпа расступилась, и к пленникам на четвереньках выбежал какой-то человек. Он был одет в лохмотья, на его голове красовалась корона из волос, вымазанных в глине.

— Удивляющий Толкованиями!.. — зашумела толпа.

Шаман, трепеща, подполз к ногам пленников и с криком отскочил.

— Смотрите, смотрите!.. — корчась, завопил он. — У него третья нога, как у бога Скиапарелли!..

Толпа потрясенно онемела. Навк и сам глянул на свои ноги, пораженный известием шамана.

— А у нее третья рука на голове, как у бога Лапласа! А у него — когти-сабли, как у бога Кеплера!.. Ой, я страшусь, страшусь!.. — Шаман кинулся в толпу, но два дюжих воина поймали его, опасливо поглядывая на пленников, подтащили к ним поближе и оставили, торопливо отбежав. Шаман горько зарыдал, качая короной.

— Я ужасаюсь, я дрожу, — пожаловался он. — У нее во лбу третий глаз бога Ловелла!.. А у него сверху растут рога, как у бога Коперника!.. Это не люди. Это великие боги приняли человеческий образ и спустились из своих небесных хижин посмотреть на нас!..

— А почему мы не видим их? — недоверчиво спросил Альтаир.

— А разве мудрый Альтаир умеет бесноваться, как я? Или свирепый Бетельгейзе умеет говорить животом, как я? Или глупый Альдебаран умеет подражать голосам птиц и животных? Или беспощадный Сириус знает столько песен? Это умею делать только я, поэтому я удивляю вас толкованиями и один могу видеть богов!

— Удивляющий Толкованиями прав, — важно сказал Альдебаран. — Но что нам делать с пленниками?

— Надо отвести их на капище, чтобы они видели, как мы почитаем богов, и были довольны нами. Мы привяжем их к столбам и завтра откроем им дорогу к Хан-Тэгру. Если в ночь Звездного Сошествия они не уйдут в свои небесные хижины!

— Мы одобряем твои слова, — согласились воины.

Конвой сдвинулся с места и повлек Навка и Дождилику дальше. Шаман, бормоча что-то, бежал рядом, изредка высоко подпрыгивая. Толпа, редая, вышла из селения и двинулась по тропе, с обеих сторон которой высились скелеты людовищ. Навк отвлекся, разглядывая сложные композиции из позвоночников, ребер, конечностей, черепов. Он с изумлением взирал на причудливые остовы космических титанов.

Из-за деревьев донесся вой, и скоро пленники увидели большую поляну, на которой громоздились

котлы. Под котлами горел огонь. Туземцы на ходулях ковыляли вокруг, изредка тыкая в клокочущее варево дротиками. Вой снова донесся из котла, и Навк увидел, как над краем появилась красная обваренная рука и лицо людовища.

— Здесь вывариваются священные остовы, — сказал один из воинов.

Капище находилось на голой вершине горы и было обнесено частоколом. Пленников завели внутрь, привязали к двум каменным столбам.

— А теперь я должен рассмотреть богов, — заявил шаман. — Остальные пусть уйдут, чтобы боги их не ослепили.

Толпа постепенно вытекла за ворота. Шаман подошел к пленникам.

— Ну, здравствуйте, — сказал он. — Мое имя Сиглай.

Перед Навком стоял обычный человек с веселым и хитрым лицом. Навк вспомнил, что Корабельщик велел им найти этого человека.

— Вы не туземец? — удивилась Дождилика.

— Нет, — улыбаясь, сказал Сиглай. — Я родом с планеты Эпсон. Вообще-то я книготорговец. Но однажды на свой страх и риск издал Галактическую Лоцию и продал ее на двенадцати планетах. От мести механоидов Корабельщик спрятал меня здесь. Лучше быть шаманом на Идаруе, чем каторжником на Калаате!

— Вы что, просвещаете дикарей? — снова спросила Дождилика.

— Нет. Их просветить невозможно. Это племя, обреченное на вымирание. Некогда здесь, на Идаруе, была высокая цивилизация. Но она сильно пострадала в страшном сражении времен Галактической войны Пахарей с Роботами. Половина планеты была уничтожена. Вы видели с холма черные пространства? Это сожженная часть Идаруи... И оставшиеся в живых поклялись никогда не выходить в космос, никогда не строить кораблей, никогда не принимать участия в событиях, которые охватывают всю Галактику... С течением времени их потомки превратились вот в этих дикарей. Они звездопоклонники, но боятся звезд. Вот, смотрите, здесь стоят их идолы — Лаплас, Кеплер, Коперник, Галлей, Тихо Браге, Гершель, Галилей... Они не знают, что это имена древних астрономов. Вы сами слышали, как они величают друг друга. Что поделать! Они сами избрали такую судьбу. Людям нельзя жить на острове, а они сделали из Идаруи остров. Люди должны лететь в космос.

— А что будет с нами? — спросила девушка.

— Раз в году Идаруя входит в плотный метеоритный поток. Это случится сегодня. Ночью будет ливень из метеоритов. Укрыться от него невозможно нигде, и здесь, на капище, ваш риск будет точно таким же, как в селении. Если вы останетесь живы, то, согласно закону племени, мы посадим вас в лист биаты и отпустим с обрыва в мертвые долины. Корабельщик велел передать вам, что вы должны дойти до Хан-Тэгра. Это колосс, построенный еще Кораблями... Ну, прощайте, а то мои сородичи переполошатся. Желаю успеха! — И шаман, завывая, побежал прочь.

Ночь Звездного Сошествия была ужасна.

Душная, знойная тьма накрыла Идарую. Сурово

потемнело капище. Идолы, поднимающиеся над чашеколом, были освещены огнем щедрых россыпей Пщеры. Их каменные лики, обращенные к небу, покрывал синий звездный свет. Птицы отчаянно верещали в лесу. В селении туземцы разогнали огромный погребальный костер. По долине, отлично видной с капища, ползли полосы сизого тумана. Там повсюду стояли шесты с просмоленными колесами наверху. Когда запела какая-то ночная птица, чей песни ожидали как сигнала, дикари зажгли колеса. Она, пылая, завертелась, и звездное небо словно отразилось во мгле долины — созвездия Пщеры смотрели на созвездия огненных колес, повторявших их очертания. Туземцы напились пьянящего сока, и в деревне начались песни, танцы, хороводы у костра. Оттуда доносилась крики. Черные фигурки, корчась, прыгали вокруг пламени. А капище было темно, и вдоль тына, чувствуя присутствие людей, осторожно пробежал какой-то хищник.

Метеоритный поток ворвался в незамутненную синеву безмятежного идаруйского неба. Блещущий ливень, прекрасный и смертоносный, низвергся на холмы Идаруи. Небосвод дрожал и полыхал. Светящиеся линии расчертили воздух. Молнии из космической пустоты били по планете, леса и холмы озарились их светом.

Навк и Дождилика застыли в путах, приковавших их к столбам. Они видели, как метеоритные удары обрушились на деревню. Загромыхали корабли людовищ, снопы искр взметнулись над деревьями. Люди бесновались, опьяненные, металась среди пожаров и воронок. Многие гибли от попадания метеоритов, многие были затоптаны. Бомбежка не прекращалась ни на секунду, новые и новые волны огней обрушивались с небес на Идарую... Привязанные к столбам, Навк и Дождилика ждали решения своей участи. Метеориты били и по капищу. Вот рухнул идол, вот проломлен тын, вот упал второй истукан, вот расколот третий. Пламень летел прямо в лицо, но Навк боялся отвернуться, словно только силой взгляда оберегал себя и Дождилику от гибели.

И все же ночь Звездного Сошествия прошла... Розовый рассвет поднялся над дальним краем Идаруи. Еще вчера цветущая планета стала похожа на поле боя. Кругом зияли кратеры и воронки, леса были повалены, что-то горело, по земле стелился дым. Разгромленное селение уныло чернело под горой. Капище было взрыто, идолы перекошились в разные стороны, повсюду валялись щепки тына, кое-где из земляных куч торчали заостренные бревна чашекола. Птицы не пели.

Дождилика осунулась. Синяя тень заняла у нее пол-лица.

Когда в полдень пришли хмурые воины и начали отвязывать их от столбов, Навк, поискав взглядом, спросил одного:

— А где Удивляющий Толкованиями?

— Он ушел в свою небесную хижину, — ответил воин.

## Глава 19. ХАН-ТЭГР

Едва топор перерубил волокна, соединяющие лист с ветвью, Навк обхватил коротенький ствол

черенка и глянул вокруг. Пустое пространство гудело со всех сторон. Голубое небо раздулось на всю вселенную. Солнечный свет почти неощутимо играл, трепеща, в струении воздуха. Лес выглядел уже изумрудной пеной на гребне черной стены. Внизу вваливалась в недра планеты циклопическая каменная впадина. Лист Дождилики крутился невдалеке, увлекаемый тем же ветром, что и лист Навка. Голова и плечи девушки появились над зубчатой кромкой, кудри вспыхнули, оживая на ветру, и тонкая рука, почти растворяющаяся в сиянии небосвода, махнула Навку.

Ненадежные челноки несли их по пространству. Незримые силы забавлялись ими, кружили и качали, обводили друг вокруг друга, точно в вальсе, сводили и разбрасывали. Листья то пронеслись рядом, то разлетались, и наконец, уловив момент, Навк и Дождилика вытянули руки, и пальцы их коснулись, сжались, чтобы не разжиматься, и два листка, соединенные вместе, помчались рядом в невесомой стремнине.

Их несло прямо к Хан-Тэгру на крыльях полуденного пассата. Внизу проплывала черная, остекленевшая, оплавленная земля; проплывали замершие в скрученных, нелепых позах, застывшие каменные фонтаны, нагромождения валунов, покосившиеся, вывихнутые утесы, вулканические воронки, лавовые пузыри, гейзеры магматической пены — спекшаяся каша давнего смертельного сражения. Какие-то смутные конструкции проглядывали в остановившемся, но все равно бурлящем каменном месиве, какие-то полуразрушенные машины, сросшиеся со скалами, слившиеся с ними и неразделимые, как вечность и забвение.

Хан-Тэгр медленно увеличивался, покачивался, словно через горные хребты шагал навстречу. Навк уже мог разглядеть его, насколько позволял янтарный свет начинающегося заката. Хан-Тэгр, вышедшее из недр времен чудовище Кораблей, божество, по преданиям всех миров Скут-сектора способное зажигать светила, стоял на трех коротких, широко расставленных лапах. Его трехгранное тулово венчали три плеча. Одна рука была тесно прижата к телу, другая, некогда простертая в сторону, отбита, а третья всегда указывала на солнце и теперь была протянута к зубцам дальних гор на западе. Голова глядела на закат единственным хрустальным глазом. Издалека казалось, что над рылом каменного исполина пылает яростная шаровая молния.

Полуденный пассат слабел, растворялся. Листья пошли вниз, нырнули в ущелье, пронеслись, задирая носы, по каньону, опустились на осыпь, заскользили по ней, как полозья, и наконец замерли. Навк и Дождилика выпрыгнули на камень.

— Страшно... — оглядываясь, сказала Дождилика.

Массивный пик, царящий над всей местностью, и был исполином Тэгром, но признать его снизу можно было лишь по слабому оранжевому ореолу вокруг вершины — так отраженным солнечным светом горел хрустальный глаз. Ущелье убегало прямо к гиганту. Навк и Дождилика пошли вперед, в глубину густых сумерек.

Неожиданный толчок кинул их на землю, и они покатались по склону. В то место, где они только

что стояли, вылетев из стены, ударила чудовищная железная рука.

Дождлика вскрикнула, да и Навк покрылся холодным потом. Прямо над ними, полувплавленный в стену, высился испанский робот, кулак которого только что метил в них.

— Они еще работают!.. — прошептала Дождлика.

Навку вдруг почудилось, будто все ущелье задымилось, ожило, будто зашевелились все камни. Он стремительно оглянулся и понял, что здесь повсюду находятся вросшие в монолит роботы. Что-то дергалось и лязгало там, где они только что прошли. Из щели торчал манипулятор, шаря по скалам. В темноте зажглись тусклые прожекторы. Загудели моторы. Кладбище роботов извергало мертвецов на поверхность. Кто торчал по поясу, кто по шее, один влип спиной, другой, наоборот, из камня выставлял бронированную корму. Человекоподобные или паукообразные, они ждали тысячи лет, когда вновь придут их враги, и теперь тянулись к ним погнутыми, ржавыми щупальцами, топорщили, не в силах сдвинуться с места, покаленные, изогнутые, вывихнутые конечности, гудели, пытались ослепить лучами, коричневыми от древности, впустую лязгали затворами вмонтированных орудий, катапульт, ракетостановок. Красные фонарики некогда боевых лучеметов сыпью покрыли скалы. Взметая пыль, свистели прохрудившие компрессоры, моторы, выло электричество, глухо и вяло ползли по ущелью голоса побежденных машин:

— Седьмая линия — огонь! Восьмая — огонь! Девятая — огонь!..

— Объект семь-три-семь-одиннадцать парализован!..

— Осуществляю обход! Маневр прикрытия выполняет паритет-истребитель!..

— Наблюдаю двух человек! Уничтожить не могу! Прием!..

— Координаты меняются. Прикрытия нет. Локаторы показывают!..

— Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу. Нена...

— Прошу подключить меня к полковому генератору!..

— Вышел из строя. Требую замены. На радаре — враг!..

— Поиск синхронизирован. Вижу цель. Я на рубеже поражения!..

— Дистанция ноль. Огонь! Огонь!

Держась друг за друга, оглядываясь, подолгу задерживаясь и в итоге вертясь на одном месте, Навк и Дождлика шли к Хан-Тэгру до глубокой ночи. Их провожали десятки блеклых фотоэлементов, выворачивающихся из орбит. Как корни взбесившихся растений, тянулись к ним манипуляторы. Скорострелы и броневой металась в своих гнездах, вхолостую бабахая спусковыми устройствами. Искрыли разладившиеся контакты, с перебоями взывали двигатели. Кто-то сзади взорвался от перегрузки, кто-то впереди перегорел, окутавшись дымом. От исступленной злобы вращалась, грохоча, гусеница на перевернутом и полупогруженном в грунт автоматическом танке. Земля содрогалась. Отламываясь от вершин, в ущелье катились глыбы, разбивали го-

ловы роботов, отрывали им руки и расшибались в пыль на дне.

Ущелье наконец раздвинулось, и впереди на высоком холме Навк и Дождлика увидели Хан-Тэгра.

— Папа, — позвала Корабельщика Дождлика. — Мы пришли. Что нам делать дальше?

— Вы должны положить перлиор в глазницу Хан-Тэгра, — донесся ответ из неведомой дали.

— Но как же мы доберемся до его глаза?.. — озадаченно пробормотал Навк. Дождлика стояла под Хан-Тэгром на склоне холма и, обхватив себя за плечи, глядела вверх. В свете звезд серебрились ее кудри, блестели плечи и бедра.

— А куда он рукой указывает? — задумчиво спросил Навк.

— На солнце. Ты же сам знаешь.

— Но солнце закатилось!

— Ну... на его отсвет у горизонта!..

— Ага! — сказал Навк. — Значит, не на солнце! Иначе сейчас он указывал бы на подножие холма!.. Что ж, попробуем!..

Наvk притащил несколько сухих листьев биаты, валившихся поблизости, и быстро разжег костер. Мощный гул заставил их отступить от огня. Громада Хан-Тэгра медленно и грузно поворачивалась в вышине. Над головами проплыло обломанное плечо. Жуткая маска с пылающим глазом с грохотом ударила подбородком в грудь, уставившись на костер. Огромная рука поплыла к земле с высоты, как мост, и могуче врезалась в грунт.

— Идем!.. — подтолкнул Дождлику Навк и первый кинулся вперед. Птицей взлетев на ладонь великана, он подал руку девушке.

Перед ними по широкой ручище гиганта прямо в небо избегала узкая дорожка. Страх и жуть заматались в груди Навка. Объятый волнением, он оглянулся на Дождлику, ожидавшую его решения, быстро скинул ботинки и, опустившись на четвереньки, стремительно побежал вверх, словно паук по паутинке.

Вековой камень высасывал тепло из тела. Земля как-то сразу ухнула вниз, и через несколько мгновений Навк оказался уже на жердочке над бездной. Пустота вокруг качнула его, глубина начала притягивать, точно болотная прорва, а руки и ноги одеревенели от напряжения. Навк остановился, лег на живот, оглянулся и увидел, что Дождлика карабкается вслед за ним. Лицо у нее было меловое, губы закушены, а из глаз катились слезы. Снова поднявшись на четвереньки, Навк упрямо полез дальше. Дунул ветер, рядом замерцали звезды, и обостренным боковым зрением Навк отметил развернувшуюся панораму темных, смутных, остроугольных объемов гор под черным граненым небом. Обмирая на каждом шагу, Навк лез и лез, уставившись в шершавый камень, и наконец впереди показалось плечо гиганта, надежное, как берег.

Добравшись до могучих механизмов, управляющих подъемом и спуском ручищи, Навк дождался Дождлику. Они встали на подрагивающие ноги на широком плече Хан-Тэгра. Навк обнял девушку, и она прижалась к нему. Они летели в высоту над полем древнего побоища, ветер трепал комбинезон на спине Дождлика, шевелил ее кудри. Над ними

парили все звезды Пцеры, а вокруг них — все звезды мироздания.

Голова Хан-Тэгра была пустотела. Внутри вела арка. Войдя, Навк и Дождилика увидели зубчатые диски и протеты сквозь них оси, позволявшие голове двигаться. Блестящая, переливающаяся полусфера хрустального глаза была вставлена в три тонких металлических кольца. Кругом было сумрачно и багрово. Странные темно-красные блики шевелились на стенах. Только подойдя вплотную к оку Хан-Тэгра, Навк понял, что в его линзе, чудовищно увеличенные, тлеют угли их костра.

Дождилика достала перлиор. Воронка в виде открытого резьбой и чеканкой цветка стояла на одном из металлических колец. Девушка опустила туда чудесный камень, вызвав долгое и звонкое серебряное эхо под каменным сводом.

— Остается ждать рассвета, — сказал Навк.

Они уселись на плече Хан-Тэгра, и Дождилика вскоре заснула, положив голову Навку на колени. А Навк долго смотрел, как звезды Пцеры плывут по небу. Наконец яростно пылающий серп светила взрезал небосвод, словно острый коралл выгнутое лодочное днище, и в узкую пробину хлынул блестящий океан. Свет озарил черные пустоши, kloчущие скалы и замурованных роботов. В утробе колосса раздался рокот, машина гиганта начала разворачиваться лицом на восток, рука поехала вверх. Дождилика проснулась от толчка, и Навк прижал ее к себе.

Немигающий взор Хан-Тэгра уперся в диск светила. Прозрачный шар, охваченный тремя металлическими кольцами, словно взорвался, переполненный летучим огнем. Тонкий, как спица, луч вышел из его сердцевины и унесся в бесконечность сквозь провал в зубцах дальнего горного хребта. Легкий звон раздался в черепе Хан-Тэгра. Под арку прохода сама собою выкатилась космическая жемчужина. Навк подбежал и поднял ее.

Серебристая тень накрыла Навка и Дождилику. Они одновременно оглянулись. Едва касаясь камня острием причальной иглы, над ними раскинул гору парусов самый красивый корабль галактики Млечный Путь — Парусник. Но вдруг по его сияющим, полупрозрачным парусам поплыли, истаявая на лету, как клубы дыма по солнечному диску, пятна человеческой крови.

## Глава 20. СИНГУЛЬ

Вогнутая зеркальная чаша, обращенная к близкой Идаруе, как вином была наполнена космической темнотой. Чаша эта неподвижно висела в точке сопряжения магнитного и гравитационного полюсов планеты, навечно зафиксированная в пространстве в одном положении. Корабельщик сидел в пилотском кресле "Ультара", плывущего над краем чаши.

— Я отправил Парусник к Дождилике, — говорил он своему кораблю. — Пришел нам с тобой черед умирать, старина. Завтра будут другие корабли. Пусть они будут счастливы, как Парусник. Мы же с тобой всю жизнь были одиноки. Зато мы сольемся с мирозданием и вечно пребудем в нем, а любящие исчезают во вселенной... Ладно, забудем

обиды. На нас нет вины в своей судьбе. Наша разлука затянулась, но мы шли к истине разными путями. Главное, что истина одна, и мы снова вместе... Мне должно хватить моих сил. Восход над Хан-Тэгром начнется через два часа, значит, перлиор пошлет луч только через два часа, и два часа мы должны сдерживать Сатара, чтобы он не разбил это зеркало. Что же... — Корабельщик, глубоко задумавшись, вдруг резко подался вперед, бросив руки на пульт. В кудрях его бороды затрещали искры. Волосы поднялись дыбом. Он медленно поднял веки — вместо глаз в его глазницах чернел космос. — Час настал, и я поднимаю свое смертельное оружие... Любой воин Нанарбека мог воззвать к силам вселенной, но, обрушив их на врага, и сам был обречен на гибель... У меня нет выбора. Я обязан принять этот бой. Не моя вина, что в потоке веков погиб дивный замысел Кораблей и Королева Миров ввергнута в страшный грех... Но ни у кого нет права скрывать от человека истину, а истина есть могущество. Ты, Вечность, из людей мне более всех обязана своей сущностью, ибо только во мне ты живешь в полном объеме. Но как ты, Вечность, в которой я живу, требуешь всей силы моего духа, так и я, человек, в котором живешь ты, требую всей мощи твоих стихий!..

Семь ветвистых молний беззвучно вспыхнули в космической тьме, ударив в "Ультар" со всех сторон. Лиловый ореол расплзся, трепеща, вокруг корабля. Старик прикрыл глаза, уравнивая пульсацию своего сердца с вибрацией вакуума. Темно-фиолетовый конус защитного поля — свернутая воронкой плоскость пространства, непроходимого для материальных тел — выметнулся, упершись острием в парящий "Ультар", а раструбом обратясь в бесконечность. Этот колпак укрыл волшебное зеркало Кораблей.

Тусклые звезды крейсеров Сатара взошли над Идаруей. Псаи, завидев зеркало и "Ультар", как собачья свора, кинулись в атаку. Корпус кораблика окутался нервным синим свечением. По нему стремительно неслись, корчась и извиваясь, клобья пылающей материи. Белые шаровые молнии хлынули во все стороны, псаи горели вокруг "Ультара", как мошкара над костром. Жестоким салют побоища грозно сверкал среди звезд, обновляясь с каждым залпом. Прожорливая огненная смерть глотала истребители.

Крейсера подходили все ближе. Тогда, немного помедлив, словно набирая воздуха в грудь, "Ультар" вдруг дохнул волной нестерпимого зноя. Мрачный багровый огонь опутимо-вяло за клубился в черной пустоте. Псаи, угодившие в его поток, засияли ярким роем, вытягиваясь блестящими каплями и рассыпаясь по пространству славленными металлическими шарами. Не делая передышки, "Ультар" силовым толчком взбаламутил омут магнитного поля, и его окутала сеть извивающихся, шевелящихся молний. Ближайшие псаи дружно лопнули, как перегоревшие лампы, а по дальним от машины к машине поскакали спонтанные разряды цепной реакции. Подбитые истребители, потеряв управление и вращаясь, как бумеранги, понеслись в разные стороны.

Алые угли, догорая, летали вокруг "Ультара",

когда семь огромных крейсеров Сатара вышли на огневой рубеж. Массированный удар семи стационарных лучевых одел корабль в дрожащий кокон пламени, и "Ультар", сияющий, как фонарь, начал переливаться прозрачно-фиолетовыми, нестерпимыми для глаз волнами.

Чувствуя, как силы тают, словно лед в теплой воде, Корабельщик судорожно рванул пространство на себя. Два центральных крейсера на полном ходу врезались друг в друга, ломаясь, рушась и воспламеняясь уже в обломках.

Цунами взбешенной энергии покатились к покалеченному строю крейсеров. Еще один из них взорвался от перепада магнитных величин. Его энергоблок раздулся и разлетелся, а корпус закрутился, пылая с кормы, как бенгальский огонь. Напрягая все силы, Корабельщик надавил на метрику пространства, вывернул его наизнанку и поймал в ловушку четвертый крейсер. Его аннигиляция раскидала во все стороны полотнища света так, что далеко-далеко, над самым обрезом диска Идаруи, Корабельщик заметил чугунный шар восходящего Сингуля: время луча неумолимо приближалось. Почти тут же точным, как стрела, гравитационным спазмом Корабельщик раздавил пятый крейсер.

Из подбитых кораблей в космос, как горох, сыпались механоиды. Два уцелевших крейсера отступили. Однако старик понимал, что, не в силах справиться с ним, они легко расстреляют беззащитный Парусник. Еще одним могучим толчком Корабельщик взбудоражил пространство. Завихрение его структуры закружило один из крейсеров, подтягивая к "Ультару". Корабельщику показалось, будто крейсер лег в его ладонь, и старик сжал кулак, ломая и сминая его в ком. Седьмой корабль Сатара, пользуясь тем, что внимание грозного врага отвлечено, бросился прочь. Но Корабельщик, проводя пустующим взглядом по обгорелым просторам, заметил его и исторг последний поток энергии, словно вскрыл себе вены. Крейсер закачался в нагнавшей его огненной реке и растаял, а потом иссякла и река.

Пока битва бушевала над Идаруей, пока кровавые волны сражения сшибались над головой Хан-Тэгра, солнце вышло из-за зубцов гор, и над их плечами пронесся луч перлиора, ставшего у Сингуля искрой.

Луч вырвался в космос и ударил в зеркало, висевшее на орбите. Лазурное сияние охватило чашу, и целый столб огня, отразившись от нее, помчался дальше, дальше, туда, где тысячи лет зрел чугунный орех Сингуля. Луч врезался в мертвую звезду, и через мгновение в ее глухих недрах воскресла сила, сбереженная Кораблями за гранью времен. Взрыв потряс звезду. Ядро ее забурило. Кора оплавилась, треснула и выпустила первые костры протуберанцев. А еще через миг второе ярчайшее светило, огромное, как радость победы, возшло во Пцере. Звезда Сингуль — целый ураган огня, венец Королевы Миров — была бешено-голубым близнецом Джизирака.

И в его свете по силовым линиям вселенной безвольно летела обгорелая скорлупка "Ультара", где лежал умирающий старик. Демон космического могущества, вызванный для разрушения древними за-

клинаниями монахов-воинов, разрушил все и даже человека, в груди которого появился.

## Глава 21. КОРАБЕЛЬЩИК

Две яркие звезды глядели в иллюминатор, как глаза космоса. В кают-компании горел камин. Его свет шевелился на скошенных к потолку стенах из досок дариальских сосен. Бронзовый колокол, подвешенный на кронштейне к стволу грот-мачты, неуловимо звенел, и этот странный, необыкновенно тихий и тонкий звук все равно был слышен сквозь треск поленьев. На ковре перед камином стояло резное кресло. В кресле, по шею закутавшись в плед, сидел Корабельщик. Лицо его страшно исхудало, выпукло и резко проступила каждая черта, глаза запали, кудри и борода приобрели какой-то мертвенный оттенок, и в их пронзительной белизне черное лицо старика выглядело жутко.

— Вечером я умру, — глухо сказал Корабельщик. — Пока у меня есть время, я хочу поговорить с тобой, мальчик...

Навк не отвечал, стоя у камина и глядя в огонь. — В Галактике есть блуждающая планета Мгида. С незапамятных времен на ней хоронят капитанов. Вечером она должна появиться здесь. Дождлика знает, как все надо будет сделать. Я ей давно уже рассказал... Ты был прав на Ракае, Навк. Пророчества становятся понятны, когда уже все сбылось. Теперь я понимаю, почему мне на Вольтане был предсказан покой, а Дождилике у Сингуля — смерть. Моя смерть... Значит, запустить Вала-турб я уже не успею. Придется это сделать тебе. И я тебе даже советом помочь не могу. Я не знаю... Только ты береги девочку, это мое завещание. Парусник теперь будет ваш — ее и твой. Береги и Парусник — это лучший корабль в Галактике... А теперь самое главное. Я хотел рассказать о своей жизни. Выслушай меня внимательно. Когда-нибудь и тебе придется пройти через последнее жизненное испытание — исповедь.

Я не знаю своих родителей. Меня нашли в люльке в каюте корабля, родители были мертвы. Я думаю, их убил Сатар. Это было как раз в те годы, когда зарождалась Ересь. Меня привезли не планету Птэрис и отдали в один из монастырей Нанарбека. Так поступали со всеми сиротами — их спасали монастыри.

Когда мне исполнилось шестнадцать лет, с Птэриса меня направили учиться на Эрию в сам Нанарбек. К тому времени я уже знал наизусть и Галактическую Лоцию, и книгу о Полночи в Мироздании. Дорога от Птэриса до Нанарбека оказалась впятеро длиннее, чем я рассчитывал. Ересь оплетала миры Галактики, и люди начинали бояться кораблей. Никто уже не осмеливался летать на большие расстояния. За перевоз на ближайшую планету требовали огромную плату. Я видел, что смута зреет в людских сердцах, и от этого возрастало мое желание познать истину. Я сумел добраться до Нанарбека и, пройдя испытания, был принят простым послушником.

Я не заметил, как прошли годы. Радость познания заслоняла от меня весь мир. Страшные беды, надвигающиеся на Нанарбек — предательство тру-



сов, бунт невеж, гибель мудрых, ненависть к кораблям — почти не трогали меня. Я прошел все ступени Чужой Мудрости и вышел на рубеж Откровения. Но мир уже сошел с орбиты.

Всюду уже пылал огонь, лилась кровь. Обезумев, люди уничтожали и корабли, и друг друга. Корабельщикам отрубали сначала руки, а потом головы. Дома их жгли, заперев внутри жен и детей. Верфи громили, корабли разламывали на куски. Дальнобойные орудия обшаривали небеса, расстреливая любого, летевшего из космоса. Миллионы людей насмерть дрались друг с другом за право строить или разрушать корабли. Полусумасшедшие проповедники горлачили на каждом углу. Толпы плебеев собирались в еретические легионы, переносящиеся с планеты на планету в ядрах космических катапульти. На Эрию бежали те, кто сохранил свою веру в истину корабля, а вслед за ними катились несметные полчища еретиков, объятые одной лишь жаждой крови. И тогда ворота монастыря закрылись, и началась осада.

Штурм следовал за штурмом. Огонь кипел под стенами. Еретики в скафандрах ползли вверх по лестницам, а мы сбрасывали их обратно. Камни Нанарбека не остывали ни на миг. Не год и не два стояли мы на монастырском забрале — сто лет изо дня в день отбивали атаки еретиков, прячась за зубцами от их огнеметов. В лагере еретиков сменялись поколения, а мы перестали стареть. Никто из нас не умер своей смертью — и вечно юные иноки, и монахи, и лощманы, и корабельщики, и сам магистр не поддавались действию времени. Но смерть косила нас неумолимо, и некогда многолюдный корабль-город начал пустеть. На стенах каждый уже дрался поодиночке, не касаясь плечом плеча товарища. Я забыл свет городов и тишину своего ученичества. При слове "Нанарбек" я вижу только гребень стены, вознесенной над черной равниной, пламя, ползущее по камням, и летучий дым; при этом слове я чувствую запах гари, исходящий даже от нашего дыхания, как шум океана исходит от раковины. Пришло время, и все мы поняли, что Ересь неистребима, что всех нас убьют на этой стене и Нанарбек погибнет. Но никто не желал иной участи. Ни один перебежчик не спустился на цепи к еретикам со стен монастыря, чтобы спасти всю жизнь. Предчувствуя конец, монахи вырубали глубокие колодцы, куда опускали священные книги, а сверху закрывали их неподъемными каменными плитами, замагниченными на ядро планеты. Все меньше бойцов оставалось на забралах... Когда уже почти некому стало сражаться с еретиками, магистр собрал двенадцать самых сильных воинов. К нему пришли двенадцать худых и черных людей с окровавленными от вечного огня глазами. Среди них был и я. Магистр высказал нам последнюю волю монастыря — мы должны спастись от гибели, чтобы в недрах человечества сохранить истину корабля. Он дал нам уроки корабельного дела. Он рассказал, что рядом с Нанарбеком проходит Галактический Тракт Хозяев, и за три мира от Эрии возле него спрятан для нас корабль. И еще он попросил нас, чтобы мы спасли его дочь, которая наравне с мужчинами сражалась на стенах. Девушку звали Дождилика.

Мы построили большой планер. Нас столкнули со стены, мы понеслись над головами еретиков. Дальнобойные огнеметы сожгли нам крылья, и планер рухнул прямо посреди вражеского лагеря. Трое из нас погибли. Мы двинулись к Трактору сквозь строй врага. Еще пятеро сложили головы в этом страшном бою. Но мы прорвались к Трактору и ушли в другой мир. Отбиваясь от погони, на плитах вечной дороги остались еще двое. Мы, трое уцелевших, нашли спрятанный корабль. Последний мой товарищ преградил путь еретикам, пока незащищенный корабль взлетал. Так мы остались с Дождиликой вдвоем посреди Галактики на своем корабле. Имя же кораблю было "Ультар".

И мы начали новую жизнь — горькую, одинокую и опустошенную, но сохраняющую в себе истину. Я начал строить корабли сам. Дождилика любила меня. Когда мы были вместе, я чувствовал в себе силы сопротивляться бесчеловечному порядку вещей. У нас родилась дочь, и я дал ей имя матери. Я помогал всем, кто встречался на моем пути. Я строил корабли, учил мудрости Нанарбека, спасал, перевозил через гиблые пространства, где без Галактической Лоции летать невозможно. Меня благодарили или, наоборот, ненавидели, презирали меня, мстили мне, восхищались мною. Но я не обращал внимания ни на лесть, ни на хулу. Весть о том, что после гибели монастыря уцелел человек, умеющий строить Старые Корабли, расплодился по Галактике. Моим именем пугали детей и ко мне тайком присылали учеников. Скоро и механиды Сатара прознали о Корабельщике, и всюду меня стала подстерегать опасность. Крейсера и псаи охотились за мною, ко мне подсылали лазутчиков и шпионов, меня пытались и купить, и продать. Но не это было самое тяжелое. Время шло, Корпорация Сатара прочно встала на ноги, наладила все пассажирские и грузовые рейсы, и я стал просто не нужен. Я понял: занимаясь тем же, что и раньше, я лишь разменяю свою истину. В одиночку не изменить судеб Галактики, если не знать тайных закономерностей ее бытия.

Я понял, что весь Нанарбек, который глядит на меня с другого берега реки жизни, ждет от меня только одного: чтобы я вернулся и человеку, и Галактике их величие. А для этого не было иного пути, кроме как запустить Валатурб. Но где искать Галактический Тормоз? Как запустить? Спросить об этом было не у кого. Не у кого... кроме самого Сатара, который был ровесником Кораблей и знал их секрет.

В это время из Цветущего Куста в Млечный Путь снова пришел силант. Я стал искать его, и на пустынной планете Тронгер в глубокой пещере навстречу мне из темноты шагнул метагалактианин. Узнав о падении Нанарбека, силант Ребран вызвался помочь мне. В эпоху расцвета Нанарбека монахи построили машину, называющуюся Зеркало Сутей. С ее помощью можно было увидеть высший смысл любой вещи в мироздании — Знак. Если проникнуть в сознание Сатара, он будет сопротивляться, чтобы не открыть тайны Кораблей. Знак секрета Кораблей будет защищен неким полем, которое его и выдаст. А защитное поле можно проломить силой... Вместе с силантом Ребраном я вер-

нулся в брошенный Нанарбек. Мы собрали черные от копоти кости монахов и погребли их в шахте пересохшего колодца. В подвалах монастыря мы нашли Зеркало Сутей и погрузили его на "Ультар".

На "Ультаре" втроем — я, Ребран и Дождилика — мы подстергли Сатара у звезды Уирк. Схватившись руками за стальные ребра сверхпрочных шпангоутов "Ультара", силант ждал и, едва огромный черный силуэт влился в россыпь светил, выбросил сгусток энергии, парализуя Сатара. Активизировав все свои семь ядерных сердец, он стремительно обволок Мамбета силовым полем. Я возил в сознание чудовища поисковый луч Зеркала Сутей, и в зеркале вспыхнули тысячи Знаков, содержащихся в невероятной памяти врага. Были они как снежинки — все одинаковые и ни одного похожего. Я лихорадочно обшаривал душу Сатара. Огненный снегопад порхал во мраке зеркала, но тайного Знака я не находил. Силант застонал, по его телу пробежали молнии — Сатар рвал узы, пытаясь освободиться. Силант терпел. Семь алых раскаленных пятен выступили на его теле. Весь он окутался переливающейся сетью разрядов. Напряжение разрывало его мускулы. "Ультар" закачался, словно на волнах. И тут я нашел темное пятно в пестром сиянии и, держа на нем острие луча, ударил всей мощью "Ультара". На весь экран вспыхнул огромный Знак. Я сразу узнал его. По Навигационной Машине Гандамаги это был Знак туманности Пцера. "Все!" — сказал я. "Улетайте, — ответил силант. — Улетайте, пока я держу его. Иначе он догонит и убьет вас..."

Я выжимал из "Ультара" максимальную его скорость, а силант все не отпускал Мамбета. Огонь вырвался из глазницы силанта — Ребран сгорал заживо. Он стоял в рубке за моей спиной, как факел. В его утробе ревело и выло. Потом одно за другим начали взрываться его ядерные сердца. Когда грохнул последний взрыв, вместо силанта был только стальной скелет в черной окалине. И тотчас Сатар метнулся в погоню.

Я вел "Ультар" к Эрбланде, ближайшей планете, где проходил Галактический Тракт. Сатар мчался, впятеро опережая нас в скорости. Эрбланда разбухла и разворачивалась передо мной. Я возил корабль в ее атмосферу и крутым виражом вывел "Ультар" прямо над Трактом. Сатар с орбиты бил в нас лучами. Огненные столбы взметались к небу, танцевали, перекрещивались; горячая буря грохотала на равнине Эрбланды. Прямо перед воротами, разделяющими миры, удар из зенита сбил нас. Пылающим колесом "Ультар" вкатился в ворота.

За воротами была планета Каланхое.

Ливень, бушующий здесь, загасил пламя. "Ультар" лежал горой железа на желтых плитах Тракта, а вокруг в сумерках колыхались травы. Сатар остался где-то в невообразимой дали, он потерял нас, но это уже не коснулось моего сознания. Плача, я вынес Дождилику на руках, я звал ее, заклинал, умолял, я проклял все на свете, само мироздание я ввел в искушение черной анафемой, но судьба была неумолима. Я похоронил мою Дождилику там же, на Каланхое, прямо у дороги.

Восстановив "Ультар" из обломков, я улетел с Каланхое на планету Текла к своему старому дру-

гу лощману Арлаубу, который укрыл у себя мою дочку. Я нашел Теклу. Несколько дней назад армада крейсеров Сатара сожгла ее космическим холодом... Атмосфера сугробами лежала на земле, и дома, как сказочные терема, обросли кружевами заморози. Я вошел в дом Арлауба и увидел, что моя дочь Дождилика, которой было три годика, укутанная с головой, лежит в кровати лощмана, а сам Арлауб прикрывает ее своим телом от ледового залпа Сатара. Я поднял Арлауба, и тело его расколосось на куски в моих руках, а обломки эти, ударившись об пол, разлетелись на стекляшки. Я не стал прикасаться к Дождилике, лишь отломил уголок одеяла, чтобы увидеть ее лицо. До сих пор мне страшно, когда я вспоминаю длинные ледяные кристаллы ее ресниц.

Все пути назад были отрезаны, и отныне ничто не могло остановить меня в моем движении к истине. Я потерял все, кроме корабля и мечты, и шел напролом... Я пробился сквозь тройной заслон на границе Пцеры и исчез среди ее солнц. Крейсера бороздили туманность во всех направлениях, разыскивая меня, но я выстроил маленькую космическую станцию в точке, где излучения трех звезд интерферировали друг друга и где любое материальное тело делалось неразличимым извне. Я назвал ее Фокус. Она стала базой для моего корабля, точкой отсчета линий моего поиска. Триста лет я обшаривал всю Пцеру, пытаясь найти механизм Кораблей, и наконец нашел Ракай. Когда я понял, что это и есть ключ-планета Валатурба, я почувствовал, как вздрогнула вселенная.

Но на Ракай надо было еще суметь проникнуть. Я оставил Ракайский Ключ в покое и отправился в Нанарбек, чтобы прочесть древние книги и понять секрет прохода. К тому времени у меня появились ученики — Эрлех и Кромлех, близнецы, которых я подобрал с гибнущего корабля. В Нанарбеке я узнал секрет Ракайского Ключа. Там же я встретил пиратов, обреченных на гибель, потому что монахи повелели умереть в Нанарбеке любому, кто придет сюда не за знанием. Я пожалел юнгу пиратов и забрал его с собой. Юношу этого звали Навага.

Вместе с Навагой и Кромлехом я спустился на Ракай. Эрлех ждал нас на Фокусе. Я не подозревал, что Навага подговорил Кромлеха выкрасть перлиор из Храма Мироздания и продать его, чтобы стать самыми богатыми людьми в Галактике. Навага хотел убить меня и ударил ножом. Но чаморы — хранители жемчужины — не дали предателям унести камень. Навага и Кромлех бежали на "Ультаре", бросив меня умирать на Ракае. Так я потерял и корабль, и учеников. О судьбе Наваги я ничего не знаю. Кости Кромлеха мы с тобой нашли на Олберане, а "Ультар" я встретил только на Иллахе.

Я не умер на Ракае. Оправившись от раны, я стал искать выход из ловушки, в которую попал. Хотя я и обладал перлиором, без корабля я не мог запустить Валатурб. Я провел несколько лет в блужданиях по бесплодным кручам и скалам Ракай, обдумывая то, что видел в Храме Мироздания. Наконец на высокогорном плато я обнаружил умирающего Великого Улита — последнего из древнего племени улитов, космических ракушек, первых

звездных коней человечества. Улит был огромен, как целый город. Я сумел раздуть в нем огонь жизни. Его витой панцирь покрывали полустертые иероглифы, рассказывающие о бесчисленных битвах и победах умирающего титана. В память о своем народе улит решил трижды послужить мне. Первой его услугой было то, что он перенес меня на Фокус.

Эрлех, узнав о предательстве Наваги и своего брата, поклялся испить вину своей крови. Он многому научился по книгам Нанарбека. Вместе с Эрлехом я на улите через все заслоны Сатара снова вернулся на планету Текла. Со всеми предосторожностями мы перенесли в улита ледяное тельце моей дочери Дождилики. Последний перелет улит сделал к планете Фарналь, где проходил Галактический Тракт. Там, у Тракта, улит и умер. Эрлех же взял тело Дождилики и велел мне через три дня прийти туда, где он решил укрыться. Я выждал этот срок и пошел по следам Эрлеха. Пирамидки из булыжников вывели меня к маленькому гроту в утесе. В глубине пещеры на полу лежал Эрлех — мертвый и ледяной, какою была Дождилика. А девочка, живая и невредимая, играла камешками на склоне. Пользуясь знаниями Нанарбека, Эрлех поменялся с ней жизнью, искупая вину своего брата Кромлеха. Последний друг покинул меня.

Вместе с дочкой я пошел по Галактическому Тракту. Много лет длился наш путь, бесчисленное множество миров сменилось перед нашими глазами. Когда Дождилика выросла, я построил ей корабль — Парусник. Галактика не знала корабля лучше Парусника. Даже если Галактический Тормоз никогда не будет запущен, моя жизнь уже прожита не зря, потому что я построил Парусник. Все лучшее, что есть в мироздании, я воплотил в нем. Он — та истина, которую я смог постичь.

На Паруснике мы вернулись в Пцеру. Миновало триста тридцать три года с того дня, как в Млечный Путь пришел силант Ребран, который помог мне вырвать у Сатара тайну Валатурба. Орден силантов галактики Цветущий Куст каждые триста тридцать три года высылал к нам по силанту. Почти все они гибли — или уничтоженные Сатаром, или утонув в Орпокене. Но я все равно ждал метагалактианина и, оставив Дождилику с Парусником на Фокусе, отправился встречать его. На это и рассчитывали механоиды, устроив мне засаду у Вечно-го Маяка на Скут-полюсе в скоплении Ящера. Взяв меня в плен, они привезли меня на Иилах, где я и томился, пока не пришел силант Зелва. Ну, а что было дальше — тебе известно, мальчик...

Вот и вся моя жизнь — такая долгая и такая горькая. Я делал дело, пока еще никому не нужное. Я был жесток и принес много зла. Я не спас тех, кого мог спасти, и погубил тех, кто помогал мне. На мне тяжелые вериги человеческих смертей. Но все мои грехи и жертвы обретут воздаяние, став одухотворенностью мира. Я был Корабельщиком и не отступил от замысла Кораблей. Мои победы и несчастья, принесенные мною, зависят только от того, насколько верно я понимал волю мироздания. Если меня ждет кара, то не за порожденное мною горе, а за то, что я остался глух к неизмеримой красоте мира. Но слишком много я отдал и принял

в себя сил, чтобы зажечь Сингуль, и теперь пошел к пределу...

Я знаю все, что будет с тобой, мой мальчик, и поэтому не буду просить у тебя обещаний... Но только ты береги Дождилику и Парусник... Вам будет труднее, чем мне. Я благословляю вас, дети мои.

И еще... Прежде, чем меня не станет... Мой мальчик, ты понимаешь, что до тех пор, как стал Корабельщиком, я, как и все люди, имел свое имя... Хочешь его услышать?.. Слушай: в Нанарбеке меня звали Навк.

## Глава 22. МГИДА

Предания не лгут. В великой ткани одухотворенности мира еще не успела затянуться рана, нанесенная гибелью Корабельщика, как вдали показалась легендарная Мгида — блуждающая планета, чье имя с древних языков переводится как "неприкаянный мир" либо "земля разлуки". Дымчатопаловый мячик быстро катился по незримому уклону вселенной навстречу двум кораблям — живому и мертвому.

Мгида была планетой, на которой издревле хоронили капитанов вместе с их кораблями. Повинуясь неведомому замыслу, она сама всплывала из бездн мироздания там, где умирал человек, достойный быть погребенным на ее просторах. Парусник, вздрагивая, вошел в атмосферу и начал медленно опускаться, бережно держа в узле силовых полей своего погибшего собрата.

— Не касайся почвы, — сказала Паруснику Дождилика. — Живые корабли касаются земли Мгиды только на Пристани Прощания... Жди нас там...

Черный, обгорелый "Ультар" мягко лег в высокую траву треугольной полянки среди сплошного леса. По веревочной лестнице Навк и Дождилика спустились с борта Парусника. Парусник по собственной воле застыл над телом товарища. Длинные вымпелы на его мачтах, дрожа, поползли вниз. Огни зажглись на клотиках из латуни Бурманая, на кончиках всех рей, на бушприте. Печальный звон корабельного колокола, как стая птиц, взлетел над долиной. Дождилика вдруг словно сломалась, согнувшись и зажав уши руками. Тогда Парусник беззвучно поплыл вверх и скоро скрылся, отправившись ожидать экипажа на остров Пристань Прощания, где все корабли дожидаются тех, кто оставляет на Мгиде дорогих им людей.

Странными были леса Мгиды, называвшиеся пранью. Лишенная солнца, планета жила теплом своих недр, и тепло это чувствовалось даже сквозь обувь. Повсюду били горячие гейзеры, голубые фонтаны взлетали прямо в чаще среди ветвей и листьев. Над пранью поднимались цепи низких скалистых гор. Узкие горячие реки рассекали прань во всех направлениях. Все вокруг заволакивал туман пронзительно-голубого цвета, оставляющий чистым лишь небесный свод. Невысокие, причудливо изогнутые растения стояли очень тесно, они таяли в тумане, превращаясь в тени, шевелились и лопотали, смешивая свой голос с неумолчным шумом воды. Веероподобные, саблевидные, вычурно изрезанные листья фосфоресцировали, отчего Мгида, не

имеющая солнца, была освещена, как днем. В глубине прани тлели огромные, в два человеческих роста, блекло-алые шары, травы доходили до пояса, цветы заполняли поляны. Словно жидкое зеленое свечение лежало над землей Мгиды — так, перемешиваясь, звучали ее цвета, а над ней извечно сияли яркие созвездия галактики Млечный Путь.

"Ультар" стоял на поляне, как мрачная изъезженная глыба. Какой-то вьюнок уже забрался в его выбитый иллюминатор. Навк и Дождилика обошли корабль кругом, Навк — чуть в стороне, сумрачный, а Дождилика — вплотную к корпусу, ведя рукой по обшивке. Остановившись напротив вылетевшего лобового окна, они долго глядели на мертвого Корабельщика, неподвижно лежавшего в пилотском кресле. Даже кудри его бороды, его волосы были мертвы — ветерок не мог сдвинуть тяжелые завитки. Лицо Корабельщика имело выражение напряженного раздумья, мучительной сосредоточенности. Он точно прислушивался к своей смерти.

Сев в траву, Дождилика долго плакала, дрожали ее плечи и кудри, тряслись губы, слезы бежали из-под век по прозрачному лицу; она, боясь своего отчаяния, зажимала себе рот, но горе было поистине выше сил. Навк стоял рядом с ней, и душа его лежала в груди, тяжелая, как мешок камней.

Наконец, Дождилика встала, перегнувшись через раму иллюминатора, поцеловала руки отца и металл его корабля, отвернулась и быстро пошла в прань. А Навк задержался, забрасывая на корпус "Ультара" упругие спирали побегов, чтобы вечная жизнь укрыла печальное зрелище разрушения.

Путь по прани от поляны, где навеки остался Корабельщик, до озера с островом Пристань Прощания был очень долгим, но на Мгиде не было смены дня и ночи, и Навк не мог сосчитать, сколько дней этот путь занял. Две ярчайшие звезды — Сингуль и Джизирак — горели в небе. Прань, всегда новая и вместе с тем однообразная, шумела вокруг, открывая свои мрачные секреты.

Вся Мгида была многотысячелетним некрополем, где обрели покой и последний приют столько кораблей и капитанов, что это не вмещалось в сознание. Время заносило их песками, их оплетала прань и точила вода, металл ржавел и рассыпался, истлевали тела, но сам воздух, напоенный тяжелым запахом вечности, хранил память обо всех, кого поглотила Мгида. В дымке этой вечности перед застывшими ликами былых эпох измученные души переставали ныть, отпускала боль, израненные сердца переставали метаться в груди, словно птицы, попавшие в ловушку.

Изглоданные межзвездной пылью носы кораблей вздымались над пранью, но корпуса затягивала растительность. Они громоздились, как холмы. На них росли цветы, их опутывали лианы. Навк, разгребая заросли, добирался до обшивки, но погибший корабль всегда оказывался уже только коробкой, внутри которой давно царил прань. Неведомые капитаны растворились в чаще и теперь сами заключали в себе свои корабли, как некогда корабли заключали в себе капитанов. На бортах Навк находил имена, и Дождилика, на мгновения забывая о своем горе, рассказывала ему, чем знаменит корабль. Навк видел клипер "Сканд", что единствен-

ный из всех кораблей не погиб в Великом Космическом Урагане "Вероника". Навк видел каравеллу "Вельсира", единственную из всех кораблей, которая сквозь Орпокену достигла галактики Цветущий Куст, но на обратном пути погибла от черного излучения прогнившего времени в разломе структуры мира у полюса Евл. Навк видел корвет "Вальюир", единственный из кораблей, достигший дна Ворги — Берлоги Рептилий, где он и погиб в схватке с Рептилодом — монстром, пораженным усталостью пространства. Навк видел фрегат "Инорбан" — флагман эскадры людей, которая в сражении у звезды Танги разбила армады Весеннего Бунта Мутаций. Навк видел даже легендарную "Малую Медведицу" — яхту человека, написавшего книгу о Полночи в Мироздании. Эту яхту Старые Капитаны вывезли на своем Ковчеге с планеты Сонк, когда все силы Энергетического Неблагополучия были брошены Сатаром на уничтожение Галактической Лоции. Дождилика долго стояла перед этой яхтой в молчании, а потом сказала:

— Папа рассказывал, что на центральной площади Нанарбека стоит памятник этому человеку. На постаменте на языке бестар написана фраза из его книги: "Онтра канга гнакарт но". Слева направо она читается как "Человек — ипостась мироздания", справа налево — "мироздание — ипостась человека"...

Навк понял, что девушка по-прежнему ищет примирения со смертью отца, и едва закрывшиеся раны его души опять покрылись кровью.

Но корабли времен Нанарбека были лишь малой частью великих захоронений Мгиды. Иногда посреди прани Навк и Дождилика видели торчащие из земли узкие каменные головы высотой в три человеческих роста. Такие статуи водружали над могилами своих вождей древние кочевники. Пыль вселенной, оседающая на поверхность Мгиды, уже по горло занесла этих истуканов. Однажды Навк увидел огромное хрустальное яйцо, полупогруженное в почву. Внутри яйца был странный корабль, похожий на кузнечика. Это было захоронение загадочных Пернатых Сутулаков, жителей планеты Хидла, которая еще в незапамятные времена достигла небывалых знаний и отрелась от Млечного Пути, а потом, после какого-то опыта своих мудрецов, вообще выпала из мироздания, ничего не оставив после себя. Навк встречал огромные окаменевшие раковины улиток, на которых отважные повстанцы атаковали Цитадель — планету-крепость, откуда диктатор Керм-516 управлял Галактикой.

В своих блужданиях Навк и Дождилика наткнулись на залитую бетоном площадку, которую ограждали четыре мощных стены. На площадке стоял могучий броненосец. По углам стен торчали башни с огнеметами, выжигавшими все живое, что могло нарушить священный покой Ягрива Ондрива — великого воина и капитана, который победил Галактического Выморочка. Выморочек обосновался в теснинах Ленормана в скоплении Меченосца на левом Авл-Зарватовом течении и пожирал караваны с терриумом. Терриум был нужен для металлической сферы вокруг звезды Чиатура. Бебел, великий астролог, не ошибившийся ни одного раза, кроме последнего, предрек Чиатуре жечь Млечный Путь,

если ее не заключить внутрь шара из териума, где бы она прогорела сама по себе. Чиатура горела десять тысяч лет, каждые три года полностью испепеляя сферу вокруг себя, и сферу строили заново, перевоза териум с другого конца Галактики... Три огнемета на гробнице Ягрива Ондрива не работали, а четвертый все еще стерег покой героя, имя и дело которого давно уже стали крохотной звездочкой в галактике судеб человечества.

Навк и Дождилика проходили мимо затянутых пранью холмов, на вершинах которых торчали какие-то зубцы, балки, костяные купола и бивни. В недрах этих холмов вели провалы, заплетенные волосатыми корнями. Из провалов вытекали ручьи, в чьих руслах, словно костяные шары, лежали человеческие черепа. Эти холмы были древними традерами — летающими крепостями из ребер и шкур гигантских животных, обмазанных глиной и укрепленных щитами из металла-антиграва. На традерах Первые Люди воевали с Мамбетами.

Не раз Навк и Дождилика натыкались на вершущи утонувших в земле строений — пирамид, сложенных из огромных блоков, храмов, валунных тулумусов и башен, а однажды встретили резной гранитный мавзолей, где в склепе, глубоко под землей, увидели небольшой подиум, из которого торчали вросшие кости. Кости были накрыты окаменевшим обрывком паруса, который еще сохранял очертания тел юноши и девушки. Юноша был Великим Лцоманом Гандамагой.

Навк и Дождилика шли сквозь прань, и словно вся история Галактики, разбитая на фрагменты и смешанная беспорядочной мозаикой, проплывала перед их глазами. Одни события были знакомыми, ясными, другие же непонятными, странными, что-то пугало, что-то манило, сердце то застывало в смутной печали перед тенями ушедших времен, или же вдруг пело, точно при звуке слов старой и давно любимой сказки. Бесконечная вереница судеб, страстей, характеров, событий каждый раз завершалась одним и тем же — смертью и покоем в прани, где из светящихся трав бьют голубые гейзеры и меж стволов плывет туман. И от смутного величия этого неумолимого исхода душа содрогалась, освобождаясь от груза лживых трагедий; и, казалось, все те, кто ушел за черту смерти, возвращаются, чтобы сказать скорбящим: погодите, вы плачете не о том, нас не надо жалеть, мы ведь не расстались, мы еще воссоединимся; жалеете лучше тех, кто во мгле невежества не понимает, что когда жизнь догорит, то вместе со смертью придет истина, а с осознанием бессмысленности, бездарности невозвратимой жизни придет самое страшное горе.

Однажды прань вдруг раскололась перед Навком и Дождиликой, и они вышли на широкую и ровную дорогу, выложенную желтыми плитами. Остановившись посреди нее, Навк посмотрел назад, на буйную прань, откуда они явились, на свои следы в тонкой пыли, покрывающей камни, посмотрел вперед — на точно такую же буйную, светящуюся, переливающуюся прань за дорогой под полночным небом, посмотрел по сторонам в туманное пространство, куда единым мощным движением уносился путь, и тревожное чувство пронизывало вселен-

ной, доступности всей Галактики мурашками поползло по его спине.

— Пойдем, — позвала Навка Дождилика. — Здесь не надо долго стоять. На эти камни не становятся из праздного любопытства. Это Галактический Тракт.

И они с Тракта снова ушли в прань.

Неясные, необычные мысли волновали Навка. Лицо его в дороге прояснилось, но глаза потемнели.

Через несколько переходов прань кончилась. Навк и Дождилика вышли на мокрый прибрежный песок. Перед ними исполненным зеркалом лежало темное озеро, подковой охватывала его светящаяся прань. Блестящая паутина ручьев рассекала пляж, но великий мрак объел мир. Небосвод и водоем были словно крылья огромной бабочки, на которых сияли одинаковые созвездия.

Парусник, дождавшийся людей на острове Простанья, с берега казался лепестком света. Навк и Дождилика долго стояли неподвижно и глядели в распаханное пространство. Звезды ожидали их, зависнув над водой. Два ярких огня — Сингуль и Джизирак — горели над горизонтом. Прань затихла, и в пустоте беззвучия была только едва слышна музыка мироздания, гул необъятного простора, сквозь который предстояло идти, плыть, лететь до тех пор, пока воля, направляющая мировое движение, не ослабнет, выпуская на свободу тех, кто уже не в силах ее исполнять.

— Надо как-нибудь закрыть карман, — подумал вслух Навк, чтобы в воде из него не выпал перлиор...

— Всю одежду оставляют на берегу, — тихо ответила Дождилика. — Это озеро никто не переплывает в одежде...

Она медленно расстегнула молнию на своем потрепанном, грязном комбинезоне и движением плеч скинула его, оставшись перед Навком, как перед богом, обнаженной. Подойдя к нему, она молча сняла с его пальца перстень Кромлеха; закусив зубами, выпрямила кованые золотые листочки и вынула из гнезда граненый бриллиант, в котором испуганно метался небывалый пламень.

— Дай мне перлиор, — протянув ладошку, велела она.

Навк вынул из кармана волшебную жемчужину Кораблей.

Дождилика поставила ее на место бриллианта и, улыбаясь, снова надела перстень на палец Навку.

— Догоняй меня, — сказала она.

Она отвернулась, пошла к озеру и швырнула в него бриллиант. Потом зашла в воду по щиколотку, по колена, по пояс; легла и легко поплыла вперед, к дальнему лепестку света, что был Парусником.

И образ обнаженной девушки, входящей в воду чужой планеты, вдруг стал для Навка символом высшего доверия, какое человек мог оказать мирозданию; и тело Дождилики, все линии которого струились в едином неведомом ритме, подчиняясь математически-пронзительному тензору ее боли, любви и одиночества, поразило Навка легкостью и скованностью своих движений, словно любовь и доверие не упрощали, а бесконечно усложняли их от-

ношения, доводя их обоих до предела понимания, дозволенного человеку.

Навк бросился в воду и догнал Дождилику; и они молча плыли в хрустальной невесомости, раздвигая звезды зелеными руками; и тела их, как рыбы, смутно голубели; и вселенная была неподвижна; и время застыло, обратившись в вечность; и вечность могла ждать сколько угодно, пока они пересекут пространство и выберутся в травы на прибрежном лугу и там, укрытые травами от звезд, от мироздания и от вечности, дадут смерти, что пропитала все на этой планете, самый страшный повод для ненависти.

## Глава 23. УРАНОВА

Дымчато-опаловый шар Мгиды катился вдаль по своей колее, проторенной во вселенной по неизвестному замыслу.

— Они вокруг, — тихо сказала Дождилика, стоя у иллюминатора. — Это гиблые места... Нам от них не уйти.

— Уйдем, — возразил Навк. — Только это не так просто... Уйти мы сможем, но куда нам теперь лететь? Нам уже никто не укажет пути...

Парусник безмолвно парил в пустоте, а вокруг него стягивалось кольцо крейсеров Сатара. Над клотиком Парусника сводом нависал массив гравитационных мелей, фарватера в которых Навк не знал. По направлению к Сбет-полюсу бушевал ураган звездной нестабильности — новая конвулсия Энергетического Неблагополучия Млечного Пути. Этот ураган кочевал по Галактике уже пятьдесят лет и был известен под именем "Санния" — так называлась планета, что сгорела в пламени сверхновой, в которую превратилось ее солнце, захваченное ураганом. С гравитационными мелями и ураганом смыкалась жуткая область Рунг — зона пожирающей пустоты. В древние времена, задолго до цивилизий Монахов, Пахарей, Хозяев, Всадников, там находилось городище загадочной цивилизации Зодчих. Освоив Галактику, Зодчие не смогли преодолеть Орпокену и тогда, в поисках бесконечности, разорвали структуру мироздания, чтобы призрак Предела, у которого их цивилизация угаснет, не витал над ними. Сквозь этот разрыв Зодчие ушли в прорвы вселенской метавариантности, оставив в Галактике Рунг — постепенно растающую дыру в бездну, область, имеющую снаружи определенный объем, а внутри беспредельную.

Крейсера осадили Парусник, вынуждая либо принять бой, либо бежать последним оставшимся путем — сквозь магнитное облако Урановы, на одном выходе из которого беглецов, без сомнения, ждала западня, а другой вел в дикие пространства, где обитали космические чудовища, не пропускавшие мимо себя ни одного корабля.

— Мы идем в Уранову, — решил Навк, не оглядываясь на Дождилику. — Вперед, — велел он Паруснику, опуская руки на клавиши пульта.

По пологой дуге Парусник заскользил вдоль силовых осей пространства, постепенно набирая скорость.

Сине-зеленым иглистым свечением Уранова замерцала вдали, похожая на птицу с распростертыми

крыльями. Птица эта, все увеличивая размах крыльев, выростала перед Парусником, и наконец чудовище сбросило личину, представ перед людьми в истинном облике — исполинский газовый спрут, зависший в магнитной паутине вырожденной энергии, окутанный ледяным ореолом, вздыбивший изогнутые щупальца и в ожидании жертвы разверзший все свои пасти...

Навк оглянулся на преследователей. Крейсера Сатара держались в отдалении. Навк понял: после гигантского пожара у зеркала Сингуля они боятся Корабельщика, его силы и гнева и не ведают, что грозный враг уже по другую сторону жизни...

Газовое облако шевелилось, бурлило, подчиняясь хаотичной пульсации вырожденной энергии. В недрах его блуждали пузыри нуль-пустоты — такого же вырожденного вакуума, который отвергал, извергал из себя любое материальное тело. Вакуум этот в виде свободного пространства то пронзал массив Урановы тоннелями, то замыкался внутренними изолированными полостями. Лабиринт ходов постоянно менялся, точно в калейдоскопе. Ходы возникали и пропадали, и тот, кто рисковал пробраться сквозь внешне безобидное газовое облако, мог либо навеки завязнуть в мертвом тумане, либо взорваться в агрессивном вакууме, не потерпевшем в своем объеме постороннего тела.

Парусник летел по нормам Урановы. Навк вел корабль внимательно и напряженно. Он боялся зацепиться мачтами или причальной иглой за густой кисель, боялся, что проход слипнется перед бушпритом и Парусник врежется в звездные хляби. Изумительное зрелище недр Урановы проходило мимо его чувств. Огромные массы ультрамаринового свечения клубились вокруг корабля, текли, перемещивались. Одни струи ярко горели, освещая бугристые, неровные обрывы проходов. Другие — мощные, мрачные — скупое и угрюмо темнели, выделяясь уже не освещенностью, а какими-то потусторонними объемами. Туманное тесто находилось в беспрепятственном движении. Навк вел корабль наугад.

Бывало, что проход уводил его далеко вперед и выбрасывал в зону, где таких проходов было еще больше, где они источили чрево газовой тучи, как капилляры. Но бывало, что проход смыкался перед кораблем, и Парусник медленно отступал. А бывало, что Навк попадал в замкнутую вакуумную емкость и сбрасывал скорость, зависая посреди шевелящегося грота в ожидании выхода. Тоннели сужались и расширялись, расслаивались, пронзали анфилады полостей или огромные пустые пропасти внутри Урановы. Иногда проход раскрывался прямо перед носом корабля, а иногда сразу за кормой стены сходились, грозя поглотить и скватать навеки.

В облачных толщах Навк изредка видел проглоченные Урановой каменные глыбы, некрупные астероиды, трупы каких-то космических тварей, истлевшие, как лохмотья, обломки погибших кораблей, разорванных нуль-вакуумом, либо внешне неповрежденные корабли, застрявшие в трясинах вырожденных полей. Однажды на пути встретился улит; на его раковине, завернутой в могучую спираль, тускло блестели остатки иероглифов, которыми люди покрывали панцири своих космических скакунов. Все эти жертвы Урановы смутно виднелись

сквозь туман, обволакивающий их, и не сразу можно было разобрать очертания.

Пробираясь через дебри Урановы, Навк не боялся преследования. Преследовать корабль в лабиринтах газоманитного монстра не взялись бы даже безмозглые механиды. Но вот того, что ожидает на выходе, Навк боялся больше, чем всех крейсеров флота Пцеры. Мгла вокруг корабля светилась и мерцала все интенсивнее — приближался центр Урановы, где имелась большая полость. Из нее наружу вели два устоявшихся, хотя и извилистых хода. Навк не знал, что предпочесть — бой с противником или путь сквозь стаи чудовищ?

Парусник вырвался в пустое пространство и сбавил ход, ожидая выбора. Навк и Дождилика молча глядели на черную воронкообразную дыру, пробуравившую дальнюю стену. Великий Лоцман Гандамага очень давно установил возле нее свой знак — светящийся алый диск. Этот знак указывал путь к спасению, но Паруснику искать там спасения не приходилось. Он дрейфовал по пещере, а Навк и Дождилика смотрели на проем хода и чувствовали, как оттуда тянет холодом, словно исходит ток ненависти, злости, ужаса, словно сама смерть всплывает по этому колодцу на поверхность.

— Смотри, Навк!.. — прошептала Дождилика, хватая Навка за руку.

Волны всколыхнули оостеневшие горы тумана. Знак Гандамаги закачался. Огромное тело, раздвигающая стены, не боясь ни нуля-вакуума, ни вязкого киселя, угрюмо ломилось сквозь дым, сжигая все вокруг себя. Навк и Дождилика никогда не видели таких больших кораблей, как этот. Но по зыби, что застилала и без того смутный черный силуэт, они поняли, что тот еще очень далеко и на самом деле куда больше гиганта, которого они себе вообразили. Страшная загадка, ожидавшая их на выходе из Урановы, сфинкс, исполин, рожденный тьмой всего мироздания, рвался навстречу своим крошечным врагам. Черная громада приближалась, и вся туча начала содрогаться. Даже само пространство точно прогнулось и затрещало под тяжелой поступью.

— Я знаю, кто это... — побледнев, сказала Дождилика.

— И я знаю... — одними губами ответил Навк.

И не дожидаясь встречи, не медля, не раздумывая, Парусник кинулся к другому проходу, — тому что вел в пространства, заселенные космическими хищниками.

Тоннель мельтешил, вилял, пульсировал, бешено извивался, как змея, которой наступили на хвост. Навк, одеревенев у пульта, быстро и точно брал аккорды, описывающие этот дикий путь. Дождилика, покоряясь судьбе, шагнула за спину Навка и, обняв его за талию, прижалась щекой к его спине. Глаза ее горели сухим, ярким пламенем, а губы были закушены.

Мощное аквамаминоное свечение начало гаснуть, разьедаемое тьмой. И наконец тьма распахнулась во всю ширь, точно лопнула скорлупа вокруг Парусника. Корабль, как камень в омут, влетел в пространства, кишевшие звездными тварями.

Дождилика, выйдя из-за плеча Навка, молча встала рядом. Мириады мерзких чудовищ, круживших, как снег в метель, приближались к Парусни-

ку, и вот кораблик вонзился в ближайший рой. Руки Навка полетели по клавишам. Парусник со скрипящими мачтами и гудящими парусами пустился в безумный танец, закачался, уворачиваясь, заметался из стороны в сторону, завертелся, и даже Навигационная Машина в рубке от страшной тряски зазвенела и зашелкала, сама собою меняя очертания созвездий.

Каких только чудовищ не породило безлюдье космоса в обветшавшей Галактике! Дьярвы, вездесущие волки Млечного Пути, неслись по всем направлениям. Всеми цветами радуги переливались облака космического планктона, возле которых неизменно паслись гигантские вялые создания, напоминающие бесформенные каменные глыбы. Они раскинули огромные дырявые полотнища своих перепонок, на которые осаживался планктон. За Парусником моментально увязались в погоно страшные призраки малоиспользуемых трасс — звездные змеи, или буриголовы, но Парусник быстро оторвался от них, сменив курс, и они отвлечлись.

Навк и Дождилика видели в скопищах хищников металлические сети космических пауков с пучками безвольно, казалось, висящих шупальцев на узлах, по которым, переливаясь, текли изумрудные токи, парализующие жертву. Парусник проскользнул мимо каменных полушарий гурронта — беспощадного двойного чудовища, напоминающего раковину, створкой которой висят друг против друга в путях магнитных полей... Его рванул к себе гравитационный водоворот, которым о свой лоб разбивал свои жертвы пакурд — бронированная уродина, питающаяся энергией взрывов на своем панцире. Стаи свирепых торпед — угриний — пронзали пустоту на всем протяжении пути Парусника. Звездная жабба Зга выбросила на Парусник стаю своих мелких сателлитов-симбионтов, которые, не отличая Парусник от безмозглых монстров, проносившихся мимо, вспышками пытались загнать шарахающийся корабль в жерло разверстой раскаленной пасти, где в глотке бурлила лава, покрытая языками огня.

Пространства, населенные хищниками, клокотали, кипели. Сотни гадин атаковали, преследовали, заманивали, притягивали, оглушали корабль. У Навка кругом пошла голова от невозможного многообразия, от слепой ненависти, бурлящей повсюду, от угрозы, исходящей от каждой крупинки, что витала в этих проклятых просторах. Беззвучно мелькающие, взрывающиеся, пламенеющие чудовища свились вокруг Парусника в драконье кольцо. В содрогавшейся рубке, ослепляя и ошеломляя, плясал безумный свет. Пальцы Навка, мечущиеся по клавишам, рождали не музыку, а жуткую какофонию, чья гибельная, разрушительная мощь истошала силы корабля, созданного для лучших созвучий мироздания.

Но руки Дождилики вдруг появились на клавишах рядом с его руками. Весь корабль затрепетал, когда она взяла первые аккорды. Губы ее чуть шевельнулись — она тихо запела, словно не замечая вихря смертоносных бестий:

— Мы тонем, мы тонем в метель,  
Мы души замкнуть не успели,  
И к нам холода налетели

И злые ветра...  
И звезды слепым снегопадом  
Заносят тоску наших взглядов,  
И гаснут последние угли костра...

Пальцы Навка коснулись клавиш рядом с пальцами Дождилики.

— Как пар с губ, летят наши души,  
Дороги все уже, все глуше,  
И больно идти нам по стуже...  
В полет вледенев,  
Галактики мерзлые крылья  
Простерты в буране бессилья,  
И память мертва, как оборванный нерв...

Дождилика замолчала, глядя в пустоту. Слезы текли по ее лицу. Но Навк продолжал музыку:

— А голос летит по пространству:  
"Родная, далекая, здравствуй..."  
И значит, все было напрасно,  
И так не везло,  
И где-то на скользком уклоне  
Мы сбились, и тонем, и тонем,  
За грань мироздания нас понесло...

И Парусник, наконец уловив замысел своих капитанов, словно по пологим волнам помчался среди чудовищ, уклоняясь от них с грацией кошки и легкостью пера, пока не вырвался на простор чистого космоса.

## Глава 24. ПСКЕМТ

Вновь Парусник свободно парил в пустоте посреди Пцеры. Ее звезды огненными колесами катились во все стороны, но ни в одном светиле Навк и Дождилика не чувствовали тайной значительности, чтобы направить к нему свой полет.

— Что же нам теперь делать? — спросила Дождилика. — Обшаривать все планеты всех звезд Пцеры в поисках тайника, секрет которого нам все равно неизвестен?.. Разве нам что-нибудь говорит слово "Вольтан"? В Храме Мироздания на Ракае нет подсказки...

— Не падай духом, — задумчиво ответил Навк. — Нельзя двигаться напролом через все загадки вселенной. Мы должны понять... В человеке заключено все мироздание, значит, все секреты раскрываются в нас... Из нашего опыта мы сами должны добыть зерно истины. Корабли должны были предусмотреть, что ключи к их замкам могут затеряться.

— Но ведь нам не войти без ключей...

— А помнишь, ты говорила, что человек — это подобие Галактики, что сердце его — Таэра, голова — Авл, руки — Скут и Зарват, а Пцера будет левой ладонью?..

Дождилика побледнела, вспомнив свою разорванную линию жизни, но принужденно улыбнулась и кивнула.

Навк взял ее руку и повернул к свету.

— Понимаешь, Корабли каждому человеку Млечного Пути оставили план спасения своей Га-

лактики, начертив его на ладони! — Навк глянул в затянутые болью глаза девушки. — Это же карта Пцеры и наших путей в туманности! Она выглядит как трехмерная структура, которую сплющали! Вот попробуй, ухвати эту линию за кончик и в воображении подними, восстанови объем... И смотри теперь: вот пересекаются линии жизни, рассудка, судьбы, души, а на их пересечении мелкие черточки, словно лучи звезд... Вот, внизу, видишь звезду, узнаешь? Это Иллах, где я встретился с Корабельщиком. Пусть тебя там и не было, но это все равно твоя судьба. А вот — Джизирак, Сингуль и Мгида... Там везде мы уже были, только вот в этом пересечении линий не были... Этот угол — несомненно Вольтан. Теперь представляешь, где он в Пцере расположен?..

Дождилика напряженно вглядывалась в свою ладонь.

— А линия жизни?.. — спросила она. — Обрывается?..

— Нет, — улыбнулся Навк. — Нет. Она просто кончается там, где выходит за пределы Пцеры. Вне Пцеры у нас будет совсем другая жизнь...

— Значит, надо лететь в центр туманности, куда ведут нас все линии, и там искать Вольтан?

— Вольтан должен быть сверхзвездой, — гордо сказал Навк.

Парусник лег на курс и поплыл в глубины ночи. Звездная полночь мироздания сияла над его снастями.

Но там, куда указал Навк, были мертвые астероидные поля. Ни единого огня не горело среди куч вселенского мусора.

— Как же так?.. — растерянно бормотал Навк, оглядываясь по сторонам. Такого сокрушительного поражения он не ожидал.

Дрейфующий среди каменных глыб Парусник обогнул огромную, медленно крутящуюся скалу, и впереди показалось бурое, унылое светило — не ослепительное сверхсолнце, а старый, затухающий. Багровый карлик. Отчаяние зазвенело в висках Навка, стиснуло сердце, не давая дышать.

— Может быть, Вольтан — это планета?.. — неуверенно предположила Дождилика.

— Нет, — с горькой убежденностью твердо возразил Навк. — Джизирак и Сингуль — звезды, и Вольтан тоже должен быть звездой.

Тусклый, красный глиняный шар планеты быстро бежал вокруг своего умирающего солнца. Без всякой надежды Навк и Дождилика направили Парусник к этому безжизненному миру.

— Смотри, Навк, ты видишь этот знак?.. — вдруг, вздрогнув, спросила Дождилика, не отрывая взгляда от поверхности планеты.

Навк сощурился, напрягая зрение, и ответил:

— Да... По-моему, это символ Тукана, Вещей Птицы...

— Это не Вольтан, — улыбнувшись, сказала девушка. — Совершенно точно, что это не Вольтан. Потому что это Пскемт — давно потерянная людьми легендарная сокровищница древней цивилизации: Хозяев... Даже папа не смог найти Пскемт... Мы должны побывать там.

Парусник уравнивал свою скорость со скоростью вращения Пскемта, завис над гигантским знаком





Тукана и осторожно поплыл вниз. Пустынная планета была покрыта темными песками, из которых кое-где поднимались изъеденные, полуразрушенные, накренившиеся, как тонущие корабли, останцы. Среди песков лежала площадь, замощенная треугольными плитами, по которым от вечного ветра безостановочно струились мелкие песчаные ручьи. Навк и Дождлика ступили в эти потоки, погружившись по щиколотку.

— Вон там стоит пирамида, — махнув рукой, сказал Навк. — Я думаю, что в ней и находится вход в сокровищницу. Только интересно, имеют ли сейчас сокровища Хозяев хоть какую-нибудь ценность?

— Мы же не торговцы, какая нам разница?.. — пожала плечами Дождлика. — Важно узнать, что было ценностью для тех, кто исчез тысячи лет назад, оставив нам Галактический Тракт...

Пирамида, замеченная еще с орбиты, постепенно увеличивалась. Наконец стало возможно разглядеть ее во всех подробностях. Такая огромная, что трижды превышала высоту Парусника от клотика до клотика, она была срезана сверху, и к той площадке вела единственная узкая лестница, выбитая в стене. У подножия лестницы лежал высокий бугристый холм. Песок скопился вокруг него, длинными заносами забирался почти на вершину.

Холм загораживал подступы к лестнице. Навк и Дождлика в нерешительности остановились. Вдруг весь холм вздрогнул. Песок посыпался с его хребта. Раздалось глухое хрипение, скрежет. Прямо перед людьми часть покрова внезапно начала сминаться

складками, и из-под них обнажился огромный тусклый глаз, затянутый багровым дымом.

Глаз без выражения глядел на Навка и Дождлика. Они оцепенели под гипнотическим испытующим взглядом. Но вот колыхание снова прокатилось по туше. Обрушивая лавины песка, холм подался вверх. Тяжелая башка с бивнями и единственным глазом поднялась в воздух. Распрямились восемь могучих лап, костяной гребень вылез на хребте. Глухой рев взметнул два смерча по сторонам ощеренной пасти. Перед людьми стоял Зорг — стражьер сокровищницы Хозяев. Качнувшись, Зорг двинулся на людей. Навк окаменел, не в силах сделать ни шага.

Башка Зорга с хрустом метнулась вперед. Два бивня, выбивая фонтаны песка, прочертили рытвины справа и слева от Навка и Дождлика. Пыль окутала все вокруг. Навк отшатнулся и почувствовал, как Дождлика схватила его за руку.

— Стой!.. — крикнула она.

Пыль оседала. Навк увидел, что исполинская башка находится прямо перед ними. Багровый глаз закрылся, и чудовище было неподвижно. А по его челюстям, по рылу, по веку, по лбу, по темени в каменном панцире были прорезаны ступени.

— Легенды говорят, что Зорг видит человека насквозь, — сказала Дождлика. — Смотри, он решает нам идти...

Навк поколебался, но, собравшись с духом, шагнул на первую ступень. Друг за другом Навк и Дождлика поднялись на спину гигантского ящера, который еще не полностью вылез из пещеры под

пирамидой, прошли по гребню и перебрались на лестницу в стене.

Она восходила так высоко, что горизонт разошелся в необозримую даль. Парусник проступил черной ажурной конструкцией над золотистой пустыней. Темно-алый диск светила стоял над Пскемтом в полнеба. Никакая другая планета не имела столь же великого солнца.

Поднявшись на верхнюю площадку, Навк и Дождилика увидели, что всю пирамиду насквозь, как колодец, пронзает каменная труба. Сверху вниз в нее убегала винтовая лесенка. Но почти до самого верха труба была заполнена шевелящейся лавой, как жерло вулкана. Вязкая кровь планеты лениво переливалась в шахте, на ней лопались пузыри.

— Дальше дороги нет... — пробормотал потрясенный Навк и тотчас отскочил в сторону, потому что труба пришла в движение.

— Смотри, ее раскручивает Зорг!.. — оглядываясь, воскликнула Дождилика.

Они подбежали к краю площадки и увидели, как далеко внизу, взрывая пыль, страж-ящер ползет прочь от пирамиды. Из его панциря сзади торчало расплавленное кольцо, от которого тянулась ржавая цепь, уходящая в клюз-воронку у подножия пирамиды. Видимо, эта цепь крепилась к внешней стенке трубы-стакана и была многократно намотана на нее так, что если потянуть цепь на себя, то труба начинала вращаться, как катушка ниток на шпеньеке.

Труба крутилась все быстрее и быстрее, и под действием центробежной силы жидкая лава прилипла к стенкам колодца, поднявшись до самой кромки и обнажив его сердцевину, где извивалась винтовая лестница, штопором уходя вниз.

— Здесь нельзя сомневаться, — быстро сказала Дождилика. — Когда Зорг вытянет цепь на полную длину, вращение трубы прекратится, и лава зальет тех, кто не будет спешить на этой лестнице...

Навк и Дождилика взбежали на мостик, ведущий к лестнице. Едва первая волна лавы перелетела через край и расплескалась по камням, они помчались вниз, цепляясь за тонкий, нестерпимо горячий ствол, вокруг которого и вилась лесенка.

Чудовищное сверло ввинчивалось в преисподнюю. Все исчезло, осталось лишь едва освещенное жерло вулкана, круто закрученная спираль, зной и грохот ног. Дыхания не хватало, сердце разбухало, раздирая грудь. Лестница все не кончалась. Навк чувствовал, что сходит с ума от бешеного спуска. Но когда показалось, что все силы уже исчерпаны и спасения нет, из глубины выдвинулся каменный конус. Острые его было срезано, и в диске этого сечения зияла раскрытая диафрагма люка, в котором исчезала лестница. Навк и Дождилика нырнули в него, и створки диафрагмы с лязгом захлопнулись над их головами, ибо Зорг растянул цепь на всю длину, и труба перестала вращаться.

## Глава 25. СИНЕСТЕР

Слабые светильники, померкшие за прошедшие тысячелетия, едва освещали прозрачным синим светом дикие скалы, в которых рукой человека в незапамятные времена были высечены проходы, плавно

уводящие вниз. Грубо обтесанные стены сохраняли следы кирки и кайла.

— Хозяева были очень жестокой цивилизацией, — рассказывала Дождилика. — Они правили Галактикой несколько сотен веков, и это было время необыкновенного расцвета Млечного Пути, но и необыкновенного упадка человеческой жизни. Хозяева умели мгновенно перемещаться в пространстве, жить в открытом космосе без скафандров, силою мысли двигать предметы, управлять природными катаклизмами, взглядом излучать энергию, без помощи науки постигать тайны мироздания, внушать огромным массам рабов любые чувства... Объединившись, Хозяева подчинили своей воле всех людей Галактики. Хозяева не считались ни с какими жертвами, ни с какими затратами, реализуя каждый свой замысел, даже если он был чудовищен и бесцелен. Самих Хозяев было ровно миллиард. Они достигли бессмертия и прекратили продолжение своего рода, когда отсчитали миллиардного ребенка, отобранного из толп рабов и прошедшего обряд посвящения. Обостренные чувства Хозяев любое свое проявление переплавляли в произведение искусства, но высокое совершенство стояло по колено в крови рабов. Хозяева не разрешали рабам строить машины, потому что раб с машиной становится сильнее своего владыки. На машины у Хозяев было табу, все работы выполнялись вручную. На той планете, где у рабов вдруг появлялась машина, все рабы поголовно вырезались. А для того, чтобы перебрасывать рабочую силу с планеты на планету без помощи машин, Хозяева выстроили Галактический Тракт.

— И как погиб этот всесильный народ? — спросил Навк.

— Быть может, он еще не погиб... Если глядеть с Гвит-полюса в сторону галактики Петушинный Гребень, можно видеть летящий к ней сквозь Орпокену гигантский каменный куб. В этот куб вошли все Хозяева, замуровали себя и выбросились из Галактики. Непонятно, зачем они это сделали. На одной стороне куба начертан иероглиф, который читается как "отчаяние".

Тоннель вывел Навка и Дождилику к широкой и длинной лестнице, на вершине которой, преграждая дальше путь, лежал колоссальный человеческий череп. На его лбу горел знак.

— Он тоже обозначает "отчаяние"? — спросил Навк.

— Нет. Это целая фраза. Ее можно прочитать так: "Мы знаем лишь малую часть простого, а прочее — бесконечно".

Они поднялись по сумрачной лестнице и увидели, что череп снизу образует словно бы арку, под которую уводит дорога.

Арка открывала проход в огромную неровную пещеру, посреди которой стоял гигантский механизм. Навк и Дождилика обошли его по кругу, внимательно разглядывая все оси, барабаны, передачи, шкивы, крепления и пружины. Невозможно было разобраться в этой груде перепутанного железа, уже порядком заржавевшего и от времени начинающего оседать. Навк осторожно тронул рукой одно из зубчатых колес, и оно неожиданно легко и плавно закрутилось. В глубине побежали какие-то

цепи, что-то переместилось, перевернулось, посыпалась ржавчина и раздался рокот. Мотор, хоть и древний, был еще в рабочем состоянии.

— Это машина для перемещения в пространстве, — прочитала выбитую на стене надпись Дождилика. — Великая тайна Хозяев...

— Пойдем дальше, к сокровищам, — позвал ее Навк.

Они перешли в следующую пещеру, но в ней на каменной платформе тоже стоял двигатель.

— А это машина для перемещения во времени, — прочитав другую надпись, сообщила девушка.

— Значит, Хозяева путешествовали в прошлое и будущее?.. — поразился Навк.

— Нет. Они только построили машину для этого. Они считали, что путешествия во времени лишают мир смысла.

Они пошли дальше. В третьей пещере снова был двигатель — Машина Метаморфоз, загадочный философский камень Млечного Пути. Эта машина преобразовывала одно из четырех состояний бытия в любое другое — материю в пространство, пространство во время, время в одухотворенность, одухотворенность в материю, и так сколько угодно в любых сочетаниях, но в равном объеме — в одном таланте.

— Это уже близко к сокровищам, — сказал Навк, положив руки на рычаги и словно примериваясь двинуть их.

Но и дальше опять стоял двигатель — Машина Гармонии.

— Я не знаю принципа ее действия, но слышала о ней от папы. — Дождилика взяла Навку за руку. — Не надо, не трогай ее, Навк... Она порождает гармонию Абсолюта. За несколько тысяч лет до Нанарбека император Бельтан проник сюда и снял с нее чертежи, чтобы сделать свою империю идеальным миром. Когда эта машина была установлена и запущена в скоплении Глагол, вся империя благословляла Бельтана. Но законы гармонии таковы, что она либо заполняет все пространство, либо ее нет вообще. Машина Хозяев имела мощность, пригодную лишь для гармонизации скопления Глагол. На то, что находилось вне этого скопления, ее силы не хватало, и Абсолют начал все выжигать. Огненный вал двинулся от Глагола и мог спалить весь Млечный Путь. Но Бельтан уже достиг той степени совершенства, когда понял его чудовищность, и взорвал машину, покончив самоубийством и разметав все скопление. Огромную брешь на месте Глагола сейчас называют Великой Пустотой, или Йоргом.

Навк и Дождилика пошли дальше и в пятой пещере нашли Машину Энергии — двигатель, выделяющий энергию из ничего.

— Это и есть вечный двигатель? — спросил Навк. — А почему он не работает?

— Зачем Пскемту океаны энергии?

В шестой пещере стояла Машина Равновесия.

— Это что, вторая Машина Гармонии? — поинтересовался Навк.

— Нет, это скорее двойник вечного двигателя, но наоборот. Он преобразует все виды бытия в ничто. Вселенная нуждается в противовесе. Двигатели Хозяев нуждаются в Антидвигателе.

Седьмая пещера заключала в себе Машину Познания — склепанный из шестиугольных плит шар, подвешенный на цепях к потолку. Снизу из шара выходила длинная игла, упирающаяся в страницу огромной книги, лежавшей на специальном подиуме.

— Каждый, кто приходит сюда, переворачивает страницу, — сказала Навку Дождилика.

Навк подошел к книге. Листы ее были из тонкой фольги. Шар, неуловимо покачиваясь, выдавливал на них иероглифы. Вся страница была уже исписана. Механический разум ждал, когда ему перевернут лист.

— "Никогда не дели на познанное и непознанное, — начала читать Дождилика. — Желаящий знать пусть знает. Мысли, и да будет разум твой подобен чаще. Пусть будет глубоко твое страдание. Страдание разума — от того, что сосуд, в который он помещен, из материи, одолеваемой бессмыслием. Пусть мыслящий борется не с телом, а с его бессмыслием. Мыслящий всегда несчастен, ибо позади него путь, ограниченный рождением, а впереди путь — бесконечный. Смерти нет. Нужна сила, чтобы идти вперед. Кончается страница. Близится молчание. Прочти. Быть может, ты знаешь больше. Тогда ты впереди всех".

Навк был потрясен жизнью этого разума — одинокого, страдающего, неподвижного, отверженного вселенной и временем... Он высвободил лист из-под острия иглы и перевернул. Книга была исписана на треть. Навк попытался приподнять исписанные листы, но увидел, что они слиплись и проржавели насквозь.

После седьмой пещеры долго тянулся пустой тоннель.

— Странные сокровища у Хозяев... — задумчиво произнес Навк.

— Все машины в мире являются разновидностями или сочетанием этих, — ответила девушка. — Для Хозяев они были истиной, а только истина может быть сокровищем...

Каменная тишина была полна бесплотных, как тени, звуков на грани человеческого восприятия. Словно тихо переговаривались души Хозяев, сопровождая путников своим шепотом.

Но вот бледный свет растворил мрак в дальнем конце коридора. По мере приближения, он сконцентрировался в прямоугольник выхода. Навк и Дождилика достигли его и замерли на пороге, пораженные.

В зале, своды которого уходили в неоглядную высоту, стоял, излучая белое сияние, их Парусник.

— Как он сюда попал?!.. — воскликнул Навк, оправившись от замешательства. — Мы же оставили его наверху!..

— Это какой-то секрет Хозяев... — начала было Дождилика, но Навк, схватив ее за руку, потащил к кораблю.

На острие причальной иглы Парусник вздымался в черный простор над головами — огромный и невесомый, словно выдох вечности. Его изогнутые, похожие на натянутые луки, упругие обводы словно рассекали мрак. Борта ощутимо-кругло выступали из темноты пещеры. Мачты и бушприт, как лучи, летели вперед и вверх, пронзая слепой воздух. Все

огромное оперение Парусника было распушено, и каждый парус был надут, хотя в пещере не было ветра. Реи и весь такелаж на луках обводов натянулись тетивами, чуть звенящими в подземелье. Этот неуловимый звон путники и слышали в тоннеле.

— А ведь это не наш Парусник, — вдруг сказала Дождилика. — То есть, это вовсе не Парусник...

— Как это?.. — пробормотал Навк, но вдруг и сам понял, что даже Хозяевам не под силу обуздать и стреножить их вольный корабль.

Перед ними, в точности, как настоящий, стоял Парусник из чистого серебра, выкованный неведомыми кузнецами в незапамятные времена и оставленный здесь навеки словно в знак безмерного изумления — вечное возвращено в вечность.

— Как он похож... — сказал Навк, обходя корабль с задранной головой. — Ты никогда раньше не слыхала о нем?..

— Нет, — ответила Дождилика. — Клянусь, я сама придумала Парусник... О Пскемте я знала только то, что здесь находятся Машина Гармонии и Синистер...

— Как красиво... — с болью восхитился Навк. — Как же красиво они его сделали!..

— Наш лучше, — вдруг возразила Дождилика.

— Конечно... Наш — живой... А этот зато бесмертен...

Они пересекали темный зал и увидели на возвышении слабо освещенную резную беседку.

— Это последняя стена сокровищницы Пскемта, как гласит предание. Здесь бьет заповедный ключ Синистер, — сказала девушка.

— Я слышал про этот ключ. В Галактическом Эпосе "Сатариада" говорится, что силант Ребран дал Сатару испить воды из этого источника, после чего Сатар стал бессмертен...

— Нет, это ложь!.. Сатар не может создать ничего нового. Он перевирает и выдает за свое то, что создали природа, Корабли и Люди. Он походя осквернил имя Синистера...

Они остановились между двумя тонкими витыми колоннами, поддерживающими над беседкой ажурный купол. Посреди беседки на дне каменной чаши блестела чистая родниковая вода.

— Мы с тобой должны выпить воды Синистера... Хозяева выискивали среди своих рабов сильных и одаренных детей и приводили их сюда. Выпив воды, дети сами становились Хозяевами.

— Ты хочешь, чтобы и мы стали Хозяевами? — удивился Навк.

— Не в этом дело... Папа говорил мне, что Пскемт — это не просто планета, это древний Корабль-Матка. Только здесь можно было брать воду, которой Корабли вскармливали Первых Людей, рожденных в их чреве. Синистер — последний источник такой воды в Галактике...

Навк молча опустился на колени у чаши, протянул руки к воде, сложив ладони лодочкой, зачерпнул ледяного холода и поднес к губам. Дождилика тоже опустилась перед Синистером.

— Знаешь, — напившись, сказала она, — когда у нас будут дети, у нас ведь не найдется времени

среди всех чудес Галактики снова отыскивать Пскемт... Надо взять воды Синистра с собой.

Навк огляделся по сторонам и увидел на резных перильцах беседки хрустальную фляжку со шнурком. Он взял ее и подал девушке.

— Эту фляжку забыл император Бельтан, — рассматривая золотую анаграмму, сказала Дождилика. — Знал ли он, что она понадобится нам?..

Дождилика опустила фляжку в источник.

Они двинулись в обратный путь, снова прошли под днищем серебряного Парусника, одолели длинный тоннель, миновали анфиладу пещер с ржавыми машинами и сквозь арку под гигантским черепом попали на широкую лестницу.

В последнем помещении, над которым была только лава, Навк перебросил обратно огромный рычаг, и в недрах скалы что-то зарокотало. Где-то наверху, где Зорг, видимо, давно уже вернулся в свое логово под пирамидой, начала вращаться титаническая труба, наматывая на себя цепь и раздвигая лаву по сторонам.

Навк и Дождилика ступили на круглую плиту под винтовой лестницей. Диафрагма люка разошлась, и каменная плита, к удивлению людей, вдруг с легкостью стронулась, кряхтя вокруг центрального столба, по ступенькам побежала вверх, как гайка по резьбе болта. В память о сокровищнице Хозяев на груди Навка висела хрустальная фляжка с волшебной водой заповедного Синистера.

## Глава 26. ПСАЙ

Одним из первых выстрелов Зоргу отсекали цепь, тем самым предоставив ему свободу действий. Псаи не обладали в достаточной степени маневренностью в условиях планетарного тяготения и атмосферы, поэтому они не смогли совершить высадку десанта на верхнюю площадку пирамиды или на лестницу. Механоидам пришлось пробиваться в сокровищницу Пскемта сквозь сопротивление страж-ящера. Лазерные уколы не успевали прожечь его скорлупы. Не меньше сотни механоидов были растоптаны, расплющены, разорваны разъяренным чудовищем. Пыль исчезла с каменных плит, покрывшихся выбоинами от когтей Зорга и ударов боевых орудий. Один истребитель, смятый и раздавленный, горел, другой лежал на боку. Возле него, вонзив оба бивня в его брюхо, громоздился Зорг, сраженный с орбиты залпом фокусных лучевых крейсера Сатара. Псаи, как вороны на кладбище, усеяли все пространство вокруг пирамиды, а механоиды облепили лестницу.

Навк и Дождилика поднимались на вертящейся платформе. Над головами появился свет. Взлет по лавовому колодцу заканчивался. Еще несколько оборотов, и люди ступили на мостик.

Не меньше десятка механоидов торчало со всех сторон, нацелив на них лучебои. Навк отпрянул, а Дождилика вскрикнула.

— Люди, вы арестованы! — прожужжал один из механоидов. — Не совершайте резких движений! Выполняйте мои приказы! Ваша жизнь в большой опасности!

Навк оглянулся — мостик за его спиной обрывался в пустоту. Платформа уже опустилась глубо-

ко вниз, и возможность отступить в недосыгаемые недра Пскемта была утеряна.

— Прошу следовать за мной! Прошу следовать за мной! — жужжал механоид. — Ваша жизнь под угрозой!..

Лицо девушки было бледным, губы крепко сжаты, а глаза смотрели с такой болью, что Навк взял Дождилику за плечо, рискуя быть сожженным из лучебоя.

— Погляди на Парусник, — сказала Дождилика.

Парусник был накрыт квадратной сетью, углы которой были притянуты к земле. Сеть была скована из цепей — Навк увидел это даже на таком большом расстоянии. Цепи перехлестывали Парусник через корпус, привязывая к вбитым в камень крюкам, они окрутили мачты и бушприт. Даже причальная игла была уже забетонирована в огромный блок. Парусник оказался в плену, высвободиться из которого невозможно.

Под конвоем механоидов Навк и Дождилика сошли на площадь перед пирамидой. Колоссальный шар умирающего солнца Пскемта давил сверху, точно неизбывная беда.

Навк посмотрел на тушу сраженного Зорга. Исполинская голова вывернулась из бронированного воротника в панцире и запрокинулась набок. В застывшем коричневом зеркале глаза отражались снующие механоиды. Из всех щелей треснувшей скорлупы курлился пар. Плиты под Зоргом были черными от крови.

— Не плачь, — сказал Навк Дождилике. — Мы все равно выберемся и высвободим Парусник!..

Их привели в рубку одного из истребителей и пристегнули к креслам. Завыли турбины псаа, корпус задрожал. Пленники почувствовали движение корабля. Потряхивание и толчки сменились плавным покачиванием — псаа оторвался от земли. Все иллюминаторы корабля были задраены, и пленники ничего не могли видеть. Потом со всех сторон послышалось урчание — так бурлит воздух разрываемой атмосферы. Когда урчание утасло в басовых нотах, пленники поняли, что псаа вышел в космос.

— Приветствую вас на борту, — раздался вдруг из динамиков пульт безжизненный голос механоида. — Говорит бортовой компьютер патрульно-сторожевого автоматического истребителя номер 207 крейсера эпсилон 11 корпуса Си спецфлота Пцеры. — Навк и Дождилика молчали, глядя на приборную панель. — Высшим Трибуналом Корабельной Корпорации Сатара вы признаны сверхопасными преступниками Галактики, подлежащими уничтожению при первой возможности.

— В чем нас обвиняют? — громко спросил Навк.

— Узнать, в чем вас обвиняют — значит, усугубить свою вину, — ответил голос. — Вы будете уничтожены через тридцать четыре минуты.

Сердце Навка забухало, кровь отлила от лица. Он оглянулся на Дождилику. Девушка толчком головы откинула кудри.

— Я люблю тебя, — сказала она. — Разве есть что-то важнее этого?..

— Я буду задавать вопросы, вы будете отвечать четко и быстро. Мои приборы сканируют мозг каждого из вас. Я буду карать за лживые ответы. Ин-

формация обрабатывается мною и передается на крейсер.

Два шлема на кронштейнах поднялись над головами пленников и нахлобучились. Захваты обжали горло.

— Где в данный момент находится человек по имени Корабельщик?

— Не знаю, — ответил Навк, усмехаясь. И вправду, кто знает, где сейчас летит Мгида?

— Истинность подтверждаю. Похвально. Мало информации. Предосудительно. Каковы планы действия Корабельщика?

— Не знаю.

— Аналогично. Каков механизм действия Галактического Тормоза?

— Не знаю.

— Что такое "Вольтан", который вы разыскиваете?

— Не знаю.

Компьютер долго молчал.

— Если вы ничего не знаете, — другим голосом спросил он, — почему вы решили, что вправе направить Галактику по иному пути развития, нежели нынешний? Чем вы руководствуетесь? Где ваши ориентиры? Зачем держитесь друг за друга, если из-за этого у вас лишь дополнительные трудности? Почему вы не отступаете от своего, хотя через двадцать две минуты будете уничтожены?

— Не знаю, — усмехнулся Навк.

Компьютер снова молчал.

— Сканирование показывает, что ваш мозг не содержит логически оформленных конструктивных сведений. Ассоциативные связи представлены в объеме примерно в восемь миллиардов бит. У вас информации о дальнейших действиях — ноль. Вычислить алгоритм невозможно.

— Это замысел Кораблей, — сказал Навк Дождилике. — Они знали, что случится после их смерти... Чувствуешь, как они оберегают нас?.. Мы спасемся, я верю в это!..

— Процесс вашего уничтожения необратим, — заявил компьютер. — О программе действия корабля нельзя говорить "замысел". Вычислительные машины не имеют замыслов.

— Корабль и человек — это почти одно и то же, — сказал Навк.

— Запрещено! Запрещено! — заерещал компьютер. — Запрещено идентифицировать корабль как человека! Требую ответа: где находится драгоценный камень из древнего сооружения на планете Ракай?

— У меня, — сам не зная почему, просто сказал Навк.

Из пульты с быстротой молнии вылетел щуп, почти уткнувшись прямо в лоб Навку. Попискивая, щуп забегал сперва вокруг головы, потом стал спускаться вниз.

— Стекло. Вода, — сообщил компьютер, после того, как щуп исследовал фляжку с водой Синистера. Навк ждал, когда чувствительная голова щупа доберется до его перстня.

— Золото. Базальтовая галька, — констатировал компьютер и, дождавшись конца исследований, сказал: — Ты лгал. У тебя нет драгоценного камня. Где он?

— Тогда я не знаю, — ответил Навк и вдруг почувствовал такое огромное преимущество перед машиной, что даже странно было думать, что он сейчас умрет.

— Десять минут до вашего уничтожения, — сказал голос. — Дальнейшее ведение допроса представляется бессмысленным. Включаю видеопроекцию с борта флагманского крейсера.

На пульте зажегся экран, и пленники вновь увидели прикованный к Пскемту Парусник. Свет красного солнца словно причинял боль. Объектив камеры начал отходить вдаль, Парусник уменьшился, перспектива разворачивалась, и наконец вся планета уместилась на экране.

И вдруг она исчезла. На ее месте клубилось золотое облако. Какие-то силы распирали его изнутри. Оно излучало яркий свет. Черные и багровые сгущения выпирали из недр наружу. Внутри него извивались пласты огня и надувались пузыри. Наконец облако развалилось на мириады обломков, медленно поплывших во все стороны.

Дождлика закричала, забывшись в ремнях. Навк осознал, что ни Пскемта, сокровищницы Хозяев, ни Парусника, лучшего корабля Галактики, больше не существует. Сатар уничтожил все.

— Ваш корабль ликвидирован, — выключая изображение, сказал компьютер. — До вашего уничтожения остается сорок секунд. Прощайте.

Дрожь пронзила тело Навка. Волосы шевельнулись на голове.

— Подождите, люди, — вдруг странным голосом сказал компьютер. — Так вы говорите, что корабли и люди — это...

Взрыв рванул прямо в рубку, разнеся компьютер на клочки. Тугой обжигающий ветер ударил в лица.

— На-авк!.. Ну скажи мне что-нибудь!.. — закричала Дождлика.

— Я не знаю... — прошептал Навк.

Корабль словно лопнул, как расколотое надвое полено. С лязгом и грохотом сработала дьявольская пружина катапульты. Два человека — юноша и девушка — в вихре леденеющего воздуха были вышвырнуты прямо в креслах в пучину открытого космоса.

## Глава 27. ВОЛЬТАН

"Не странно ли, что мы живы?"

"Что я могу ответить?"

"Может быть, теперь мы бессмертны?"

"Наверное. Скорее всего. Следует ожидать, что так".

"И мы — Хозяева?.."

"В какой-то степени — да. Мы же испили воды Синистера. Значит, обрели их способности. Никто, кроме Хозяев, не мог жить в космосе..."

"Знаешь, Навк, мне так жалко... Я хочу остаться человеком..."

"Мы и остались людьми... Только иными".

"А я хочу, как раньше..."

"Тогда бы мы умерли".

"Но ведь нам нечего бояться смерти? Ведь там, за ее чертой, нас ждет папа. Мне всегда было хорошо там, где он..."

"Но мы должны закончить дело!"

"А потом? Мы больше не будем людьми? Мы будем жить вечно?"

"Когда-нибудь да умрем. Жить в вечности невозможно".

Они сидели на треугольной плите, какими была вымощена площадь вокруг пирамиды на Пскемте. Плита, как плот, плыла в пустоте космоса среди роя больших и малых обломков. Каменные глыбы, тускло озаренные близким светилом, неуклюже вращались, переваливались. В новорожденном астероидном поле еще не было уравновешенности и слаженности древних потоков. Обломки постоянно сталкивались друг с другом, дробясь на мелкие части или взрываясь. Все пространство было наполнено тучами летучих скал и вспышками света.

"Что же нам теперь делать?" — спросила Дождлика. Они переговаривались мыслью, взглядом. Наверное, они могли бы говорить друг с другом через целые сотни световых лет, но их неумолчно звучащий зов не достигал Парусника.

"Парусник погиб. Что же нам делать?.."

"Что и раньше... Мы должны найти Вольтан".

"Но где? Как? Это невозможно!.."

"Не знаю..." — ответил Навк.

Сколько времени прошло, пока они безмолвно дрейфовали среди руин Пскемта, определить было нельзя. Их окружала сама вечность, не имеющая ориентиров. Но вдруг в душе Навка взорвался крик девушки:

— Навк!.. Навк, смотри! Это Парусник!

Навк встрепенулся. Дождлика стояла на краю плиты. Сквозь лохмотья ее комбинезона просвечивало голое тело. Прижав ладони к вискам, Дождлика напряженно вглядывалась куда-то в круговерть тяжелой каменной метели. Навк подошел к ней.

— Вон там!.. Он был вон там!.. — сказала Дождлика.

Острая жалость раздирала душу Навка.

— Ты мне не веришь? Я видела его! Он жив! Он где-то там! Он просто не может найти нас!.. — горячо повторяла девушка.

Навк обнял ее, и она поникла, медленно опустилась на плиту.

— Мы построим другой корабль... — чувствуя, что это бессмысленно, произнес Навк.

— Вот он, — вдруг спокойно сказала Дождлика, глядя все в ту же сторону. Навк обернулся и обомлел. Одна огромная глыба отошла, другая опустилась, и вдали, точно пламя свечи во мраке, Навк увидел Парусник — яркий, чистый хрустальный корабль плыл среди каменных россыпей.

Плита рванулась вперед, повинаясь влечению хозяев. В длинном прыжке она преодолела расстояние до разошедшихся скал, а потом двумя точными выразами обогнула их, вылетая туда, где только что был Парусник.

Но теперь там его уже не было. "Мираж?.." — растерянно подумал Навк. Тотчас Дождлика толкнула его. Белый парус блеснул в другой стороне и снова скрылся за астероидом.

Плита помчалась туда. Мелкие камни мелькали вокруг. Большие обломки, как айсберги, грузно проползали мимо. Дождлика и Навк, стоя на ко-

ленях, держались друг за друга, чтобы не сорваться. Но Парусник снова исчез.

— Где он?.. — озираясь, спросил Навк. Парусник, как по волшебству, снова сверкнул вдали. Жемчужное свечение метнулось по диким камням. Ореол угас за горбом скалы. Плита, как птица, вновь устремилась за корабликом.

Казалось, какая-то злонамеренная сила влекла Парусник, заставляя на мгновение появляться и скрываться вновь, убегать от хозяев, лавировать среди движущихся астероидов, прятаться, запутывать. Навк и Дождилика мчались по его следу, но никак не могли догнать — легкий Парусник, как перышко в ураган, улетал прочь, словно заманивая людей в ловушку.

— Мы все равно догоним его, — умоляюще глядя на Навка, сказала Дождилика. — Мы отыщем его, правда?..

И вдруг, пронзив рой обломков, промчавшись между двух утесов, которые врезались друг в друга за их спиной, люди оказались в чистом пространстве. Прямо перед ними в облаке своего света, весь в иголочках голубого огня, сиял их Парусник — стая надутых парусов над точеным корпусом, луч бушприта, горделиво поднятый вверх, и изогнутыми саблями крылья кливеров над ними, причальная игла и две лазурных звезды на клотиках — зрелище и дивное, и гибельное.

— Это не он... — закрывая лицо руками, произнесла Дождилика. — Это не он... Это его двойник из сокровищницы Пскемта..

Такого удара Навк не ждал.

Серебряная игрушка Хозяев, вынырнувшая из-под обваливающихся сводов, плыла по простору вселенной. Вокруг нее трепетными волнами растекался свет. В смутном отблеске Навк увидел вдали какое-то тело. Присмотревшись, он различил массивный темный шар размером с небольшую луну. От полюса к полюсу шар на дольки расчленили ровные, как по линейке, трещины. По экватору шар был охвачен огромным обручем.

— Дождилика... — позвал Навк. — Сатар уничтожил наш кораблик, его мачты и паруса сгорели, но дух его жив... Смотри, ведь он вывел нас к Вольтану...

Но Дождилика плакала, и только горечь была в душе Навка, когда он ясно и отчетливо понял, что победит в этой схватке.

Их космический плотик скользнул вниз, мимо блистающего серебряного обмана, в сумрак гнетущего секрета Кораблей, который был упрятан в недра планеты, той, что много тысяч лет спустя другой расой была избрана для своей сокровищницы. Навк почему-то знал, что им надо опуститься на поверхность обода, скрывающего планетоид.

По воле Навка плита, как с горки, скатилась с орбиты и остановилась посреди черной равнины. Навк поднялся, а Дождилика осталась лежать лицом вниз. Навк не стал ее трогать; он сошел на шероховатый камень и сделал несколько шагов. Огромное солнце, еще недавно озарявшее песчаные равнины Пскемта, казалось помятым. На небе не было звезд, лишь изредка вспыхивали огни астероидных катастроф. Весь небосвод был полон мельтешением почти неразличимых каменных обломков.

Ни одного из них невозможно было увидеть снизу, но все вместе они создавали эффект непрочности, кипения неба, перемещения масс темноты и скопленных мрака. Навк опустил голову. Черная однообразная равнина расстилалась кругом до близкого, словно обрыв, горизонта. Черное нечеловеческое небо клочкотало сверху. Красное дымящееся солнце, как глаз угрюмой вечности, пристально взидало на двух людей, брошенных в самую пучину беды.

Навк вернулся к Дождилике, сел рядом и стал гладить ее кудри.

— Не плачь, — сказал он. — Мы на Вольтане.

— Мне кажется, что уже нет никакой разницы... Я устала, Навк... Я потеряла все самое дорогое... Я больше не хочу жить...

— Твой отец терял и большее... Но он дрался до последнего... Нам надо довести дело до конца... Потерпи еще немного... Мы не можем сойти с этого пути...

Навк поднялся и вытащил из оправы перстня перлиор. Звездная жемчужина переливалась на ладони, как последняя в жизни крупинка радости. "В Храме Мироздания на Ракае было сказано, что на Вольтане он будет семенем, зерном..." — подумал Навк.

Сжав жемчужину в ладони, он медленно побрел по равнине, глядя под ноги. Он остановился у небольшой трещины в камне, присел на корточки возле нее, оцупал ее пальцами и осторожно опустил сияющую капельку в черный разъем. Потом он снял с шеи фляжку с водой Синистера, вытащил пробку и вылил воду вслед за жемчужиной, а флакончик, размахнувшись, швырнул прочь.

Больше делать было нечего. Навк поднял лицо, глядя в небо. В душе было пусто, на сердце тяжело. Словно древние краски на иконах, проступили сквозь мглу лики созвездий, глядевших печально и тревожно. Навк смотрел в это небо и думал, что во вселенной звезд неизмеримо больше, чем душ, и чем будет он под этими вечными огнями? Он, человек, стоящий на черном камне, что плывет в дикой пустоте. Зачем создан этот простор, этот свет и эта боль, наполняющая любую вещь в мироздании? И что может сделать он в сравнении с мощью и величием гигантских звездных скоплений и бесконечных пространств? Какой свет рассеет эту мировую тьму и какой звезде он будет принадлежать? И нужен ли кому-нибудь, кроме него самого, свет его звезды?

Что-то коснулось ноги Навка. Навк опустил глаза. Тонкий стебелек, поднявшийся из трещины, как котенок, потерял о лохмотья его штанины.

Навк не удивился. Он понимал, что финал недалек и надо ждать небывалых чудес. Стебелек медленно тянулся вверх. Вот один листочек отклеился от него, вот второй, третий, вот лепестки выгнулись в зубчатый воротничок, вот набухла завязь. Язычки стеклянного пламени рассекли ее тугой узел, выползли вверх, изгибаясь, расширяясь, образовали соцветие и сомкнулись. Большой хрустальный шар на тоненькой лапке покачивался среди черной равнины.

Но тотчас трещина, куда Навк опустил перлиор, дрогнула и побежала в обе стороны. Навк сделал шаг, пытаясь догнать ее. Она, как пугливая собака,

приостановилась, а потом стремительно брызнула вперед, исчезая в дали антрацитового поля.

Навк вернулся к цветку. Хрустальный шар переливался, находя свет даже в той мгле, что его окружала, даже в мертвом огне умирающего светила. Но вдруг могучий толчок повалил Навка. Он тут же вскочил на ноги и увидел, что трещина, разбежавшаяся направо и налево, раздвинулась на ширину ладони. Цветок повис над ней, поникнув хрустальной головой, и Навк подхватил его за стебель.

Камень задрожал под подошвами Навка. Трещина начала разъезжаться. Та сторона, где стоял Навк, поднималась, противоположная сторона, отдаляясь, опускалась. Навк наклонился над трещиной и увидел, что это настоящая пропасть, разверзшаяся до невероятных глубин. Цветок корнем уходил в эту бездну.

Разлом рос. "Это цветок... — вдруг понял Навк. — Это он... Он пустил корень, и корень разломил надвое обруч, что сковывал Вольтан по экватору..."

Дождилика уже бежала к Навку, который оторвал цветок от корня. Навк едва успел обнять девушку. Могучий удар расколол весь мир. Камень под их ногами, отломившись, полетел в бездну. Все смешалось. Взбесившееся тяготение швырнуло их вверх. Пространство сограссалось, крутило и вертело их. Дождилика спрятала лицо на груди Навка. Навк, крепко вцепившись в нее, во все глаза глядел, как целые горы взлетали в небо. Двигались какие-то смутные, огромные конструкции, закрывающие багровую звезду. Колоссальные крылья планеты словно расправлялись, встряхивались, качая мироздание. Медленный взрыв разносил Вольтан на каменные лоскуты. Чудовищные полосы непроглядной тьмы рассекали сумрак. И наконец Навк увязал воедино все фрагменты разрозненного зрелища титанической метаморфозы.

Обруч, опоясывающий Вольтан, лопнул. Планета начала разворачиваться, как бутон. Те линии, что от полюса к полюсу делили Вольтан на доли, были стыками лепестков исполинского цветка. Теперь, когда ничто больше не удерживало их, они возвращались в естественное положение. Вдвое уменьшившийся шар Вольтана увенчался двумя гигантскими цветковыми чашами на полюсах. Это начал работать последний механизм Кораблей. Теперь остановить Валатурб было невозможно.

Та же сила, что выбросила их вон, опустила Навка и Дождилику на центральный шар Вольтана. Они поднялись на ноги и увидели нечто более грандиозное, чем превращение планеты — огромный объем космического пространства отходил прочь, оставляя Вольтан.

Угасающее светило, как надувной шар за ниточку, утаскивало куда-то вдаль. Вслед за солнцем волочились и обломки Пскемта. Облака космической пыли проплывали со всех сторон, возвращаясь на свое место. Метеоритные потоки, искривленные Кораблями, выпрямляли свои траектории. Лучи звезд, искажаясь на сопряжении пространств, разрезались, расслаивались радугами спектров. Чудовищные молнии металась там, где друг мимо друга проплывали скопления энергии разных потенциалов. Вакуум светился от напряжения рвущихся гравитационных связей. Россыпи шаровых молний вы-

скакивали из пустоты там, где лопалась структура зарядов. Звезды качались, словно мячики на волнах, разражаясь бурями протуберанцев. Планеты, как замки из пересохшего песка, рассыпались в прах и труху.

Навк, наконец, понял, как выглядит та зона пространства, которая, подобно разбитой армии, сейчас отступала на свои позиции. Пространство это было в форме клина. Клин врезался в чужой объем и разъединил те области, которые прежде содействовали; точно ледокол надвое расколол торос и застрял на миллион лет, а сейчас вся машина поехала обратно, позволяя льдам воссоединиться, вновь сомкнуть свое поле в единое целое.

Но зачем Корабли устроили этот космический катаклизм? Какую цель преследовали они, нарушая линейность пространства, ломая его и коверкая?

На Вольтане становилось все светлее. Навк не сразу осознал это, а когда понял, то двух взглядов было достаточно, чтобы разобраться. Клин уходил прочь, нож выдвигался обратно из раны Галактики. Те области пространства, которые раньше стояли рядом, теперь сближались, а значит, сближались и звезды, в них находящиеся. Два ослепительных шарика катились на Вольтан справа и слева. Навк схватил Дождилику за руку, указывая на них, ибо это был двойной знак их огненной смерти. Сажженные ими самими сверхгиганты Джизирак и Сингуль неумолимо сближались, как молот и наковальня. Между ними в точке их обоюдного тарана оставался Вольтан.

— Эти звезды сожрут нас!.. — воскликнула Дождилика.

Два голубых, два злых огня все разгорались, все разрастались. Свет их становился все ярче, все нестерпимее. Последние клочья каких-то туманностей уползающего пространства запылали, и огненные облака потекли мимо Вольтана. Надежды больше не оставалось. Два зрачка беспощадной истины выскакивали тех, кто посягнул на волю стихий, кто посчитал себя избранником ушедших миров и теперь разделит с ними их жребий. Как так? Навк не верил в это. Неужели Корабли были столь коварны или равнодушны?..

Джизирак и Сингуль выглядели уже как планеты. Они уже почувствовали друг друга цепким собачьим нюхом гравитации. Сквозь истекающее пространство они уже подтягивали друг друга силой взаимного притяжения. Свет их уже разошелся во все стороны, он ревел, как чудовище, на одной страшной ноте. Навк с Дождиликой, чтобы не ослепнуть, повернулись лицом друг к другу. Лицо Дождилики, неожиданно резко, четко озаренное пламенем Сингуля, вдруг показалось Навку таким красивым, что у него, как в первый раз, захолонуло сердце. В свирепости разбухающих светил, в ужасе и смятении, посреди души Навка вдруг ожила такая же мощная любовь, любовь, равная синим сверхгигантам.

Сингуль и Джизирак уже встали по обе стороны вселенной, как две солнечных стены, как два солнечных цунами. Извивающиеся протуберанцы слепящими мостами перекидывались от звезды к звезде. Ключья плазмы, бурля, неслись от стены к стене. Вольтан висел в звездном костре, в облаке ве-



ликого сияния, и вокруг него, как алебарды эскорта, как копья конвоя, скрестились лучи двух страшных звезд. Навк еще не чувствовал зноя, вода Синистера еще спасала его, но никакое могущество Кораблей не могло спасти их в котле звездного пожара. Ожоги еще не разъели кожу, но одежда вдруг разом вспыхнула. Навк видел, как огонь лижет плечи и руки, бедра и грудь Дождилики. Темные тела людей сквозили через живую ткань огня, и Навк, почти сходя с ума, увидел, что цветок, расколотивший обруч Вольтана, тоже горит.

Дождилика упала на колени, и Навк опустился рядом, обняв ее. Бураны из звездной плазмы перекатывались через них, и странные знаки уже проступали на суровом челе мироздания, когда темный силуэт, до рези в глазах черный в этой печи, в этой топке, вдруг появился в сияющей буре. Его мотало из стороны в сторону, подбрасывало, словно на волнах, и роняло вниз, раскачивало и захлестывало, но он рвался вперед, где его уже никто не ждал. Тень его накрыла двух черных, скорченных людей на раскаленном камне. Шатаясь, они поднялись на ноги, и при виде треснувшего корпуса и рухнувшей грот-мачты, при виде сорванных парусов и обломка причальной иглы никто из них не воскликнул и даже не прошептал: "Парусник!.."

## Глава 28. САТАР

Вековая печать Вольтана была снята с Галактики. Туманность Пцера развернулась в свободном пространстве, как сложенное птичье крыло. Звезды Пцеры, до того словно беспорядочно насыпанные в темный мешок туманности, вдруг разобralись по местам, заняли свои истинные позиции. Обновленная Пцера приобрела свою изначальную структуру — ясную, строгую и сложную, как кристалл. Силы космических взаимодействий, до этого мига смятые, скомканные, почти стертые тем неестественным положением, которое занимали массы звездного вещества, носители этих сил, — внезапно ожили, восстав из недр тысячелетий, заработали, пронзая Пцеру во всех направлениях, свились в один узел, сплелись сеть, в которой светила повисли, как рыбы в неводе, как кони в упряжке.

Две огромные звезды — Сингуль и Джизирак — слились друг с другом, породив новое, невиданное светило. Кроме легендарной Таэры, с незапамятных времен скрытой космическими трясиными Вырлами, Млечный Путь не знал такой звезды. Не только Цветущий Куст и Райская Птица, не только Материнский Сад и Гейзер, но и сверхдальние галактики Коралл, Плюмаж, Солнечная Подкова, Вымпел, Корона Небес, Павлинье Перо, Перламутовый Кубок, Лучистый Герб, Глаз Урагана, Фейерверк, Гребень Дракона, Темная Крепость, Диадема, Ночная Роса, Колесница, Буран — увидели, что в тусклой галактике Млечный Путь засияла небывалая звезда. Сила, что вдохнули в нее Корабли, была столь велика, что она преобразила всю Пцеру, возбудила косное пространство. Туманность превратилась в единый организм, где от светила к светилу по нервам-линиям, по нитям невода, по силовым осям бежала энергия, объединяющая всю Пцеру в

неразрывную, неразделимую сущность — в Галактический Тормоз Валатурб.

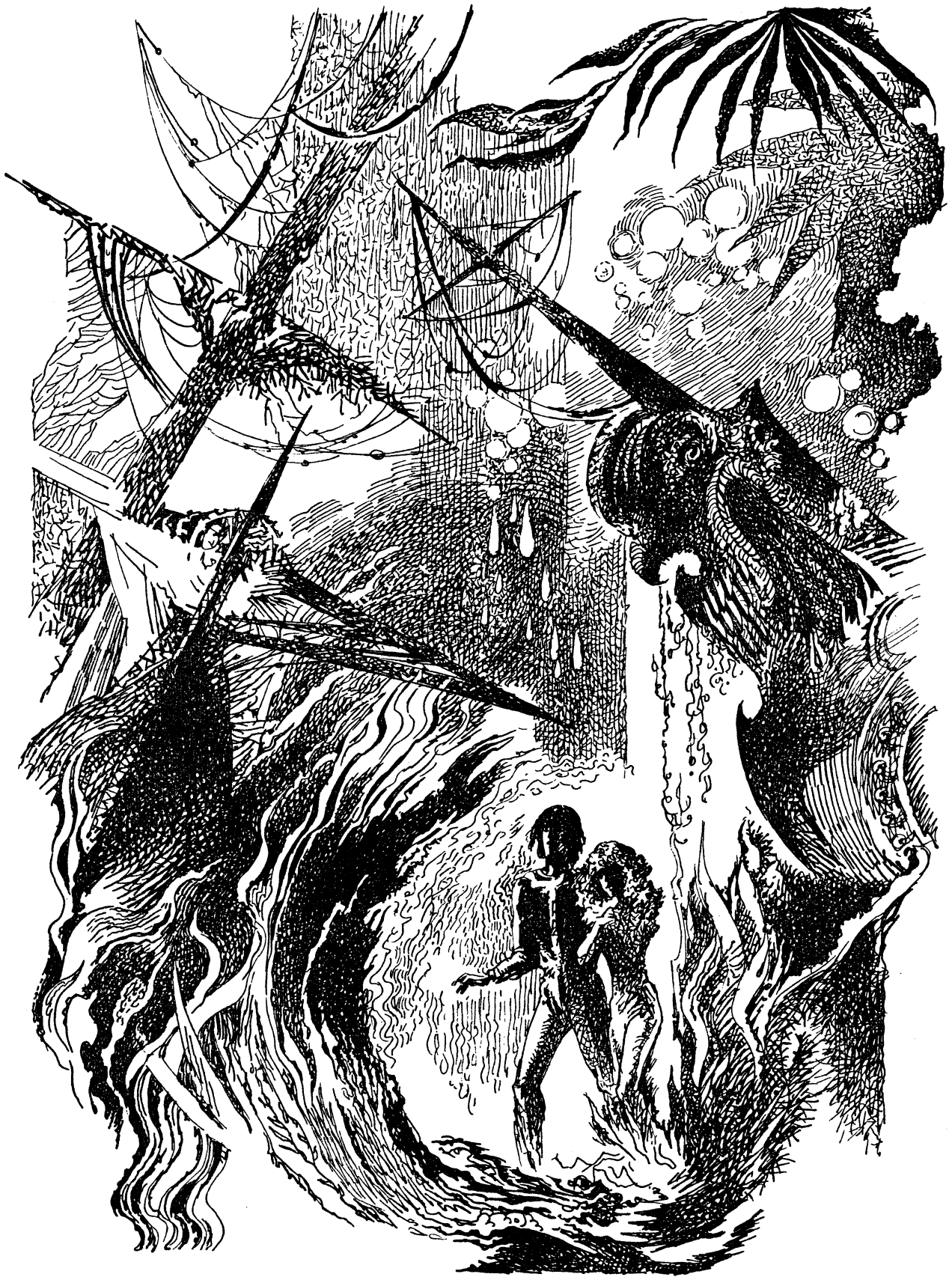
Валатурб впился в Скут-полюс, заменяя его собою, как при операции насос заменяет слабое, одряхлевшее сердце. Едва родившись, он уже всполошил всю Галактику, сотрясая ее до самых основ. Первый же толчок вывел все внутригалактические связи из режима медленного угасания. Вращение Галактики дало сбой только на мгновение, но это уже поколебало стабильное разбегание звезд от центра, рассеивание Галактики в Орпокене. В механизме вращения Млечного Пути сломалась только одна шестеренка, но это было уже той первой трещиной во льду, по которой узнают начало весны.

Вся Галактика, составленная из космических кирпичиков — звездных скоплений, — почувствовала, как в мерном движении ее элементов один из них вдруг отказался двигаться, затормозил, и возмущение в общем движении принялось расти, грозя охватить всю гигантскую систему. Так давно бездействовавшие силы галактического единства — сама гармоничная организация, замысленная и реализованная Кораблями при строительстве Млечного Пути — вдруг восстали из праха, вдруг проявили себя. По галактической кровеносной системе к Пцере хлынул немыслимый поток возбужденной энергии. Она была той самой вырожденной энергией вселенной, что, запертая в пределах Галактики, коллапсировалась в режим Энергетического Неблагополучия, образуя непреодолимые препятствия для полетов людей.

Млечный Путь замедлял вращение, и эта энергия, очищая Галактику, служила горючим для Валатурба. Космические течения несли ее к Скут-полюсу. Замысел Кораблей был как на ладони — Млечный Путь полностью остановится тогда, когда горючее кончится и Валатурб перестанет работать; а горючего этого осталось в запасе ровно столько, сколько скопилось энергии вселенной, пока Млечный Путь раскручивался. Струя энергии была из Валатурба навстречу вращению, как корабельный винт работает в обратном направлении, когда корабль останавливается. Яркий свет излучения вселенной заревом горел во всех окнах Галактики, пылал на пороге, и уже только миг оставался до тех пор, когда копья мироздания пронесутся без препятствий сквозь Млечный Путь и поразят спящих Мамбетов. Гибель их была неотвратима. Раса Мамбетов прекращала свое существование, уходя вслед за своими непримиримыми врагами, поразившими их из-за грани вечности.

Поток энергии, летящий из Валатурба навстречу движению Галактики, как грязевой сель, нес в себе всякий мусор. В чистом океане Орпокены вслед за Млечным Путем волочился шлейф космического хлама и пыли, оставленный ревущим Валатурбом. В этом потоке, крутя и раскачивая, несло и Парусник, выскользнувший из теснин сталкивающихся светил.

Вид у Парусника был ужасен, но корабль оставался живым. В рубке его на клавишном пульте, небрежно брошенный, горел хрустальный цветок, выросший на Вольтане из перлюора, политого водой Синистера. Навк осторожно поднял его. На хруп-



ком, тонком стебельке вместо стеклянного шара светилось парусами-лепестками соцветие-кораблик, маленький Парусник. В теплом свете этого живого уголька мироздания лицо Дождилики было спокойным и счастливым. Кудри ее выступали из мрака тугими медными завитками. И в этот миг в полной тишине за спиной Навка вдруг сам собою забил колокол.

— Это сигнал готовности к бою, — сказала Дождилика. — Папа научил Парусник всем сигналам капитанов Нанарбека...

Парусник лег набок, накренился, разворачиваясь. Заскрипели его суставы, и Дождилика схватилась за Навка. В иллюминаторах звездный полумрак прорезал багровый огонь Вечного Маяка Кораблей, горящего на Скут-полюсе. Внезапно этот фонарь погас — какое-то тело заслонило его, приближаясь к Паруснику. Кровавый ореол засветился по контуру пришельца, очертив его зловещей линией.

— А теперь будет самое страшное... — тихо сказал Навк.

Великий Мамбет, он же Последний Мамбет — Сатар, уцелевший после взрыва Пцеры, — нашел своих врагов, чтобы отомстить им.

Он не выжидал и не лавировал. Он несся прямо навстречу. Навк, видя, как приближается черное чудовище, почувствовал, что бессилен, что от него уже ничего не зависит, что Сатар атакует не людей, не двух ничтожных человечков, а призрак Кораблей. Навк понял, что бой будет вести Парусник.

Парусник вонзился в Сатара, как дротик вонзается в разъяренного дракона. Все его паруса взвились вверх, точно лебеди, вспугнутые с озёрной глади. Мачты застонали, захрустел корпус, и огонь забурился со всех сторон — синий мертвый огонь гибнущей плоти, что отвергла одухотворение. С огромным прораном в бок Сатар пролетел мимо. Тотчас мощный удар в борт отшвырнул Парусник. Корабль завертелся в вихре магнитных полей, танцуя на бурунах пространства. Вселенная колесом крутилась в глазах Навка. Свечи дальних галактик светящимися линиями процарапали небосвод. Другой удар — в днище — подбросил Парусник, и он взмыл вверх, застонав. Черная тень носилась где-то внизу. Красный огонь Вечного Маяка качался из стороны в сторону.

Но горящий фрегат Млечного Пути раздвинул завесу пыли, и в пустоте за кормой Парусника из глубины космоса всплыл ровный и мощный свет мириадов солнц. Слово мерцающий ветер наполнил паруса. Навк почувствовал, что нет ни боли, ни усталости, а радостью, отвагой и силой переполнена вся душа. Парусник, как драгоценность, заиграл в конусе света Галактики.

Сатар налетел снова, но словно меч рассек его на куски. Беспорядочные клочья, извиваясь, отскочили прочь из млечного луча, слипаясь и переплетаясь. Навк почти физически ощутил рев обожженного чудовища. В выраже уклонившись от черного молота, Парусник снова загнал в затылок вепря острогу чистого света. На миг Сатар весь проявился из мрака — жуткая и омерзительная тварь, исчадие пустоты и злобы, страшная ошибка мироздания, дозволитьшего жить гигантскому мертвому ящеру.

Тяжелая пощечина вновь сбила Парусник, дру-

гая перебрала его обратно, и каменная палица протаранила днище, расплескав по волнам Скут-зоны легкие и звонкие щепки волшебных дарьяльских сосен. Со сломанными ребрами Парусник отпрянул в сторону, и солнечные стрелы впились в брюхо вплотную промчавшегося Сатара. Трещина, Парусник снова выровнялся с врагом, но Навк знал, какая мука течет по его нервам. Дождилика обхватила голову руками, пытаясь противостоять боли корабля, но уже не было времени останавливать кровь. Ничто уже не могло остановить побоища. Кони безумия, кони возмездия неслись к пропасти.

Парусник и Сатар ринулись друг на друга. На миг, когда тьма клокотала в недрах света, когда свет кипел и бурлил, раздирая тьму, они застыли в равновесии. Капли их крови — огненные шары, стуски сверхчеловеческой энергии — точно воробы, запрыгали по пространству. Но враги вырвались из объятий друг друга. Пробытые, разорванные паруса корабля тянули его обратно в схватку. Все острые шпильки — клотики мачт, концы рей и бушприта — стали точно копыта фаланги, хищно вылетевшие из-за выпуклых щитов всклокоченного оперения Парусника. Черная туша Сатара обозначилась в галактическом мраке глубинным фиолетовым свечением изогнутых сабель — окровавленных когтей Мамбета.

Они сшиблись снова, и лязг и вой помутили огонь Вечного Маяка. Лучи секли, кромсали, рубили Сатара, серебряные молнии с широкими лезвиями разбрызгивались и ломались, переотраженные зеркалами стекленеющего пространства, а корпус Парусника трещал. Бизань сломалась пополам, а затем ее, как больной зуб, вращая, выдрало вон, разворотив корму, и отшвырнуло прочь, точно обглоданную кость. Парусник вырвался из клешней Сатара, оставляя за собой кометный шлейф легких алых звездочек. Мачты его качались, и он, слабея, все заваливался набок, но упрямо выпрямлялся. Навк тоже слеп от потери сил, и тело его немело, но воля — последнее и ясное слово смысла — горела так же ярко, как цветок Вольтана в его ледяной ладони.

Ощеренный Сатар кинулся на Парусник, и Парусник уже не сумел отклониться от тисков вражеской ненависти. Клыки Сатара с треском вошли в плоть корабля. Свет Парусника померк, как костер, залитый водою, и только слабые язычки огня лизали металлические руки, раздирающие грудь корабля. Сатар сорвал паруса и сбил рей, словно ветви у дерева, а затем протащил последнюю мачту сквозь корпус, вырвав ее из днища. Стальные шупальца ударили в каждый иллюминатор, пробираясь внутрь. Звездный спрут напрягся, пытаясь разломить Парусник надвое, как орех. Сметая и круша все, щупальца ползли по палубам и стенам. Сатар подмыв Парусник под себя, охватил со всех сторон и теперь добывал, разваливая на щепки.

Навк оттолкнул Дождилику от черной змеи, извивающейся по полу. Пучок змей полз в дыру от мачты в своде потолка, толстые языки влезали в иллюминаторы. Только красное свечение цветка Вольтана озаряло рубку, которую громил Мамбет. Смялась в ком Навигационная Машина Гандамаги,

рухнул клавишный пульт, вскрикнув всеми струнами. Парусник погибал. Из его трюма донесся стон и хруст ломающихся костей. Навк обнял Дождилику и прижал ее к себе, стоя посреди рубки на последнем островке. Когда черное щупальце, как кобра, угрюмо полезло на него, он поднял руку и без сожаления разбил о его рыльце чудесный цветок Вольтана.

Алая вспышка окатила пространство, озарила треснувшие своды и стены рубки, черные заросли щупалец, Дождилику с медной кожей, с глазами, полными туманного, темного огня, и с пылающими, клубящимися кудрями. Корпус Парусника лопнул, рассыпавшись тонкими изогнутыми досками. Гнездо змей расплескалось во все стороны. Млечный Путь сияющей грозовой тучей навис над изорванным и разлохаченным тряпьем — останками растерзанного Парусника. А Сатар, беснуясь, вертелся вдали, размахивая щупальцами, точно дрался с новым, невидимым врагом.

Врагом этим был огонь. Он выскочил из разбитого цветка Вольтана, и теперь несколько щупалец Мамбета горели, как бенгальские свечи. Искры били во все стороны. Сатар крутился, пытаясь загасить, сбить пламя, но от этого только новые и новые костры загорались на его теле. И вдруг он разом вспыхнул весь. В ореоле изумительного блеска, в костре своего пожара он впервые воочию предстал перед Галактикой, чьим незримым тираном был столько тысяч лет. В ярком пекле поражения он оказался в своей истинной ипостаси — гнусным червем, скорпионом, который в костре, изгибаясь, жалит себя в хвост, ядовитой медузой, рассеченной форштевнем корабля.

Дождилика прикрыла глаза руками, а Навк сощурился. Они не отрывали взгляда от зрелища страшной агонии Мамбета. Держась за руки, они парили в пустоте, как ангелы, как человеческие души в эфире за хрустальными сферами небес. Когда рубиновые угли, остывая и рассыпаясь золою, поплыли среди обломков Парусника, в вечном круговороте одухотворенной материи во вселенной смешивая прах врагов, Навк понял, что кончается история и начинается будущее.

Мамбеты и Корабли уплывают вниз по течению реки времени, и за толщей полупрозрачных веков меркнут соединившиеся за гранью бытия силуэты былых владык — Зодчих, Всадников, Пахарей, Воителей, Хозяев, Монахов... Протиснувшись сквозь узкое горнило настоящего, в безвозвратное прошлое погружаются невзгоды и победы, любовь и ненависть, горе и радость только что завершившегося мира, и дальше уже надо жить иначе. Бег времен неумолим, бесконечность метет дорогу, с каждым взмахом унося что-то дорогое и невозполнимое, и оставляет на камнях памяти лишь светящийся песок. Вот уже лучший корабль Галактики отправился в вечный полет за своим Корабельщиком, а на осыпающемся обрыве берега вслед ему смотрят его капитаны.

Прибой веков крушит берег, отслаивая целые пласты, точит утесы памяти, и всегда надо отступать, отступать, отступать от кромки обрыва, чтобы не упасть на дно забвения раньше своего срока. А гул прибоа ритмичен, могуч и печален, как шум

крови в голове, как бой часов. Часы бьют, часы Галактики бьют полночь мироздания, и вслед за тьмою идет небывало ясный день, и он обязательно будет полон несповедимого счастья.

— Не плачь, — сказал Навк Дождилике. — Парусник полетел своей дорогой... Мы уже в новой эпохе, не плачь, Дождилика... Смотри, нам остался другой корабль... — И он, протянув руку, показал ей на сияющую галактику Млечный Путь, которая, словно корабль, выплывала из облаков.

## Эпилог. КАЛАНХОЕ

Равнина была бескрайней и пустынной. Желто-зеленая, выгоревшая трава покрывала ее до горизонта. Изредка налетал ветер и гнал по травяному ковру полосы серебристого отсвета — травинки сгибались, показывая бледно-серый, блестящий испод. И небо было тоже совершенно чистым, только на юге сквозь синеву проступало белое, полурастворенное сгущение случайного облака. Трещали цикады, и их песни больше, чем тишина, говорили о вечности.

Темная точка проклонулась на голубом небосводе, и над безмятежными пространствами поползло басовитое шмелиное гудение. Точка приближалась, превращаясь из оптической абстракции в нечто объемное. Темная ниточка вилась вслед за ней, распушаясь на хвосте. И вот наконец стало ясно, что низко над лугом несется космический катер малого тоннажа в полном боевом оснащении.

Он вырос почти моментально. Грохочущая закопченная машина мчалась над степью, оставляя за собой грязный инверсионный след. Невидимая рука расшвыривала травы, воздух ревел и бурлил, летя вслед катеру ураганным колесом. Катер был явно поврежден — корпус в черных шелушащихся пятнах, в пробойнах, с дырами выбитых иллюминаторов, торчали пеньки и остовы срезанных и спаленных антенн аут-связи, из-под заглушек двигательного блока валил дым, в бортовых генераторах, едва различимых сквозь обросшие сажей решетки охладительной системы, безостановочно стреляли голубые разряды. Одна турбина не работала, другая была длинной струей огня, то и дело прерывающейся и визжащей. Габаритные огни на кончиках коротких толстых крыльев и на верхушке длинного хвоста не горели. Ствол лучебоя был задран вверх в знак полного опустошения батарей.

Катер — один за другим — выбросил три тормозных парашюта, которые лопнули, словно хлопнушки, разбросав стаи цветастых лоскутьев. Носовые сопла катера работали в полную мощь. Промчавшись над равниной несколько километров, катер вдруг переложил рули, соскользнул на грунт, поехал на днище, как на полозе, и, замерев, врезался в землю, швырнув в небо комья и какие-то обломки. Почти сразу же спекшийся фонарь пилотской кабины треснул. Подняв над собою крышку, пилот вылез на корпус. Был он совершенно закопчен. Сделав несколько шагов в пламени, которое побежало по корпусу и задранному вверх крылу, пилот тяжело спрыгнул в траву и хромающей трусцой устремился прочь от горящей машины.

Он деловито, точно на марафоне, бежал минуты

полторы, а потом в корме катера бабахнуло раз, другой, и раздался настоящий взрыв — с иглами огня, брызнувшими из всех щелей, с фонтаном искореженных железяк и ленивой черной тучей, которая важно выбралась из вскрытых недр двигательного отсека и повисла над ним клубящимся бесформенным комом.

От толчка горячего воздуха в спину пилот споткнулся, но не упал. Он перешел на шаг, оглянулся на погибший катер и направился к девушке, которая с букетом невзрачных диких цветов стояла посреди луга, изумленно смотря на сцену драматического финиша.

Пилот стащил с головы шлем и оказался совсем молодым пареньком, чумазым и улыбающимся до ушей.

— Ловко? — спросил он у девушки, заговорщически подмигивая ей и кивая на дымящиеся развалины. — Едва успел!

Девушка молчала.

— Еще немного, и накрылся бы, — добавил пилот, разглядывая ее.

Она была в грубом сером комбинезоне, перехваченном на талии широким ремнем. Широко расстегнутый ворот открывал загорелые ключицы. Лицо девушки — задорное и одновременно какое-то печальное — не было испуганным, что очень ободрило молодого аса. В губах девушки была соломинка. Серые, неуловимо раскосые глаза были сощурены, отчего казались почти черными. Огромная шапка золотых кудрей, растрепанная горячим ветром взрыва, сама собою словно светилась под солнцем.

Пилот довольно смелым и уже немного хамским движением вынул соломинку из губ девушки и сказал:

— Привет. Как тебя зовут?

— Дождилика, — ответила та, улыбаясь. — А почему ты летаешь на неисправном корабле?

— Да в общем-то, он был совершенно исправен, когда я позаимствовал его у одного механоида... Правда, после того, как псаи невежливо всадили мне в брюхо пять ракет, он почему-то и впрямь немного забарахлил.

— А почему тебя обстреливали? Ты преступник?

— Конечно, — согласился молодой человек. — Я же угнал катер.

— И все?

— По-твоему, этого мало?

— Мало, — сказала девушка. — Я бы не стала за это тебя убивать.

— Это делает честь твоему сердцу, но механоиды в данном вопросе придерживаются иного мнения, — уклончиво сказал пилот. — А это что за планета?

— Она называется Каланхое.

— Не слышал о такой. Что ты делаешь одна в такой глуши?

— А я не одна, — возразила девушка.

Пилот привстал на цыпочки и увидел, что недалеко от них проходит широкая дорога, вымощенная желто-песочными плитами, а за дорогой в траве сидит какой-то мужчина. Молодой человек приветственно помахал ему рукой и спросил:

— А чего он там сидит?

Девушка не ответила.

— В какой стороне город? — не обратив на это внимания, спросил пилот. — Далеко до него? Есть ли в нем комендатура механоидов?

— Не знаю, — покачав головой, сказала девушка.

Вдвоем они направились к дороге и остановились на обочине. Мужчина, сидевший в траве, поднялся и подошел к ним. Только теперь пилот заметил, что он сидел у двух белых плит, лежащих на земле.

Мужчина выглядел лет на пятьдесят. Его темное лицо рассекали глубокие морщины, в виски и брови вплелись белые ниточки седины, на высоком лбу виднелся шрам. Глаза мужчины, глубоко запавшие, полуприкрытые тяжелыми веками, глядели устало, но пристально. Этот человек словно нес в себе какую-то боль, какую-то жестокую истину, другим еще недоступную, и пилоту стало немножко стыдно за свою лихую посадку посреди этой тишины.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Папа, его только что сбили механоиды. Они всадили ему в брюхо пять ракет, — сказала девушка.

Мужчина улыбнулся, приобняв ее за плечи.

— А за что это они тебя так? — спросил он.

— Он угнал у них катер, папа.

— И за это механоиды теперь убивают?

— Ха! — воскликнул молодой человек. — Сейчас отправляют на рудники Помроя даже тех, у кого найдут штурманские карты тысячелетней давности!

Человек покачал головой.

— А зачем ты угнал катер? — спросил он.

— На прорыв к своим. Я из эскадрильи Перелетных Птиц.

— Что это такое?

— Вы ничего не знаете? — изумился пилот. — Да-а... Занесло же меня в глухомань... Вы хоть слышали про запрет механоидов на полеты людей в космосе, про то, что мы сами научились строить корабли или угонять их, про войну, в конце концов?..

— Кое-что слышал, — ответил мужчина. — Краем уха...

— Ну, вы даете! — Молодой человек развел руками. — Вся Галактика бурлит, люди дерутся против механоидов, а вы тут цветочки собираете!

— Чего ты привязался к моим цветам? — сразу отреагировала девушка. — Залезай в свой тазик и лети обратно, если не нравится!..

— Ну, ты чего?.. — потрепал ее по кудрям отец. — Ведь и вправду идет Галактическая война... А кто такие Перелетные Птицы?

— Так мы назвали свою эскадрилью, состоящую из кораблей, отвоеванных у механоидов... В Галактике есть несколько таких эскадрилий — Вольные Летчики, Орден Силантов, Звездная Жемчужина, Парусники... Но мы отличаемся от них тем, что у нас другая цель.

— Какая? — спросила девушка.

— Ну... Есть легенда, что когда взорвалась туманность в Мертвой Норе Скут-сектора, где-то там, наверное, в Рамадарии, родился человек, знающий секрет Вечного Корабля... Вот эти эскадрильи то

ли этого человека ищут, то ли секрет Корабельных Крыльев... А мы в это не верим. Говорят, что и сами механоиды разыскивают этого человека. Но скорее всего, Корабельные Крылья — просто красивая сказка. Мы же, Перелетные Птицы, деремся сами за себя, просто громим механоидов, где только можем, чтобы люди летали в космосе.

— А что, сейчас никто не летает по Галактике?

— За полет в космосе — смерть. За строительство корабля — то же. Проклятые механоиды! Они знают какую-то тайну про Вечные Корабли и не выпускают нас в пространство!..

— Надо же, — покачал головой человек. — Удручающее положение...

— Да-а, — согласился пилот. — А вы и не знаете тут ничего... Скучно живете. Я вот уже на шести планетах побывал, а вы... Что это за дорога? Куда она ведет? Что там в траве за плиты лежат?

— Куда ведет эта дорога, я не знаю, — сказал человек. — Ведет, куда угодно. А под одной из этих плит ее мать... — Человек снова встрепал кудри девушки.

Молодой человек почувствовал себя очень неловко. Девушка ободряюще и чуть виновато улыбнулась ему.

— Она умерла, когда я родилась, — пояснила девушка. — Эти цветы для нее.

— Извините... — пробормотал пилот. — Я же не знал... Тут и грохнулся с этой бандурой... То есть...

— Папа, почему вы не познакомьтесь? — Девушка взглянула на отца. — Ведь теперь мы будем вместе...

Молодой человек смутился и, протянув руку, сказал:

— Навк. Пилот Навк.

Пожимая руку, человек ответил:

— Можешь называть меня Корабельщиком.

*Иллюстрации Евгении СЕРПИГОВОЙ*

## АЭЛИТА — 93

Фантастика "Уральского следопыта"

### СОДЕРЖАНИЕ

1. Геннадий ПРАШКЕВИЧ. Спор с Дьяволом. Повесть .....	1
2. Валентина КАЛИНИНА. Планета—Мечта. Повесть .....	25
3. Василий ЩЕПЕТНЕВ. Тот, кто не спит. Повесть .....	59
4. Джин ВУЛЬФ. Пятая голова Цербера. Повесть .....	103
5. Михаил НЕМЧЕНКО. Родительский день. Рассказ .....	129
6. Андрей ЛАЗАРЧУК. Мумия. Рассказ .....	134
7. Абдулхак ЗАКИРОВ. Лабиринт. Рассказ .....	139
8. Владимир ФИРСОВ. Сказание о Четвертой Луне. Повесть .....	145
9. Сергей ДРУГАЛЬ. Чужие обычаи. Рассказ .....	186
10. Алексей ИВАНОВ. Корабли и Галактика. Повесть .....	199

Роберт ШТИЛЬМАРК

## Страна комиков, трагиков и вохриков

...Их вывозили на Север особым "товарным" эшелонем в начале июня 1947 года. В пути было все, что делает этап тяжелейшим из всех видов тюремно-лагерного наказания: знаменитый вологодский конвой, который, как всем известно, шуток не понимает, проверочка, когда из одного вагонного угла всех 76 "пассажиров" перегоняют ударами деревянного молотка в другой угол за какие-нибудь две-три секунды. Шмоны! Питание селедкой с хлебом без воды<...>

Начиная от града Кирова (бывшей Вятки), въехал эшелон в царство лагерное, где было все деревянным, от ложек до водокачек, а все люди — заключенными, от машинистов до главных инженеров, где "вольняшки" тоже были либо вчерашними лагерниками, либо ссыльными — за веру, национальность или провинность, припасенную волей следователя и где, по миновании границы Коми-республики, этапники слышали, что они прибыли в ту благословенную богами ГУЛАГа страну, чьи обитатели делятся на три человеческих категории: *комиков, трагиков и вохриков*<...>

Поселок Абезь был разбросан вдоль глинистого берега Усы — притока сумрачной и величавой Печоры.

С Печорой-рекой этапники из Москвы встретились еще накануне приезда в Абезь. Как раз на пересечении Печоры с воркутинской железнодорожной линией, проложенной силами ГУЛАГа по лесотундре в разгар войны, находилась — да и поныне находится! — главная пересыльная тюрьма советского европейского Севера, печально известная Печорская пересылка. Гулаговцы сортируют здесь вновь прибывающих на Север заключенных: кого куда! Удачей считается, коли задержишься в самой Печоре или соседней Абези, беду сулит жуткое слово "Холмер-Ю", "Долина смерти", севернее Воркуты, куда слали провинившихся на скорое, беспощадное истребление в штрафных лагерях.

В гулаговском почтово-телеграфном коде для скрытого сообщения персонал вольнонаемный именовался порядковым числительным ПЕРВЫЕ, а контингент заключенных обозначался как ВТОРЫЕ. Естественно, что на тех географических широтах, куда прибыл этап с Рональдом Вальдеком, количество ПЕРВЫХ уступало ВТОРЫМ в тысячи раз, несмотря на то, что под номенклатуру ПЕРВЫХ попадали и ссыльные, и административно высланные народности, и масса отбывших сроки зэков, оставленных работать на Севере.

На Печорской пересылке, где-то в очереди к санпропускнику, иначе говоря, временной бане с прожаркой белья и одежды, Рональд приметил среди тюрем-

ной obsługi поблекшую женщину в бушлате, прибывшую, видимо, с одним из более ранних этапов. У нее, похоже, было совсем мало собственных теплых вещей, зато при ней оказался целый чемодан книг... "Алые паруса", "Бегущая по волнам"...

Это была вдова Александра Грина, похороненного в Старом Крыму (куда писатель перед кончиной переехал из Феодосии). Домик его сохранился, по словам вдовы, в виде полуразвалины, притом гнусно оскверненной новыми жителями Крыма, сменившими высланных татар, болгар, греков, немцев. Саму же хозяйку осудили на большой лагерный срок "за сотрудничество с немецкими оккупантами и их татарскими пособниками"<...>

Беседа с Ниной Грин на Печорской пересылке продолжилась недолгие минуты и почудилась как бы наркотическим сновидением о прошлой жизни. Сон этот быстро сменился этапными реалиями и абезьской явью. До Рональда потом доходило, что Нина Грин долго служила в печорской лагерной службе, сохраняя остатки здоровья. Попала, много позднее, под хрущевскую реабилитацию и храбро боролась за воссоздание гриновского мемориального уголка в Старом Крыму, в чем ей долго и активно противодействовали местные партийные органы.

Из свежеприбывшего в Абезь этапа была наспех сформирована свободная бригада, во главе которой на первых порах оказался не общепринятый заблатненный ловкач-забудыга, а весьма образованный, пожилой и физически некрепкий инженер-строитель из Москвы, осужденный по бытовой статье и носивший фамилию Король. Как выяснилось, он и сам прежде был гулаговским прорабом на стройке канала Москва-Волга, однако, чем-то не потрафил начальникам. Новую бригаду Короля, состоявшую преимущественно из интеллигентов-москвичей, срочно бросили на вытаску сплавного леса из реки Усы.

От зари утренней и до самых сумерек с первой робкой звездой в зените и ее отражением в тихоструйной Усе, бригадники, одетые еще в домашние обноски, без рукавиц и спецовок, и уж, разумеется, без резиновой либо кирзовой обуви, мокли по колено в воде, пачкались на илистом и глинистом берегу, выволакивали неопшкуренные лесины, укладывали их в штабеля, волокли следующие... И так без обеда, лишь с пятиминутными перекурами каждый час. Не то о бригаде вообще забыли, не то решили показать московским бе-

лоручкам, что здесь, на Севере, закон — тайга, прокурор — медведь!..

Безучастная вохра, в лице трех самоохранников с винтарями, не обращала на работающих эзков ни малейшего внимания. Большую часть трудового дня охрана мирно дремала в обнимку со своим оружием под усыпляющий шорох Усы. Пробуждаясь, охранители жевали что-то, извлекаемое из широких штанин.

В конце этих первых на Севере исправительно-трудовых суток, где-то сверху, с откоса, послышались новые, незнакомые голоса, обращенные к конвоирам. Те радостно встрепенулись и нимало не заботясь о придании рабочему месту хоть сколько-нибудь законченного и разумного вида, подали заключенным команду:

— Кончай работу, становись строить!

Через несколько минут все человеческое стадо было трижды пересчитано по головам. Мокрыс, покорные, изможденные этапники полезли вверх по крутому откосу. Кто цеплялся за корни, кто за голые прутья кустарников, иные нащупывали мокрую тропу.

А сверху, совсем как в памятной всей Москве чеховской постановке "Гамлета" во Втором МХАТе, прозвучал, рождая вечное эхо, басовый вопрошающий глас:

— Кто идет?

И в ответ из толпы понурых московских эзков прозвучало в той же шекспировской тональности:

— Вассалы Короля!

Дня через три, когда московские одежды новых этапников окончательно превратились в лохмотья, выданы были бригадникам Короля ватные брюки второго срока, не спасавшие, естественно, от речной сырости при "катании баланов". Этот термин, впервые услышанный Рональдом на Краснопресненской пересылке, употребляли и здесь, на Севере, в несколько условном смысле, ибо лесины приходилось более перетаскивать, чем "катать".

Во второй половине холодного и дождливого дня, в перекур, с откоса зычно рывкнули:

— Которая тут бригада Короля?

К бригадникам спустился нарядчик абезьской штабной колонны в сопровождении вооруженного стрелка охраны.

Как оно приличествует лицу, значительному в лагерном мире, нарядчик фамильярно пошутил с самоохранниками, поговорил с бригадиром многозначительно, поманил пальцем героя этой повести.

— Подойди сюда! Фамилие? Имя-отчество? Срок? Статья?

Презрительно сощурясь, оглядел мокрого эзка. Скомандовал:

— За мной! Шагом марш!

В спину ведомому пристроился солдат-конвоир. Когда двое ведут одного, со стороны должно казаться: злодея схватили!.. Положим, Абезь нелегко удивить —

веди хоть слона под винтовками! Любой образ несвободы здесь слишком привычен!

Наверху нарядчик велел прибавить шаг. Они с солдатом явно промешкали по своим делам (похоже, разжились пивком) и теперь опаздывали, имея задачей представить арестанта начальству. Но, соблюдая достоинство, нарядчик стремился не обнаружить торопливости.

Приземистое одноэтажное здание строительного управления, являвшее собой как бы центр всего поселка Абезь, по виду напоминало большой фронтальной блиндаж и низкими галереями-крыльями, и единственным мрачноватым берлогообразным входом.

Постовой в дверях велел конвоиру остаться здесь, у входа: мол, в этом гулаговском доме у нас твой эзк и без тебя никуда не денется! Нарядчик же повел Рональда по коридору, направо, в то крыло, где в больших, уютно обставленных кабинетах священнодействовали жрецы ГУЛАГа во главе с начальником и главным инженером<...>

У одной из дверей, обитых войлоком, нарядчик задержался и пропустил арестанта в кабинет. Ковровая дорожка. Стулья с мягкими сиденьями и спинками. За письменным столом — очень интеллигентное старческое лицо. Знакомый, но уже почти исчезнувший в стране тип российского инженера прежних времен. Фамилиа... о, какая знаменитая и сколь громкая! Сразу вспомнились и большие астрономы, и переводчик Маркса, и научный социолог...

Небрежно отсылает нарядчика и с церемонной вежливостью приглашает "гостя" проследовать в соседний по коридору кабинет, еще богаче обставленный. Тут — карты-схемы в деревянных рамках, портреты товарища Сталина и Берии, длинный стол для заседаний. В глубине этого партийно-инженерного капища — его хозяин, главный инженер.

Как и полагается высокоменклатурному товарищу, в его наружности ничего не бросилось в глаза, ничего не обозначало правительственную персону. Такие выдающиеся приметы как усы, борода, пенсне, брови или тяжелая челюсть приличествуют лишь самым высшим партийным вождям.

Одутловатое лицо главного инженера отражало одни позитивные для партийца черты: невысокий морщинистый лоб свидетельствовал о благой усредненности способностей, взгляд — о несклонности к юмору и лишней темпераментности. Даже прическа носила некие пролетарские черты, будто позаимствованные у положительных героев нашего кинематографического соцреализма. Именно таким, самым правильным товарищам, свойственна и та, чисто партийная изобразительность памяти, благодаря которой они умеют начисто забывать то, что на их глазах происходило вчера, и великолепно помнить все, чего отродясь не бывало никогда...

Рональду на миг почудилось, будто оба его собесед-



ника — старый изысканный интеллектual дворянских кровей и высокопартийный технократ сталинской школы — втайне извлекают из этой ситуации некое, наверное бессознательное, но острое наслаждение. Разумеется, оба успели ознакомиться с делом арестанта и уже знали, либо могли вообразить себе, как этот усталый зэк с лесотаски, приведенный в мокрых ватных брюках, еще недавно сиживал в среде генштабного офицерства, а раньше — в королевских посольских особняках и развлекал застольную соседку-баронессу перлами дипломатического остроумия... Верно, там же значилось и знакомство с иностранными языками, военными науками, геодезией... Пребывание за границей...

Пока главный инженер изучающе молчал (ибо принять решение надлежало именно ему), инженер-интеллигент учтиво предложил пришедшему присесть.

Неловкость, при сем возникшая — ибо зэк стеснялся оставить жирно-мокрый след на бархатном сидении предложенного стула, — снова чуточку позабавила гулаговских хозяев кабинета, пощекотала им усталые нервы.

Рональд тактично примостился на краешек другого стула, с кожаным сидением. Хозяин-интеллигент одобрил этот светский акт предосторожности неприметной обходительной улыбкой. Главный же инженер указал зэку на стопку свежих технических журналов, исключительно иностранных.

— Вам... такие издания знакомы? Приходилось иметь дело с подобными? Переводить или реферировать?

Испытуемый отобрал из стопки несколько номеров... "Роод энд родконстракшен" (Англия), "Рэйльвей эйдж" (США), журналы шведские, канадские, немецкие...

— Да, они мне знакомы. Если в библиотеке имеются технические словари, то переводы и рефераты трудностей не составят.

— Ну, а чертежи и схемы вы свободно читаете? Топографические карты?

— Свободно. Как бывший преподаватель топографии.

— А с библиотечным делом знакомы?

— Так точно. Близко знаком.

Инженер-интеллигент полушепотом:

— Его собственная библиотека насчитывала... тысячи томов!.. — (повернувшись к арестанту). — Кстати, я английский забыл. Что означает это самое "эйдж"?

— "Эйдж" — значит, век, столетие...

— Ах так, благодарю вас... Что ж, я полагал бы, что Рональд Алексеевич Вальдек подошел бы для нас...

Замедляя речь, говоривший выжидательно глядел в рот начальствующему лицу.

— Можете зачислять! — бросил тот. — И для начала, попросил бы... Завтра-послезавтра подготовить нам перевод... вот этой статьи. Она нам небезынтересна, строительство мостов в условиях вечной мерзлоты. Перевод сдадите прямо моему второму заместителю (кивок в сторону старшего по возрасту). Пока устраивайтесь на штрафной колонне. Указания будут даны. Вас с завтрашнего дня пускай включат в бригаду ИТР — управленцев. Имейте в виду, у нас хватит работы и помимо переводов — привести в порядок техбиблиотеку, техархив... Завести библиографическую картотеку... Желаю успехов!

Только тот, кто сам мог стоять перед дилемой; катание баланов из Усы-реки или реферирование журналов в теплом кабинете, может оценить, каким благодатным лучом озарила Звезда Севера героя сих строк! Но, увы! В ту же ночь она показала ему, сколь переменчива ее благосклонность!

Ибо нарядчик штабной колонны недвусмысленно приписал себе в заслугу то предпочтение, какое гулаговское начальство оказало неведомому, только что прибывшему этапнику Рональду Вальдеку. Весьма прямолинейно он потребовал материальной mzды за то, что, мол, сумел обратить внимание начальства на свежего, жареным петухом не клюнутого зэка.

Будь у того в заначке какая-либо ценность или хотя бы лакомство, вроде шоколадной плитки, благодетельственный з/к Вальдек, возможно, и возложил бы такую жертву на алтарь фортуны, в лице ее низшего жреца — нарядчика, но... карманы его выворачивались свободно, не теряя при этом даже крупинки махорки. Робкое же обещание некой благодарности в будущем встречено было сумрачно...

Ночью, перед подъемом, Рональда грубо стряхнули с верхних нар вагонки.

— Соберись на поверку! С вещами!

Во дворе штабной колонны строился московский этап, почти целиком. К нему пристегнули еще немало абезьских старожилы, тоже с мешками и шмутками. Стало сразу очевидно, что тут дело пахнет перезапириванием, и, похоже, не близким! Под усиленным конвоем с овчарками и автоматчиками. Собаки хрипели от натуги и усердия, рвались со сворок и жаждали работы!

Кто-то уже разузнал, будто предстоит сперва недолгий путь по воркутинской железной дороге, до станции Чум, потом — по дороге-новостройке — в сторону Полярного Урала, а дальше, в сопровождении тракторных саней, до мест еще необжитых, т.е. на так называемый "колышек". Это означало — разбивать на снегу палатки и начинать трудовую жизнь "аб ово" ("от яйца") там, где экспедиция изыскателей ГУЛЖДС<sup>1</sup> года два ли, три ли назад вбила в мерзлый грунт занумерованный березовый колышек, обозначающий точку и номер будущей лагерной строительной колонны.

<sup>1</sup> Главное управление лагерей железнодорожного строительства

Как и при всяком этапе, шмон был грубо-беспощадным. Отбирали все "неположенное": всякую памятку о доме, близких, фронте... Фотокарточки жен и детей, как всегда, летели под ноги вохровцам. Отбрасывались в одну кучу заветные мелочи: нужнейшие вам лекарства, какая-нибудь привычная жестянка для табаку, служившая хозяину еще в полку, блокнотик с адресами, вторые очки в футляре, зубная паста, а то и зубной протез, если он хранился про запас и найден был отдельно, домашняя ложка или фарфоровая кружечка, напоминая вам о детях, ибо служила она вашему меньшому, и жена на последней московской свиданке сунула ее заключенному мужу в дорогу...

Десять раз пересчитанный — и по головам, и по спискам, и по формулярам — этап, человек, верно, поболее четырехсот, только к полудню сумели погрузить в вагоны. Так как путь железнодорожный обещал быть недолгим — от полусуток до полных суток — в теплушках, вернее сказать, — морозушках — начальство не предусмотрело ни нар, ни подстилки, ни печек. Зэков посадили прямо на обледенелом полу. А тут еще и морозец, по-весеннему коварный, ударил с норда по всей округе. Замела поземка, и вагонные крыши быстро побелели. Зэки-москвичи, клацая зубами, переначивали Тютчева на абезьский лад:

...люблю пургу в конце июня,  
когда весенний поздний снег...

Рональд оказался в одном вагоне со старыми московскими друзьями — Иваном Щербинкиным и Николаем Федоровичем. В этапе из Москвы они, все трое, ехали раздельно, а тут судьба опять свела их вместе. Друзья расположились у вагонной стенки, жались друг к другу плотнее, в чайнии томительно длинных часов в нетопленном телячьем экспрессе.

Уже перебрали они события ближайших месяцев, помянули добрым и недобрым словом оставшихся в далеком Подмоскovie сосидельцев: уже начал было Рональд припоминать, для увеселения спутников, "страшные рассказы" Вилье де Лиль Адана и новеллы Эдгара По, а сигнала к отправлению все не было.

По главному пути с тяжким грохотом пронеслись на юг мимо станции Абезь эшелоны железных платформ, груженных воркутинским углем — черным сокровищем Севера, добываемым тысячами белых гулаговских рабов... Уже и паек этапный стали раздавать, притом необычно богатый: хлебная буханка и банка мясных консервов на четырех человек — получалось по 125 граммов тушонки в добавление к 600 граммам тяжелого сырого хлеба. Умудрялись бывалые зэки вскрывать банки зубами, а кто и вагонной железьюкой, крюком, либо торчащей планкой.

Начали было запирать тяжелые массивные двери, отчего в экспрессе, он же "пятисот-веселый", сделалось еще сумрачнее. Вагоны слегка трянуло — по-

хоже, прицепили к составу паровоз. И видать, не "овечку", а более тяжелый "Э" с числом осей пять...

И тут-то вдоль пути забегали лагерные вохровцы и солдаты конвоя. Глядевшие из вагона в щелку сообщали: появилась, мол, на горизонте, сама Пушкариха — бабища голубоглазая, мужеподобная, бывшая уголовница, теперь — выдвиненка ГУЛАГа! Рядом с начальницей размахивал руками и что-то доказывал нарядчик штабной колонны, Рональдов благодетель. Потом, в сопровождении начальника этапа, Пушкариха с нарядчиком и вохровцами стала подходить по очереди к каждому вагону. Двери, одна за другой, снова откатывались в сторону — начальство, похоже, искало кого-то. Открыли, наконец, вагон и с тремя друзьями, москвичами.

В руках у начальника этапа белел чей-то формуляр. Охрипшим на морозе голосом, он глядя в формуляр, спросил:

— Есть ли у вас в вагоне з/к Вардек... т.е. з/к Вельден... т.е. з/к Хвальбек?

— Может, з/к Вальдек? — робко подсказал Николай Федорович.

— Во-во! Так он здесь сховался, у, бл...! Упрятался, падло! Давай вылезай! Говори: имя-отчество, статья, срок, конец срока?

— Рональд Алексеевич, 58-10, часть 2-я, 10 лет, конец срока 1955-й.

— А ты, туды-растуды! Добрался я до тебя! Прыгай с вагона, а то из-за тебя эшелон на два часа задержали, лярва! Эй, Пушкарева! Получай его формуляр! Долой его из этапного списка! Вот его шмутки, вот он сам! Другой раз, туды-сюды, мозги мне не... засоряйте! По эшелону: кончай раздачу пищи! Закрыть вагоны!

<...>На колонну его вели под такой мат, что даже здешние небеса чернели. Двое конвоиров сопровождали свою брань легкими тычками под арестантские ребра. Кто-то на улице спросил:

— Где взяли белого?

Естественно, что главный виновник происшедшего — нарядчик злобился больше всех. И более всех трусил. Его месть — втихаря этапировать неблагодарного зэка на колышек — сорвалась. Грозит и ему, и Пушкарихе нагоняй свыше, ибо с нынешнего утра з/к Вальдек уже был не рядовым работягой со штрафной колонны, а, в соответствии с приказом по управлению, занимал пост "старшего инженера по аннотациям и переводам" при главном инженере Северного строительства. Во как!

И когда вышеназванный старший инженер не сел утречком за отведенный ему стол в технической библиотеке и не представил товарищу Главному нужный тому перевод английской статьи, последовал громоподобный звонок начальнице колонны... Мстительному нарядчику, в результате этого эпизода, пришлось расстаться со своей придурочной должностью, его пере-

вели на штрафной лагпункт наводить там порядок на разводах. Был он из "социально-близких" и поэтому серьезные неприятности ему не угрожали.

Вот так, с опозданием на одни сутки, начал свою управленческую деятельность з/к Вальдек. С того дня товарищ Главный не имел недостатка в рефератах, аннотациях и переводах иностранной технической периодики, касавшейся постройки железных дорог в условиях вечной мерзлоты и полярной ночи...

...Удар молотка нарядчика по подвешенному обрезку рельса (эрзац колокола) будит все шесть-семь сотен обитателей штабной колонны. Шесть утра! Белой ли полярной ночью, черными ли зимними сумерками.

Женский барак выгорожен из мужской зоны дощатым забором. От него ведут две калитки: правая — в женский барак, левая — в зону мужскую. Но все лагерные учреждения — УРЧ<sup>2</sup>, санчасть, начальница, клуб-столовая, баня — находятся на мужской территории. Женщины имеют туда официальный доступ трижды в день, для посещения столовой, и в особо установленные часы для прочих надобностей, в том числе и банной! Попутный визит дамы в мужской барак карается, но... дочери Евы подчас пренебрегают опасностью, особенно те, кто на работе не имеет возможности повидаться с избранником.

С ударом в рельсу пробуждаются в женском бараке от утренних грез и приступают к таинствам дамского туалета портнихи, обшивающие всех вольных граждан Абези, медсестры, уборщицы абезьских учреждений и предприятий, продавщицы-ларечницы, санитарки, экономистки, бухгалтерши, балерины, драматические инженеры и комические старухи, телефонистки, секретарши, чертежницы, поварики, инженер-конструкторши, труженицы подсобного хозяйства.

А в шести мужских бараках штабной потягиваются сумрачные бригады, механики авторемзавода, шоферы, крановщики, инженеры всех профилей, железнодорожные проектанты, геодезисты, референты, актеры всех жанров и положений, музыканты, машинисты сложных агрегатов, рабочие аэропорта — короче, заключенные люди *всех* профессий, имеющих первостепенное значение для строительства и занимающие среди контингента "вторых" (т. е. з/к) привилегированное положение *придурков*. Стоит ли добавлять, что их "привилегии" шатки и временны, не гарантированы от любых потрясений и начальственных каприздов...

Два барака, ближайшие к вахте, расположенные параллельно друг другу вдоль лагерного плаца, вмещают самых избранных придурков колонны. В правом бараке живет инженерно-технический персонал Северного управления строительства, в том числе и герой повести. В левом бараке квартируют участники Ансамбля КВО, проще говоря, здешнего крепостного театра (КВО — культурно-воспитательный отдел).

Уникальный этот театр имел две труппы — драматическую и "музкомедии", с полным комплектом актеров, певцов, музыкантов, художников и рабочих сцены. Были среди них величины крупные. К примеру — известный сценарист и кинорежиссер Леонид Леонидович Оболенский, главный дирижер Одесского оперного театра Николай Николаевич Чернятинский, пианист-концертмейстер скрипача Давида Ойстраха Всеволод Александрович Топилин, зам. главного художника Мариинского и Александринского театров Дмитрий Владимирович Зеленков, режиссер Радловского театра в Ленинграде Владимир Иогельсен, солист-премьер Киевского оперного театра Федор Редин... И таких — полторы сотни "вторых". Крепостной привесок к двум-трем вольнонаемным халтурщикам, специально приглашенным ГУЛАГом для "руководства" Ансамблем. Естественно, что это "руководство" сводилось к ежемесячному получению тысячерублевых зарплат, по сильному издевательству над заключенными работниками искусства и, по мере способностей, перениманию их знаний, умения и сценического опыта.

Инженеры-управленцы в своем бараке и артисты Ансамбля в своем обычно вставали с нар-вагонок полчасом позже соседей и сидели за завтраком, пока перед вахтой шел ежеутренний развод производственных бригад и работяг-бесконвойников. Постепенно плац пустел, бригады в сопровождении вохры расходились по жалким кустарным заводешкам и мастерским поселка. Развод заканчивался построением спаренной бригады работников управления и театра, им полагающийся один общий конвой, поскольку здания Северного управления и Абезьского храма муз отделялись друг от друга сотней метров обледеневшей или раскисшей грязи.

Начальник конвоя, пересчитав "по пятеркам" весь инженерно-театральный строй, поправлял револьвер на поясе и строго возглашал:

— Заключенные! Внимание! Колонна следует к месту работы. Разговоры в строю запрещены! Предупреждаю: выход из строя, шаг в сторону, прыжок вверх, отставание от строя считаются побегом. И тогда конвой применяет оружие БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ! Всем ясно?

После глухого ответного бормотания: "понятно, гражданин начальник", — вохровец бодро командует: "Направляющий! Шагом ы-ы-р-ш!" — и понурая толпа трогается с места.

Немногочисленное вольное население поселка Абези глядит из окон или даже делает приветственные жесты с пешеходных тропок, ибо среди этих эзков, одетых в бушлаты, куртки и брюки "улучшенного пошива", есть "любимцы публики", вроде тенора Аксерова или опереточной солистки Доры Александровны Петровой, недостижимо высоких на сцене и столь осязаемо близких (и зримо несчастных) в этом строю, медленно

<sup>2</sup> Учетно-распределительная часть — Прим. публ.

шествующем мимо проволочных зон и пирамидальных смотровых вышек с "попками" (часовыми).

И вот он — знакомый торец двухэтажного Дома связи (строил заключенный архитектор Янис Аманис) и — во всю ширь стены снежно белеет навстречу зэкам строгий китель товарища Сталина, окруженного ликующим народом с поднятыми над толпой детками и букетами (расписывал заключенный художник Дима Зеленков). И сияет голубыми тонами надпись, читаемая еще издали сквозь шесть или восемь ниток колючки:

Я другой такой страны не знаю,  
Где так вольно дышит человек!

Текст надписи (из "Песни о Родине") лично утверждал начальник Политотдела. Иные зэки полагали, что товарищ начальник не был все-таки начисто лишен чувства юмора... Однако Рональд не раз видевший и слышавший начальника, твердо убежден, что товарищ был элементарно правильным коммунистом и верил этой надписи. А что до проволочных зон, то... разве же они вмещали людей? Врагам же и вовсе не положено дышать в нашем царстве свободы и права!

Политотдел и пресловутый Первый отдел размещались невдалеке от технических служб. Даже в этих высоких политических органах дело не обходилось без применения труда зэков (т. е. нелюдей): они тут функционировали как уборщицы, домработницы в начальственных семьях (как некогда американские негры у белых хозяев в "Хижине дяди Тома"), служители канцелярий, художники-плакатисты (для уличной и внутриучрежденческой наглядной агитации)... Дневальным в жилище начальника Первого отдела трудился расконвоированный зэк из так называемых "социально-близких", т. е. рядовых уголовников, растратчиков или мелких жуликов. С этим бесконвойным уркой произошла история, прогремевшая на весь Север...

Начальник Первого отдела по чину — полковник. Персона! Со срочным заданием государственной важности он должен был лететь спецрейсом в Москву. Накануне отлета зашел к нему в гости другой начальник того же ранга. Зэк-дневальный был послан за водкой, а затем начальники еще дважды повторили поручение. В результате усердия дневального, оба начальника упились до такой степени, когда для отрезвления требуются долгие часы. Разбудить их утром оказалось просто невозможным. А "газик" уже нетерпеливо сигнализировал у крыльца.

И тогда дневального осенила счастливая и конструктивная идея!

Он надел полную полковничью форму, проверил в карманах и портфеле необходимые документы своего хозяина, с подобающей важностью уселся рядом с шофером в машине и решительно скомандовал:

— Поехали!

Газик доставил псевдоначальника прямо к самолету,

а пилот спецрейса — в назначенный пункт пересадки на обычную пассажирскую рейсовую машину.

Пересадка прошла беспрепятственно. Из рейсового самолета "спецпассажира" хладнокровно ступил на асфальт московского аэропорта и прямоком направился в гостиницу "Москва". Он, кстати, накануне сам телеграфно бронировал номер "Люкс" для гражданина начальника именно в указанном отеле.

Гость заказал себе в номер роскошный обед с коньяком и хванчарой (в этом он знал, видимо, толк!) и зазвал в номер приглянувшуюся ему девицу. Лже-начальник роскошествовал в своих апартаментах ровно 48 часов. На утро третьих суток непрерывного кейфа с гурией последовал финал: дверь номера распахнулась (во избежание лишнего шума и в предвидении развязки постоялец "Люкса" даже не запирался) и в апартаменты ворвался... сам товарищ начальник Первого отдела, на сей раз — собственной персоной и в трезвом виде.

— Партбилет!

Это было первое, похожее на рычание, слово из его оскаленной пасти.

— Пожалуйста.

Разбуженный зэк проворно вскочил, прикрывая скомканными трусами причинное место, и услужливо проблеял:

— Я его и не трогал-с! Он, как всегда... в левом нагрудном карманчике кителя... Извольте глянуть в шкаф: китель висит... на плечиках, как положено-с!

И только положив к себе в карман драгоценный красный билет, именуемый остряками "хлебной книжкой", полковник отвесил кейфующему зэку сочной шую из оплеух. А затем принял все необходимые административные меры, в итоге коих зэка-дневального вернули в Абезь тюремным спецконвоем. Потом, в самой Абези, неделями шли споры на всех колоннах, стояло ли зэку-дневальному так легкомысленно и мелко использовать редкостную нечаянную возможность замести следы на воле.

"Политики" или "фашисты", как ворье именует 58-ю, многозначительно отмалчивались, воры же безапелляционно одобрили действия дневального: дескать, "хоть день — да мой", а то ведь за всю жизнь потом не случится okazji кейфовать двое суток по номенклатурно-партийному разряду!

Но вот заключенным инженерам-правленцам, отнюдь не склонным к бутылочным утехам, но любящим свое родное дело, вовсе не приходилось прибегать к аферам и совершать обманные рейсы, чтобы действительно забывать подчас о своем подневольном положении и чувствовать себя как бы в своей привычной рабочей стихии.

Иной забывался, разрабатывая оптимальный вариант какого-нибудь особенно выгодного спрямления пути, другой самозабвенно рассчитывал переходные кривые, третий прикидывал, сколько, по местным условиям,

дать строителям на усадку дорожного полотна. А перед иным строгим специалистом-эконом кое-кому из вольняшек приходилось держать ответ, зачем, мол, нарушил проектные условия или график организации работ.

Забывался и наш герой Рональд, углубляясь в дебри технического перевода или каталогизируя новые поступления в техническую библиотеку. К нему постоянно обращались за всевозможными справками, а попутно он сам до тонкости изучил Генплан и технический проект всей трассы. Трудности тут вставляли перед строителями огромные, и плоховато верилось, что наличной техникой можно будет осилить всю запроектированную заполярную трассу длиной более полутора тысяч километров, с мостами через Пур и Таз. Почти вся трасса проектировалась по нехоженой, топкой, ерниковой тундре, где, судя по крупномасштабной, засекреченной карте, никакого стройматериала под рукой нет — ни для дороги, ни даже для жилья.

Реалистической представлялась лишь ближайшая задача — пробиться через Полярный Урал, и выйти к великой сибирской реке напротив старинного городка Обдорска (ныне — Салехард).

Дальнейшие же заполярные и зауральские тысячеверстия казались фантастикой... не одному Рональду! Только говорить вслух об этом не приходилось, ибо начальство намекало, будто трассу вдоль Обской Губы, по непроходимым болотам, лично наметил указующим своим перстом Самый Мудрый и Человечный из людей!..

...Гром грянул с ясного, казалось бы, неба. Впрочем, ясным оно могло представиться только несведущим северянам! Все события тех месяцев так беспощадно строго засекречены в нашей стране, что даже в тайных архивах самого ГУЛАГа они, вероятно, представлены очень пугающими и противоречивыми документами, донесениями, сводками.

Из более-менее достоверных рассказов свидетелей и очевидцев (Рональд встречал их позднее) составилась для него следующая картина тех событий.

На одной из штрафных колонн строящейся трассы (некоторые прямо называли колонну № 37 при известняковом карьере) отбывал свой срок заключенный генерал Белов, посаженный в лагерь под конец войны. Штрафники — в большинстве своем воры-рецидивисты — в прямом смысле "вкалывали" на каменном карьере, добывая известняк. Как талантливый военный стратег, Белов лично разработал план лагерного восстания, вовлек в заговор самых энергичных и волевых "урок" и сумел соблюсти полнейшую конспирацию, что очень нелегко в советских условиях, насыщенных доносительством.

Происходило это все еще в конце лета 1947 года.

Когда на исходе рабочего дня пришли на карьер три автомашины, снимать работяг и везти их в лагерь, заключенные штрафники, заранее припрятавшие кир-

ки и ломы, по общему сигналу бросились на конвоиров. Всех положили на месте. Те ээки, что раньше служили в армии, надели обмундирование и взяли оружие убитых. Все три шофера грузовиков участвовали в заговоре. Переодетые "конвоиры" доставили заключенных к зоне и с ходу атаковали вахту с диспетчерской связью, караульное помещение вохры и все караульные посты. Победа была одержана быстро и уверенно. Беловцы открыли ворота лагерной зоны и обратились к заключенным с призывом примкнуть к восстанию. У беловцев было теперь уже много оружия из вохровского арсенала — пулеметы, винтовки, автоматы с полными боекомплектами. Всем, кто не желал действовать вместе с восставшими, "даровалась свобода", то есть право бежать в окрестную тайгу. Большинство штрафников присоединилось к Белову.

Действовал он решительно и быстро, по-суворовски. У телефона-селектора (говорящего по этому телефону слышали одновременно на всех колоннах и в абезьском управлении) он оставил хладнокровного солдата, который умело поддерживал по всей линии иллюзию, будто бы "на Шипке все спокойно".

Тем временем два отряда беловцев атаковали и захватили еще и две соседние колонны, справа и слева от восставшей 37-й. Часть вохры успела скрыться в лесах. Вдобавок пронесся слух, будто где-то поблизости совершил посадку десантный гидроплан американских военных сил. Эта весть привела лагерную охрану по всей трассе в паническое настроение — оно ощущалось, правда недолго, и в самой Абези.

...Дальнейшее течение беловского восстания было нетрудно предвидеть: на колоннах объявили военное положение. С вышек беспощадно стреляли по заключенным, если те выходили после восьми вечера из барakov. Рональд едва не был убит — по забывчивости пошел было вечером в сортир. От дверей успел сделать полшага... Пуля, отщепив уголок дверной обкладки, прошла от головы в двух сантиметрах.

И вот, однажды утром, в сером облачном небе прогудели над головами абезьских жителей две эскадрильи тяжелых бомбардировщиков. С этих машин были сброшены в тундру десанты с приказом: пленных не брать!

Будто бы незадолго до этого повстанцам удалось захватить на пастбищах оленьи стада совхоза "Сивая маска". Олени пошли в пищу прорывающимся к морскому побережью отрядам повстанцев, а частично были использованы для транспортировки тяжестей — оружия и боеприпасов.

Упорно утверждали (притом утверждали именно вольные военные), будто сам Белов и еще несколько вожаков, при помощи портативной рации, сумели все-таки связаться с иностранным кораблем, пробиться к берегу и были взяты на борт норвежского судна...

...Потом, мимо станции Абезь, на протяжении недели, с прежним грохотом и лязгом, пронеслись те

же грузовые эшелоны, но в хвост этих составов часто бывали прицеплены мрачные "столыпины" — по-видимому, беловцев, уцелевших в бою, все же не успевали убивать на месте, в тундре. А может быть, увозили на следствии и казнь каких-нибудь "пособников" восстания?

Словом, после этих волнующих и кровавых событий, коснувшихся абезьских эзков и обывателей лишь сторонкой, наступили большие перемены к худшему в положении заключенных. Уменьшили чуть ли не вдвое количество эзков-бесконвойников. Запретили выводить в здание управления работающих в нем заключенных специалистов. Пришлось учинить филиал технических служб управления внутри зоны штабной колонны...

### Нет повести печальнее на свете. (о романе-хронике "Горсть света") Р. А. Штильмарк)

*Мой отец, писатель Роберт Александрович Штильмарк (1909—1985) известен как автор историко-приключенческого романа "Наследник из Калькутты", судьба которого не менее замысловата, чем его фабула. Роман был написан в глухой северной тайге в штрафной колонне № 33 знаменитой 503-й стройки ГУЛЖДС (одна из ветвей ГУЛАГа), соорудившей железную дорогу из Салехарда в Игарку. Он сочинялся на чердаке лагерной бани при тусклом свете двух коптилок без единого взгляда на географическую карту или в справочники.*

*Всесильный нарядчик В. П. Василенко, отбывавший длительный срок заключения, "заказал" роман случайно попавшему в его колонну литератору с тем, чтобы послать "свое" сочинение Сталину вместе с просьбой о помиловании. За освобождение от тяжелых общих работ отец добросовестно выполнил странный заказ в течение года, а спустя восемь лет, благодаря счастливым обстоятельствам и помощи ряда лиц (в частности, писателя И. А. Ефремова), "Наследник из Калькутты" был издан в Детгизе, переиздан в Иркутске и Алма-Ате. Затем он тридцать лет не переиздавался, находясь под негласным запретом Госкомиздата, и только с перестройкой пришла к нему широкая известность.*

*После освобождения отец издал около десятка прозаических книг, главной среди которых он считал "Образы России" (М. 1967) — рассказ о старых русских городах, их архитектуре и памятниках древней культуры. Но основной труд его жизни, над которым он работал с 1970 по 1981 год, это роман-хроника "Горсть света". Впрочем, жанр книги определить трудно. Это одновременно и мемуары от третьего лица (автор назвал себя Рональдом Алексеевичем*

*Вальдеком), и книга своеобразных новелл, и даже... детектив. Начальные главы, посвященные истории семейства, родителям и предкам, написаны с особой тщательностью. По отчетливым детским воспоминаниям даны яркие сцены первой мировой войны, затем следуют годы революции, нэпа, предвоенного периода.*

*Начало Великой Отечественной войны делит роман на две части. Через школьные, студенческие годы, журналистскую и преподавательскую работу, а затем через огненные смерчи Волховского и Ленинградского фронтов пролегает "крестный ход" героя книги, немолимо ведущий его в казематы Лубянки и Бутырок, за колючую проволоку подмосковных, североуральских и сибирских лагерей. Главы "Хлеб со слезами", "Страна Лимония", "Первые и вторые" (откуда взят наш фрагмент), дополняют художественно-документальную литературу о сталинском терроре.*

*Роман-хроника "Горсть света" в основе своей документален, но читается как увлекательная повесть, хотя и не вполне законченная. Надо учитывать, что вещь писалась в годы застоя, и многое, что тогда представлялось тяжелой крамоллой, сегодня воспринимается совсем иначе.*

*...Отец был человеком ярким, талантливым, деятельным. Обладая прекрасной памятью и даром рассказчика, он буквально завораживал своих слушателей и собеседников. Многие из его устных рассказов отражены на страницах "Горсти света". Писателю была присуща гражданственно-патриотическая жилка, он был ярким сторонником демократизации общества. Кстати, компетентные органы проявили весьма активный интерес к рукописи "Горсти света", изъяв (уже после смерти писателя) все ее экземпляры, кроме одного, который удалось сохранить. По нему-то и дана предлагаемая публикация.*

Публикация и послесловие Феликса Штильмарка.



## СКВОЗЬ ПЕРЕКРЕСТНЫЙ ОГОНЬ

11

До форта было миль семьдесят. Рейф Карадек ровным шагом ехал навстречу холодеющему ветру. В серьезности положения Бо Марша сомневаться не приходилось. Молодой ковбой серьезно ранен и ослаб от потери крови. Несмотря на поразительную жизнеспособность людей границы, без надлежащего ухода ему не выжить.

Наклонив голову навстречу ветру, Рейф направил коня вниз по каньону — туда, где склоны послужат частичным укрытием.

Думать о Тексе не имело смысла — что бы ни случилось в Пайнтед-Роке, теперь оно уже все равно стало свершившимся фактом. Бриско мог быть уже мертв; мог остаться целым и невредимым и направляться сейчас к Безумной Женщине; наконец, мог оказаться раненым и нуждаться в помощи. Ничего здесь нельзя было утверждать определенно; зато Бо Марш определенно висел между жизнью и смертью, а потому выбора не было.

Дружба и взаимопонимание между Рейфом Карадеком и

хмурым худощавым тегасцем возникли еще на борту "Мэри С". И Рейф не мог не оценить преданности тегасца, когда тот присоединился к походу в Вайоминг. И даже если сейчас Текс убит, если он погиб в схватке, участником которой никогда не стал бы, не последуй он за Рейфом сюда, — Бриско не хотел жить иначе. Преданность стала его судьбой. Это чувство было его убеждениями, религией, смыслом жизни.

И все же, несмотря на все беспокойство о Марше и Бриско, мысли Карадека вновь и вновь возвращались к Энн Родни. Что заставило ее примчаться и предупредить о предстоящем нападении? Если бы не ее предостережения, всадники Шюта убили бы Текса сразу же после того, как подстрелили Марша, а затем отправились бы в верхний каньон, разыскивая Рейфа и Джилла. Это кончилось бы — или могло кончиться — полным уничтожением.

Почему Энн их предостерегла? Из свойственного ей отвращения к насилию и убийствам? Или ею руководило иное, более сильное чувство?

Но могло ли это быть? Какие чувства могла испытывать Энн к кому-либо из них, будучи уверена, — а она, казалось, твердо верила, — что Карадек вор, а может быть, и того хуже? Но факт оставался фактом — она пришла и предупредила.

Окончание. Начало в №№ 8—10, 1993.

Думая о ней, Рейф вспоминал блеск ее глаз, гордо вскинутый подбородок, легкую походку.

Он мрачно вперил взгляд во тьму и тихонько выругался. Что он, влюблен, что ли? "А если? — яростно спросил он у ночи. — И что хорошего, если так?"

Он никогда не видел форта, однако знал, что тот построен в развилке Пайни. Путь туда пролегал по крутым холмам, через страну маленьких ручьев, берега которых поросли ивняком, зарослями вечнозеленых кустарников, сорной вишни и дикой сливы. Это была страна индейцев. Рейф знал, что брожение племен уже готово разразиться открытой войной. До него доходили слухи об отдельных нападениях на группы кочевников и дровосеков. А далеко на севере непрерывным нападениям подвергались пароходы на Миссури.

Красное Облако, наиболее влиятельный вождь сиу, пытался сохранить союз племен, а также, невзирая на постоянные нарушения договоров со стороны белых, удержать сиу в границах этих договоренностей. Его поддерживал Человек, Боящийся Собственной Лошади, вождь племени огаллала.

Поход Кастера в Черные Холмы, людской поток на тропах Ларами и Бо, измена раздражали сиу. Сидящий Бык при поддержке двух прославленных воинов, вождей племени — Безумной Лошади и Чернильного Орешка, все чаще заводил разговоры о войне. Она могла разразиться с часу на час. Знал все это и Рейф Карадек. И потому понимал, как нелегко будет уговорить доктора покинуть форт, а коменданта — дать на это разрешение. Перед началом военных действий место военного врача было в армии.

Слухи о стычке у ручья Безумной Женщины, избежать которой не удалось, невзирая на ее предупреждение, достигли Энн Родни вечером того же дня. Энн слышала, с какими ликующими криками появились на улице всадники Шюта. Ее потрясла весть о смерти Бо Марша. Даже некоторые из ковбоев Шюта резко порицали поступок Тома Блейзера. И хотя отряду Шюта пришлось отступить, опасаясь меткого огня из леса, они были довольны поездкой. Надвигалась зима, а дом на ручье Безумной Женщины уничтожен. К тому же они ошибочно полагали, что кроме Бо Марша им удалось убить и Текса Бриско, а еще кого-то одного — ранить.

С болью в сердце Энн вернулась в комнату и встала у окна. Ею овладело желание немедленно уехать отсюда — от этого тошнотворного насилия, ружей, убийств, от всех проблем пограничной жизни. Там, на Востоке — красивые дома по сторонам тихих улиц, медленно текущие реки, люди, спокойно прогуливающиеся воскресным утром... Вечера, друзья, театры, семейный уют.

Стоя у окна и глядя в темноту, Энн почувствовала вдруг, как все здесь ей опротивело. Она уедет, вернется на Восток. Брюс прав — надо уезжать отсюда; и когда он пойдет опять, она скажет, что готова. Брюс всегда был внимателен и тактичен. Он защищал ее, заботился, любил.

С неожиданной решимостью она отбросила все сомнения и принялась торопливо упаковываться.

Энн догадывалась, что Барков чего-то боится, но полагала, что это страх перед нападением индейцев. С утра прошел слух, что воинственно настроенные огаллала собираются в Холмах. О том, что Барков может опасаться Шюта, ей и в голову не могло придти.

Энн кончила паковать то немногое, что могло понадобиться в поездке, и в этот момент услышала стрельбу в "Национале". Она вздрогнула и, поблуднев, кинулась в соседнюю комнату. Джин Бейкер уже стоял с винтовкой в руках. Энн подбежала к миссис Бейкер, и две женщины замерли, обнявшись и прислушиваясь. Торговец посмотрел на них.

— Это не индейцы, — проговорил он несколько секунд спустя. — Скорее, какой-нибудь психованный ковбой празднует. Пойду, узнаю. Бейкер вернулся через несколько минут. Лицо его было серьезным.

— Техасец с ранчо Карадека, — пояснил он. — Пробрался в "Националь" с заднего хода и затеял перестрелку с Томом Блейзером и Толстяком Маккэби. Оба убиты.

Резкий хлопок выстрела разорвал ночь.

— Похоже, они его догнали, — сказал Бейкер. — Их слишком много для одного.

О том, что произошло на самом деле, они узнали только утром. Выяснилось, что Текс Бриско застрелил Джо Гормана, когда тот подкараулил его в роще возле лошади; Текс ускользнул, но, судя по всему, тяжело ранен. Теперь за ним гонятся по кровавому следу.

Сперва Бо Марш, а теперь Текс Бриско. Жив ли Джонни Джилл? И жив ли Рейф? Если даже жив, то один, травимый как кролик гончими.

Энн беспокойно мерила комнату шагами. В магазине толпились ковбои Шюта. Они покупали патроны и группами по четыре-пять человек отправлялись обшаривать холмы в поисках Текса Бриско.

Брюс Барков появился вскоре после завтрака. Он выглядел усталым и озабоченным.

— Если мы едем, Энн, то сегодня. Тут все идет к черту, сплошные убийства.

Она колебалась лишь мгновение. В душе у нее что-то опало и умерло.

— Хорошо, Брюс. Хоть сейчас.

В голосе ее — ни искры, ни огня, но Барков не обратил на это внимания. Главное — она поедет. А женившись, он обретет и права на землю. И тут уже Шют со всеми своими угрозами и жестокостью окажется бессилем.

— Хорошо, — сказал он. — Выезжаем через час. Но пока — никому ни слова. Мы отправимся в коляске, как на обычную прогулку.

Бейкер был настолько обеспокоен, что, казалось, даже постарел. Дважды заходил к ковбои. До Энн доносились разговоры о том, что Текс Бриско все еще не пойман. Поначалу его путь удалось проследить; похоже было, что лошадь сама несла всадника, но потом ее следы уводили в горную речку — и исчезли.

Бесследно исчезли и Бо Марш с Джонни Джиллом. Ковбои Шюта вернулись на ранчо Барм, сломали ограждение корраля и обыскали лес; однако им удалось найти лишь грубый шалаш, в котором, очевидно, укрывался раненый. Если Марш убит, его, по всей видимости, похоронили, тщательно замаскировав могилу. Обнаружены только следы единственной лошади, уходившие на восток или северо-восток.

На одной лошади на восток! Сердце Энн Родни дало странный перебой. На восток — это значит к форту! Может быть... Но нет, это же глупость! Почему это должен быть именно Карадек, а не Джонни Джилл? И почему к форту? Невольно она высказала свои сомнения вслух. Бейкер посмотрел на нее.

— Похоже, один из них действительно отправился туда. Если Марш жив, то он, должно быть, очень плох. А единственный врач поблизости находится в форту.

Хлопнула входная дверь, и Бейкер вышел из комнаты. Послышался короткий обмен сердитыми репликами. Потом занавеска вновь откинулась. Энн подняла глаза и испуганно вздрогнула.

Перед нею стоял Дэн Шют. Лицо его, за исключением усов, вопреки обыкновению, было чисто выбрито.



— Не вздумайте делать глупости, — сказал он. — Например, не пытайтесь уехать. Я вам этого не позволю.

Энн встала — изумленная и разгневанная.

— Не позволите мне? — вспыхнула она. — Это не ваше дело!

Шют стоял, уперев огромные руки в бока, и нагло разглядывал ее.

— А я хочу, чтобы это стало моим делом, — проговорил он. — Я растолковал Баркову, как он должен теперь к вам относиться. Если ему это не нравится — он может заявить об этом и умереть. Я не слишком привередлив. Я только хочу, чтобы вы знали — с этого момента вы принадлежите мне.

— Послушайте, Шют! — вмешался Бейкер. — Вы не имеете права разговаривать так с порядочной женщиной!

— Заткнись! — отозвался Шют, пристально глянув на него. — Я разговариваю так, как мне нравится. Я говорю с ней. Если она попытается уехать — я тотчас же заберу ее на ранчо. А если она подождет, — Шют беззастенчиво оглядел Энн сверху донизу, — я, может быть, женюсь на ней. Не знаю, зачем, — добавил он, злобно глядя на Бейкера. — И попробуй только вмешаться — я тебя вмиг раздавлю. Эта женщина не для такого слабака, как Барков. Думаю, со временем я ей достаточно понравлюсь. Так будет для нее же лучше. Он повернулся к двери. — И не вздумайте ничего затевать. Отныне я здесь закон — и единственный закон.

— Я обращусь в форт, — заявил Бейкер.

— Только посмей — и я убью тебя, — пообещал Шют. — Армии хватит собственных забот. Сегодня ночью отряд сиу напал на почтовую станцию — убили трех человек и угнали лошадей. Солдат, косивших сено неподалеку от Пацци, обстреляли, и один из них ранен. Армия, как видишь, слишком занята собственными проблемами. Кроме того, — добавил он, усмехаясь, — по распоряжению коменданта форта при угрозе нападения индейцев мне надлежит принять на себя командование в Пайнтэд-Роке.

Он повернулся и вышел из комнаты. Энн обессиленно опустилась на стул. Джин Бейкер подошел к конторке и вытаскил револьвер. Лицо его разом осунулось и окаменело.

— Не надо, — сказала Энн. — Я уезжаю, дядя Джин.

— Уезжаешь? Куда? С кем?

— С Брюсом. Я собиралась сказать вам, но кроме вас — никому ни слова. У меня уже все собрано.

— Барков? — Бейкер пристально посмотрел на Энн. — Что ж, почему бы и нет. По крайней мере, он хоть наполловину джентльмен. А Шют — животное, скотина.

Задняя дверь беззвучно открылась, пропустив Брюса Баркова.

— Был здесь Дэн?

Бейкер в нескольких словах рассказал о визите Шюта.

— Лучше оставьте эту затею с коляской, — посоветовал он, когда Барков поделился своими планами. — Возьмите лошадей и поезжайте по тропе вдоль ручья. Уезжайте в полдень, когда все будут обедать. Сначала по тропе Беннока, затем на северо-восток — и кружным путем к форту. Они подумают, что вы пытаетесь добраться до золотых приисков.

Барков кивнул. Он был бледен, но выглядел решительно.

Близился полдень. Когда улица опустела, Брюс Барков оседлал лошадей. Они направились к лесу шагом, чтобы пыль глушила удары копыт, затем свернули по тропе Беннока. Мили через две Барков въехал в ручей, и некоторое время они продолжали путь по воде. По-видимому, им удалось ускользнуть успешно — никаких признаков погони. И тем не менее Барков заметно нервничал. Все пути назад отрезаны. Если Шют догонит их, будет убит на месте — Шют не из тех, кто

может простить подобное. Барков сделал короткую передышку лишь по настоянию девушки — и еще для того, чтобы дать отдых лошадям. Энн посидела на траве, а Барков все время расхаживал взад и вперед, поглядывая на тропу, по которой они приехали. Когда они вновь очутились в седлах, Барков, казалось, чуть расслабился.

— Вы можете подумать, что я трус — сказал он, — но больше всего я боюсь за вас. Боюсь того, что сделает Шют, когда вы окажетесь у него в руках. Я плохо владею револьвером. Он убьет нас обоих.

— Знаю, — серьезно кивнула Энн.

Этот человек, которому вскоре предстояло стать ее мужем, производил на нее все меньшее впечатление. А его уверениям, будто он думает лишь о ней, как-то недоставало искренности. Впрочем, при всех своих недостатках, Барков был попросту слабым человеком, созданным для цивилизованной жизни, а не для границы.

Они ехали вперед, и миля за милей пролегли между ними и Пайнтэд-Роком.

12

Вздрогнув, Рейф Карадек проснулся от звука трубы. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, где он находится. Затем он вспомнил — в кровати, в одной из комнат форта. Вчера комендант отказался разрешить хирургу покидать укрепление ночью; только утром и непременно с эскортом. Вместе с лейтенантом Райсоном они образуют разведывательный отряд, совершат рейд вокруг каньона Безумной Женщины и вернутся обратно в форт.

Гарнизон форта был малочисленным, поскольку теперь он использовался лишь в качестве базы летучих разведывательных отрядов в тех случаях, когда возникала опасность восстания индейцев. Это не был больше укрепленный форпост Армии Соединенных Штатов, а просто укрепленный лагерь.

Дальше к югу располагался пост Форт-Феттерман, названный так в честь печально известного героя знаменитой феттермановой резни. Отряд из семидесяти девяти солдат и двух штатских под командой бывалого майора Джеймса Пауэлла должен был оказать помощь частям, сражавшимся с индейцами. Но случилось так, что подполковник Феттерман воспользовался своим званием, чтобы перехватить командование. Презируя военное искусство индейцев, он решил преследовать их за перевалом. В форте Фил-Кирни услышали стрельбу, но помощь запоздала: весь отряд, до единого человека был уничтожен.

Рейф быстро оделся и поспешил к выходу. Первым, кого он увидел, оказался лейтенант Райсон.

— Доброе утро, Карадек! — улыбнулся тот. — Труба разбудила?

— Не впервой, — кивнул Карадек.

— Значит, вы служили? — поинтересовался лейтенант, бросив на Рейфа быстрый взгляд.

— Да, — Карадек обвел глазами частокол. — Я был с Сюлли. И еще немного в Мексике и в Гватемале.

— Значит, вы тот самый Карадек? — Райсон посмотрел на Рейфа с уважением. — Наслышан о вас. Майор Шихан будет рад узнать об этом. Он ваш почитатель, сэр! — Кивком головы лейтенант указал на двух усталых, покрытых пылью лошадей. — Вы не единственный, прибывший из Пайнтэд-Рока. Под утро на этих лошадях приехали еще двое. Некто Барков и с ним девушка. К тому же хорошенькая — везет же собаке! — Женщина? Девушка? — насторожился Рейф.



— Ну да, — удивленно взглянул на него Рейсон. — Ее зовут мисс Родни. Она...

— Где она? — отрывисто перебил Рейф. — Где она сейчас?

— Да вон же, — слегка улыбнулся Райсон. — Это ваша знакомая?

Но Рейф уже не слышал вопроса.

Энн стояла в дверях одного из частично восстановленных зданий. При виде Карадека глаза ее расширились.

— Рейф? Вы здесь? Вам удалось скрыться?

— Я приехал за доктором для Марша. Он очень плох. — скороговоркой пояснил Карадек, всматриваясь ей в лицо. — А вы — что вы здесь делаете? С Барковым?

— А почему бы и нет? — Энн явно была задета его тоном. — Разве вас это касается?

— Ваш отец просил меня позаботиться о вас. А если вы выйдете замуж за Баркова, окажется, что я не сдержал слова.

— О! — в голосе ее прозвучали льдинки. — Вы все еще утверждаете, что знали моего отца? Полагаю, мистер Карадек, вам лучше забыть об этой истории. Я помолвлена с Брюсом, и теперь намерена выйти замуж. В форте есть капеллан. А потом мы доберемся до реки и спустимся в Сент-Луис.

— Я не позволю вам сделать это, Энн, — хрипло сказал Карадек.

— Вы мне не позволите? — вся накопившаяся в ней усталость, напряжение и что-то еще, не поддающееся определению, выплеснулись в этих гневных словах. — Это не ваше дело! А теперь, с вашего позволения, я жду Брюса. Оставьте вы меня, наконец?

— Нет, — яростно выплеснул он. — Я ни за что этого не сделаю. Я повторю вам то же, что говорил раньше. Я знал

вашего отца. Он оформил дарственную на ранчо — на ваше и мое имя. Он просил меня позаботиться о вас. Он отдал мне и расписку Баркова в получении денег по закладной. Я хотел, чтобы все это было иначе, Энн. Я...

— Карадек! — окликнул его Райсон. — Мы готовы!

Рейф оглянулся. Маленькая кавалькада ожидала его, лошадь уже была оседлана. Он снова посмотрел на девушку — губы ее стиснуты, глаза горели.

— А, что толку! — вспыхнул он. — Выходите замуж за кого угодно!

Повернувшись, он подошел к лошади, вскочил в седло и уехал не оглянувшись.

Уже приоткрыв рот, чтобы заговорить, Энн Родни смотрела вслед исчезающим всадникам. Неожиданно ее гнев прошел. Она смотрела на закрывающиеся ворота с чувством, близким к панике. Что она натворила? А если Рейф сказал правду? Совершил ли он хоть один поступок, который заставил бы сомневаться в нем? Озадаченная собственными чувствами к этому пришельцу, о котором она так мало знала, но так много думала, Энн стояла, приподняв руку в незаконченном прощальном жесте, когда увидела двух мужчин, вышедших из-за угла дома, в грубой одежде рудокопов.

Они подошли к ней и остановились — один плотный, приземистый, с твердым ртом и мощным подбородком, другой молодой, светловолосый и тонкий.

— Ма'ам, — сказал тот, что постарше, — мы только что с реки. Майор сказал, что вы хотите уехать. Если вы подскажите, где найти вашего мужа, мы можем продать ему наши лодки.

Она покачала головой.

— Я еще не замужем. Вам надо повидать моего жениха, Брюса Баркова. Он в столовой.

Молодой человек, робея, вступил в разговор.

— Ма'ам, говорят, вы из Пайнтэд-Рока. Вы не слышали там о человеке по имени Рейф Карадек?

— Рейф Карадек? — Энн выпрямилась и быстро взглянула на юношу. — Вы его знаете?

Он кивнул, довольный ее внезапным интересом.

— Да, ма'ам. Мы его товарищи по плаванию, я и мой партнер, Рок Муллени. Меня зовут Пенн, ма'ам, Рой Пенн.

Сердце ее внезапно забилось. Кусая губы, она некоторое время смотрела на молодого человека, потом осторожно поинтересовалась:

— Вы были с ним на судне?

— Так оно и есть.

Пенн казался озадаченным и стал осторожнее. Он не забыл, как они покинули "Мэри С". Конечно, с тех пор прошло много месяцев, до моря отсюда достаточно далеко, но преступление оставалось преступлением.

— А не было ли... на борту... человека по имени Родни?

Теперь Энн не могла на них смотреть — отвернувшись, она уставилась на часток, почти боясь слышать ответ. Она скорее почувствовала, чем заметила приближение Баркова.

— Родни? Уж это точно! Чарлз Родни — хороший был человек! Он умер у берегов Калифорнии после... — Пенн заколебался. — А вы, часом, ему не родственница, ма'ам?

— Я дочь Чарлза Родни.

— О! — глаза Пенна прояснились. — Значит, вы та девушка, которую собирался разыскать здесь Рейф! Подумать только! — Он повернулся. — Эй, Рок! Это Энн Родни, девушка, из-за которой Рейф отправился сюда. Дочь Чарли!

Брюс Барков замер. Его темное лицо насторожилось.

— Что? — резко спросил он. — Что вы сказали?

Пенн посмотрел на него.

— Не волнуйтесь, мистер. Да, мы знали отца этой леди. В Сан-Франциско его зашанхаили и увезли на корабль.

Лицо Брюса заледенело. Вот оно, в последнюю минуту! Теперь конец всему. Он в ловушке. По лицу Энн он видел, что к ней понемногу приходит понимание того, как он лгал, как предал ее и даже — Барков видел, как эта мысль отразилась в ее глазах — что он, возможно, убил ее отца. Вены вздулись у него на лбу и на шее. Он свирепо уставился на Пенна, словно загнанный в угол зверь.

— Ты лжешь! — прорычал Барков.

— Не смей так говорить! — яростно воскликнул Пенн. — Будь у меня револьвер, ты проглотил бы это оскорбление!

Если Барков и расслышал последние слова, то они не произвели на него впечатления. Рука его уже опускалась. Пенн отступил, широко раскинув руки, и Брюс Барков с лицом, побагровевшим от ярости и крушения всех надежд, дважды выстрелил. В глазах Пенна застыло удивление.

— Нет... револьвера... — он задохнулся. — Я без... револьвера...

Его шатнуло, он задел за угол военного фургона и упал ничком.

Барков посмотрел на убитого, потом поднял искаженное гневом лицо. За миг до полного успеха он попал в ловушку, а теперь еще и стал убийцей.

Повернувшись, Брюс вскочил в седло. Ворота были открыты, чтобы пропустить воз с дровами, и он с хриплым криком ударил лошадь, чтобы успеть проскочить. Отовсюду сбегались люди. Потрясенный Рок Муллени слепо шарил руками по поясу. У него тоже не было револьвера. Он взглянул на Энн.

— Мы никогда не вязывались в перестрелки. — Он растер

руками лицо, постепенно приходя в себя. — Ма'ам, за что он застрелил Роя?

Энн смотрела на него, присмирив при виде горя, написанного на жестком лице человека.

— Барков убил моего отца! — сказала она.

— Нет, ма'ам. Если вы дочь Чарлза Родни, то должны знать, что ваш отец умер на борту судна, у нас на глазах.

— Знаю, — кивнула Энн. — Но все равно это дело рук Баркова. И какая же я была дура! Ужасная дура!

Офицер, стоявший на коленях подле тела Пенна, поднялся, посмотрел на Муллени, а затем перевел взгляд на Энн.

— Он мертв.

Внезапно Энн обрела решимость.

— Майор, проговорила она, — я хочу догнать разведывательный отряд. Не одолжите ли вы мне свежую лошадь? Моя совсем выдохлась после этой ночи...

— Это будет небезопасно, мисс Родни, — запротестовал майор. — Совсем небезопасно. Там индейцы. Ума не приложу, как сумели добраться сюда Карадек и вы с Барковым. — Он жестом указал на тело Пенна. — Что вы об этом знаете?

Коротко и точно Энн описала ему происшедшее. Она не пыталась ни обелить себя, ни опустить какие-то подробности. За несколько минут она изложила всю историю.

— Понимаю, — майор задумчиво посмотрел на ворота. — Если бы я мог выделить вам сопровождающих, я бы сделал это, но...

— Если она знает дорогу, — вмешался Муллени, — я провожу ее. Мы с Пенном собирались посмотреть, как идут дела у Рейфа.

— Это может вам стоить жизни, — предостерег майор.

— Мне случалось рисковать жизнью и раньше, — пожал плечами Муллени. — Кроме того, он провел ладонью по лысине, — мой скальп вряд ли соблазнит индейцев.

Свежие лошади не требовали шпор. Муллени не был новичком на Западе, в жизни ему пришлось перепробовать едва ли не все мыслимые профессии. И его не волновал тот риск, на который им пришлось пойти. Дорога располагала к беседе и Муллени часами рассказывал спутнице о своей жизни на борту "Мэри С", о дружбе ее отца с Рейфом Карадеком, обо всем, что делал Карадек, чтобы облегчить старому скотоводу тяготы матросского труда и судовой жизни, как сберегал для него скудный матросский паек.

— Карадек? — сказал под конец Муллени. — Это один из лучших людей, которых я знал. Боец — вот он кто. Видели бы вы, какую взбучку он задал этому Борджеру! И если бы не Рейф — никому из нас не удалось бы сбежать. Он это задумал и осуществил.

Некоторое время они ехали молча. Теперь Энн понимала, что всегда должна доверять своей интуиции. Ведь инстинктивно она никогда не верила до конца Баркову и наоборот — с самого начала ощущала доверие к Рейфу.

Он убивал людей, да. Но каких? Бонаро и Триггер Бойн, оба признанные и хвастливые убийцы; они недостойны даже попирать ту же землю, что и Рейф. Энн чувствовала, что должна найти Карадека, должна!

Ветер стал холоднее, и она посмотрела на Муллени:

— Похоже, выпадет снег.

— Точно, — мрачно кивнул тот. — Вроде бы еще не время, но такое бывало и раньше. А если задует северный ветер... — он покачал головой.

Они разбили лагерь, пока еще было достаточно светло. Муллени зажег костер — из сухих веток, почти бездымный. Пока Энн готовила ту немудреную еду, что захватила с собой, Муллени растер лошадей пучками сухой травы.

— Сумеете ли вы найти дорогу в темноте? — спросил он.  
— Да, наверное. Отсюда довольно легко, потому что видны горы.

— Ладно, — сказал он, — тогда будем двигаться.

Энн нравился этот плотный моряк и ковбой. Она ехала впереди, уверенно заставляя лошадь идти быстрой рысью. Энн остановилась. Муллени подъехал к ней.

— В чем дело?

Девушка молча показала на следы одинокой лошади, пересекавшие путь отряда.

— Думаете, это Барков? Возможно... Солдаты ведь не знают, что произошло. Он может присоединиться к ним в поисках защиты.

Тут в голову ему пришла тревожная мысль, и он с беспокойством взглянул на Энн:

— А вдруг он попытается убить Карадека?

Она вздрогнула. Энн отдавала себе отчет в том, что такое вполне возможно. Что оставалось терять Брюсу? Он стал изгоем, и еще одно убийство ничего не изменило бы в его судьбе. А причиной постигшего его краха был Рейф Карадек.

— Он может, — согласилась Энн. — Может.

Несколькими милями западнее, положив винтовку поперек седла и наклонив голову встреч ветру, ехал Брюс Барков. Надежда метким выстрелом прикончить Карадека не покидала его. Задача казалась вполне посильной, а солдаты все равно списали бы эту смерть на индейцев. Впрочем, существовал и лучший путь: покончить со всеми разом. Если бы Баркову удалось обогнать отряд и первым разыскать Бо Марша и Джонни Джилла, он мог сперва пристрелить их, а потом Карадека. А если после этого он сумеет избавиться и от Шюта. Гомер окажется вынужден присоединиться к Баркову. Может быть, в конечном счете Дэн Шют был прав; может быть, убийство действительно является лучшим средством решения всех проблем.

Всесторонне и тщательно обдумывая эту идею, Барков свернул с дороги, по которой следовали солдаты. Существовал другой путь — безопаснее и короче. Он направился к заброшенной теперь старой тропе Боузмена.

Барков поглотившее запахнул куртку, защищаясь от все усиливающегося холода. Его лихорадило — от беспокойства, от неуверенности в себе, к которым примешивалась ненависть к Карадеку, Шюту, Энн Родни и ко всему вообще.

Ночь не заставила его остановиться — лишь дважды он позволял себе короткие передышки. Когда он тронулся в путь во второй раз, уже начинало светать. Садясь в седло, Барков почувствовал, как щеки коснулись снежинка. Барков почти не замечал, что хлопья постепенно становятся все крупнее и гуще, а вот лошадь проявляла признаки беспокойства.

Барков знал, что Джилл и раненый исчезли. Люди Шюта не нашли их возле сгоревшего дома. До появления Карадека Брюс Барков не раз бывал в этом доме и хорошо знал окрестные холмы. Примерно в полумиле за домом в скалах находилась глубокая пещера, защищенная от посторонних глаз молодым лесом. Если Джонни Джилл отыскал эту пещеру, он мог перетащить Марша туда. Это было достаточно вероятно.

Брюс Барков не беспокоился о следах, которые оставлял за собой. Индейцы в такую суровую погоду вряд ли появятся, а идущий из форта отряд не отклонится так далеко на север.

Барков приближался к первой гряде холмов, отделявших Лонг-Вэлли от равнины, плавно понижавшейся к Паудер-ривер и старой тропе Боузмена. Он въехал в сосняк и начал подъем, исполненный решимости убивать. Ум его обострился, как у голодного койота. Загнанный в угол, лишенный предме-

та вожделений, Барков видел единственный выход в том, что-бы победить или отомстить во всеобщем и массовом убийстве.

Единожды убив, он без колебаний решился убивать еще и еще.

Он не заметил всадника на крупной серой лошади, который уже некоторое время следовал за ним. Барков не оглядывался назад, а усилившийся снегопад настолько сократил видимость и поглотил звуки, что догонявший его всадник казался просто тенью.

Справа, за недавно еще голой, а теперь покрытой снегом вершиной холма, чернело пятно сочащейся нефти. Поравнявшись с ним, Барков натянул поводья и посмотрел вниз.

Вот она, причина всего. Ключ к богатству — такому, какого только может желать человек. Люди убивали и за меньшее. Брюс знал, где расположены еще четыре таких же выхода нефти, а стоила эта нефть от двадцати до тридцати долларов за баррель.

Барков слез с лошади и помешал нефть палкой. Она была вязкой, загустевшей от холода. Ее вид придал ему уверенности — что ж, он все еще может выиграть.

В этот момент Брюс услышал, как скрипнул под чьими-то ногами снег, и взглянул наверх. Фигура облаченного в тяжелую куртку Дэна Шюта, восседавшего на крупном жеребце, показалась ему гигантской. Шют сверху вниз посмотрел на Баркова:

— Попробовал удрать с ней, а? Я всегда знал, что в тебе есть что-то от койота, Барков.

Он поднял руку с зажатым в ней револьвером. Потрясенный Барков, не веря собственным глазам, следил за медленным движением ствола. Его собственный револьвер был зажат за пояс под короткой, толстой курткой.

— Нет, — задохнувшись, прохрипел он. — Не надо! Дэн...

Последнее слово сорвалось в визг, прерванный резким, коротким хлопком выстрела. Брюс Барков медленно согнулся и, схватившись за живот, упал в черную нефть, по которой стало расплываться красное пятно.

С минуту Дэн Шют неподвижно сидел, глядя вниз. Потом повернул лошадь и двинулся прочь. У него были свои планы. Перед тем, как начался буран, он заметил с перевала идущий из форта отряд. За ним на некотором отдалении следовали еще двое. И Шют подозревал, кем они могли быть. Предположение это стоило проверить.

13

Со всей возможной скоростью пробиваясь сквозь снегопад, отряд достиг развалин дома у каньона Безумной Женщины на второй день по выходе из форта. От лошадей поднимался пар, а дыхание людей и животных туманом повисало в воздухе.

Никаких признаков жизни не было видно. Рейф слез с лошади и огляделся. Гладкая поверхность снега нетронута, но он сразу заметил, что с тех пор, как он уехал за помощью в форт, здесь многое изменилось. Кораль сломан, шалаш покинут.

Лейтенант Райсон задумчиво посмотрел по сторонам.

— Мы опоздали? — спросил он.

Карадек колебался. Открывшееся его глазам не внушало надежд, но...

— Не думаю, — ответил он. — Джонни Джилл не дурак. Он что-то придумал. Кроме того, нигде не видно тел.

Он мысленно прошелся по каньону. Далеко уйти Джилл с раненым Маршем, безусловно, не могли. Наиболее многообещающим убежищем казался молодой лесок. Карадек напра-

вился туда. Райсон отдал приказ спешиться, и солдаты начал разводить костер.

Хирург Милтон Уэйт некоторое время смотрел вслед Рейфу, потом направился за ним. Догнав Карадека, он поинтересовался:

— Нет ли поблизости пещер?

Рейф остановился, размышляя.

— Могут быть, Но я о них не знаю. Джонни — тот много бродил в этих местах, может, и нашел одну. Давайте посмотрим. — Затем в голову ему пришла новая мысль. — Им ведь нужна вода, док. Пойдемте-ка к ручью.

В одном месте лед, которым уже покрылся ручей, был сломан.

— Кто-то пил здесь после того, как ударил мороз.

Рейф опустился на колени и начал медленно ощупывать снег.

— Нашли что-нибудь? — полюбопытствовал врач, которому действия Карадека оставались совершенно непонятными.

— Да. Тот, кто брал воду из ручья, пролил немного в этом месте. Вода замерзла — я нащупал льдинки. Значит, воду брали с этой стороны. — Медленно передвигаясь, он продолжал ощупывать снег. — Вот, опять. Здесь ледяное кольцо — ведро ставили на снег. — Карадек выпрямился, внимательно изучая горный склон. — Они где-то здесь, наверно. У них есть ведро, и один из них может ходить сюда за водой. Правда, найти их будет чертовски трудно. Впрочем, им нужно и топливо. Где-то пришлось ломать сучья, собирать дрова — но, конечно же, далеко от убежища. Для этого Джилл достаточно опытен. — Рейф указал на ближайшую группу деревьев на склоне. Не исключено, что он укрылся за этими деревьями. Добравшись туда, он, вероятно, поставил ведро, пока осматривался и удостоверился, что его никто не видел.

Уэйт заинтересованно кивнул.

— Хорошая мысль. Давайте посмотрим.

Они подошли к деревьям. После нескольких минут поисков Уэйт наткнулся на такой же ледяной кружок, скрытый под тонким слоем снега.

— А дальше куда? — спросил он.

Рейф поколебался, осматриваясь. Обычно человек автоматически следует по кратчайшему пути. Вот как раз подходящий просвет между деревьями. Карадек шагнул, потом остановился.

— Точно. Видите? На этой ветви снега мало. Вероятно, он задел ее, проходя мимо.

Карадек сознавал, что все это только догадки. Тем не менее, пройдя ярдов триста, посмотрел вверх и заметил скалу, просунувшую между деревьями каменное плечо. Возле ее основания громоздились валуны и обломки каменных плит.

Он направился туда и почти сразу же заметил на снегу кусочки коры и той древесной пыли, что скапливается между корой и сердцевинной стволы. Он обратил на это внимание Уэйта.

— Здесь он носил дрова.

Они остановились, и Рейф втянул носом воздух. Запаха дыма не чувствовалось. Живы ли они? Не довершил ли холод того, чего не смогли сделать пули? "Нет, — решил он — Джонни Джилл достаточно хорошо умел позаботиться о себе".

Рейф шел между камнями, сворачивая там, где поворот казался естественным. Неожиданно глазам его предстала наклонная гранитная плита, опиравшаяся на большой валун. Под ней было сухо. Рейф наклонился и заглянул внутрь. Там было темно и тихо, но какое-то шестое чувство подсказывало Карадеку, что здесь не так пусто, как кажется.

Согнувшись, они пробрались в пещеру. Впрочем, поначалу

это не было настоящей пещерой — просто обломок каменной плиты, создающий частичное убежище. Но футов через пятнадцать плита кончилась под густыми кустарниками и тогда они увидели вход в настоящую пещеру, давным-давно сотворенную усилиями воды и ветра, и так хорошо скрытую валунами и кустарниками, что обнаружить ее можно было лишь с того места, где они находились.

Пещера добрых пятидесяти футов в глубину представляла собой гигантскую выемку, образовавшуюся в одной из стен диагональной расщелины, расщепившей скальный массив. Они ступили на сухой песок и в тот же миг услышали голос Джилла.

— Привет, Рейф! — он вышел из-за кучи каменных обломков. — До сих пор я не мог видеть, кто идет. Винтовка у меня наготове, и появившись тут кто-нибудь другой, он мог пожалеть об этом. — Джилл выглядел похуевшим и усталым. — Он здесь, док, и бредил всю ночь.

Пока Уэйт занимался раненым, Джилл с Рейфом отошли ко входу.

— Что произошло? — с просил Джилл. — Я уж подумал было, что они заполучили тебя.

— Нет, этого им не удалось. Но о том, что происходит, я знаю не слишком много. Энн в форту с Барковым. Говорит, что выходит за него.

— Что с Тексом? — быстро с просил Джилл.

— Исчез бесследно, — нахмурившись, покачал головой Рейф. — Не знаю, что произошло в Пайнтэд-Роке. Я отправлюсь туда, как только сообщу лейтенанту, где находится док. Тебе придется остаться здесь, потому что док должен вернуться в форт.

— А ты — в Пайнтэд-Рок?

— Да. Я убью Дэна Шюта.

— Хотел бы я посмотреть на это, — мрачно проговорил Джилл. Но будь осторожен. — Маленький ковбой серьезно взглянул на Рейфа. — Что же все-таки с девушкой, босс?

Стиснув зубы, Рейф уперся взглядом в каменную стену пещеры.

— Не знаю, — угрюмо сказал он. — Я пытался ее отговорить, но, кажется, не слишком тактично.

— А ты сказал, что любишь ее? — заткнув за пояс большие пальцы, полюбопытствовал Джилл.

— С чего ты взял? — вытаращил глаза Карадек.

— Сужу по приметам. Ты стал сам не свой с тех пор, как увидел ее. Вы с ней одной породы, босс.

— Может быть. Но она, похоже, считает иначе. Она ни разу не захотела выслушать правду об отце. А на этот раз мы оба сорвались.

— Может, я и не разбираюсь в тонкостях обхождения с женщинами, но кое-что я все-таки заметил, босс. Сдается, объяснись ты ей в любви и она бы никогда не ушла с Барковым.

Рейф думал об этих словах по дороге в Пайнтэд-Рок. Он еще не решил, что будет делать. Не представлял себе, где и как найдет Дэна Шюта. Он знал только, что должен его разыскать.

Доложив Райсону о положении дел, Карадек в одиночку отправился в Пайнтэд-Рок. Он уже хорошо знал горную тропу. Даже непрекращающийся снегопад не заставил его отложить поездку.

Его сжигал внутренний огонь. Безрассудная отвага гнала Рейфа вперед; он должен был разрядить внутреннее напряжение действием, стрельбой. Все его враги были на виду, а карты лежали на столе открытыми.

Баркова он мог не принимать в расчет. Главное добраться



до Дэна Шюта; при этом не стоило упускать из виду и Пода Гомера. То, что собирался сделать Карадек, было не меньшим своеволием, чем действия Баркова и Шюта, но за ним стояла справедливость.

Как раз перед рассветом этого второго, рокового дня Муллени остановился на короткий привал в маленьком лесистом распадке неподалеку от холмов. Не только лошади, но и девушка нуждались в отдыхе. Снега выпало уже много, и потому удалось расчистить лишь небольшое место. Когда они поели и выпили сваренный им кофе, Муллени встал.

— Собирайтесь, — сказал он, — а я пока приведу лошадей.

Всю ночь он размышлял над тем, что сделает, встретив Баркова. Он видел, как тот вытаскивал револьвер, чтобы выстрелить в Пенна, движение это было не слишком быстрым. Это сделает встречу равной, потому что Муллени знал, что и сам не умеет быстро выхватывать оружие.

Обнаружив, что лошадей нет, он остановился. Очевидно, они выдернули колышки и куда-то убрали. Муллени пошел по их следам. Крупного мужчину в тяжелой куртке, наблюдавшего за ним из-за кустов, он не заметил.

Дэн Шют подкрался к костру. Подняв глаза при его приближении, Энн сначала приняла его за Муллени. Но тут же узнала и широко раскрыла глаза:

— Хэлло! Что вы здесь делаете?

В сонных на вид глазах Шюта застыла настороженность.

— Охотился за вами, — ухмыльнулся он. — Так и думал, что это вы. Увидев Баркова, я понял, что у вас что-то не получилось.

— Вы видели Брюса? Где?

— К северу отсюда. Он больше не будет вас беспокоить. —

Шют снова ухмыльнулся. — Барков был слизняк. Думал, что очень хитер, хотя и наполовину не был так умен, как Карадек, или так тверд, как я.

— Что случилось? — сердце Энн учащенно забилося. Муллени должен вот-вот появиться. Он услышит голоса и все поймет.

— Я убил его, — со своей циничной улыбкой проговорил Шют. — В нем было немного хорошего. И не ждите своего спутника. Я увел лошадей и отпустил на волю. Пока он их поймает — если вообще поймает — пройдет несколько часов. Нам же пора собираться.

— Нет, — заявила Энн. — Я буду ждать.

Он снова улыбнулся.

— Лучше уж двинемся потихоньку. Если он вернется, я вынужден буду его убить. Ведь вы не хотите, чтобы он был убит, верно?

Энн колебалась лишь секунду. Этот человек не остановится ни перед чем. Если понадобится, он собьет ее с ног и свяжет, но все равно увезет, убив перед этим Муллени. А этого она допустить не могла. Если сделать вид, что она идет ему навстречу, может быть, в будущем появится какой-то шанс...

— Иду, — сказала она просто. — У вас есть лошадь?

— Я привел вашу, — ответил Шют. — Садитесь.

В то время, как Рейф Карадек приближался к Пайнтэд-Року, Дэн Шют въезжал вместе с пленницей во двор своего ранчо, расположенного неподалеку от города. Далеко на юго-западе Рок Муллени давно уже добрался до того места, где Шют, наконец, отпустил его лошадь и уехал, ведя на поводку другую. Муллени продолжал преследование и почти через милю настиг своего коня. Одинокое, потерявшееся в снегопаде животное сначала заупрямилось, затем позволило себя пой-



мать. Оказавшись верхом, он вернулся на место привала, но почти заметенные за это время следы мало что ему рассказали. Впрочем, главное Муллени удалось понять. Девушка уехала в сопровождении другого всадника.

Муллени забеспокоился. За время поездки он получил от Энн некоторое представление о Брюсе Баркове и Дэне Шюте. И знал также, что в городе опасались нападения индейцев.

Насколько он разбирался в повадках сиу, до весны или даже до лета они вряд ли что-нибудь предпримут. Отдельные перестрелки, разумеется, возможны, но, как правило, индейцы не воюют в холодные сезоны. И Муллени их за это не порицал. Все же следовало избегать любых групп индейцев-охотников, не пренебрегающих при случае возможностью поживиться любыми другими трофеями.

Муллени приблизительно представлял себе, в какой стороне лежит Пайнтэд-Рок, однако инстинкт подсказывал ему, что синица в руках всегда предпочтительнее журавля в небе, и потому он вернулся на след армейского отряда и направился в Лонг-Вэлли.

Когда Рейф Карадек въехал на улицу Пайнтэд-Рока на своем вороном, город казался вымершим и затихшим под снегопадом. Рейф спешил к магазину.

Бейкер настороженно смотрел на Карадека, однако рассказал все, что знал о Тексе Бриско, о появлении Дэна Шюта и его угрозах, о бегстве Энн в форт в сопровождении Баркова. Когда же он узнал, что им обоим удалось достичь форта, у него отлегло от сердца.

С минуту они прислушивались к завыванию ветра под крышей.



— Не слишком-то уютно сейчас на улице, — мрачно сказал торговец. — Настоящий буран. Но если Бриско нашел убежище, с ним может быть все в порядке.

— Не на этом холоде, — хмуро ответил Карадек. — Ни один человек, ослабевший от потери крови, не продержится долго на морозе. А прежде, чем погода улучшится, она станет еще намного хуже.

Стоя у прилавка и чувствуя, как охватывает его тепло, источаемое большой пузатой печкой, Карадек обдумывал положение. Бо Марш, хоть и очень плох, получил все же медицинскую помощь, и о нем позаботится Джилл. Пока что там больше ничего нельзя сделать.

Энн совершила свой выбор. Она уехала с Барковым. В глубине души Рейф понимал, что предпочтя Баркова Шюту, она сделала лучший выбор. Существовал, конечно, и еще один вариант... Впрочем, существовал ли? Да, по крайней мере, она могла его выслушать.

Однако форт был далеко, и Карадеку теперь оставалось лишь верить во врожденный здравый смысл Энн, который сумеет остановить ее, пока не поздно. В любом случае он не в состоянии вернуться в форт так быстро, чтобы чем-то ей помочь.

— Где Шют? — спросил он.

— Понятия не имею, — отозвался Бейкер. — Ни слуху, ни духу. Но одно я берусь утверждать: Шют не примирится с бегством Энн.

Дверь распахнулась, приоткрыв на миг царящее снаружи снежное буйство, и в магазин вошел Пат Хигли. Сняв рукавицы, он протянул негнущиеся пальцы к докрасна раскаленному боку печки и посмотрел на Рейфа.

— Мне послышалось, вы спрашивали о Шюте? Я только

что видел, как он направлялся к своему ранчо. Причем не один, — добавил Пат, растирая пальцы. — Похоже, с ним ехала женщина.

— Женщина? — недоверчиво спросил Карадек. — Кто бы это мог быть?

— Он нашел Энн! — воскликнул Бейкер.

— Она в форту, — отозвался Рейф, — с Барковым. Не мог же Шют увезти ее из-под носа у солдат?

— Нет, не мог, — согласился Бейкер. — Но она могла уехать одна. Она упрямая девушка, и если уж что задумает... После вашего отъезда у нее могли измениться намерения.

Рейф отверг эту мысль. Слишком уж она была невероятной. И где же Текс Бриско?

— Бейкер, — сказал он, — вы с Хигли знаете эти места. И вы знаете Текса. Как вы думаете где он может быть?

— Трудно сказать, — пожал плечами Хигли. — Непохоже, чтобы он знал окрестности. Люди Шюта шли по его следу. Им показалось, что лошадь бредет сама, без руки на поводьях. Потом лошадь зашла в ручей, и они потеряли след. Этот ручей впадает в Клир-Крик, и похоже, что лошадь направлялась по нему на запад. В какой-то момент Бриско должен был прийти в себя. Если он двинулся в том же направлении дальше, это должно привести его к высоким, каменистым местам южнее большой вершины. Если ему удалось их пересечь, он мог оказаться где-нибудь возле каньона Тенслип. Но все это — только догадки.

— Есть на пути какие-нибудь убежища?

— Ничего похожего, если вы имеете в виду жилье. Зато в скалах укрытий много. Единственные люди в тех местах — это сиу, а их настроения сейчас не назовешь дружелюбными. Именно там скрывается Человек, Который Боится Собственной Лошади.

Искать Текса Бриско можно было с тем же успехом, что иголку в стоге сена, но ничего другого Рейфу не оставалось. И значит, он это сделает. Но его все время преследовала мысль о Дэне Шюте и женщине. А если это все-таки Энн? Карадек вздрогнул, представив ее в руках Шюта. В этом человеке не было ни капли порядочности и жалости.

— Бессмысленно отправляться в такой буран, — сказал Бейкер. — Вы можете переждать с нами, Карадек.

— Вы заговорили другим тоном, Бейкер, — угрюмо заметил Карадек.

— Может же человек ошибаться? — раздраженно просил Бейкер. — Вот и я мог. Все здесь быстро пошло к черту с тех самых пор, как появились вы со своей историей про Родни.

— И все-таки я не останусь, — сказал Рейф. — Я еду искать Текса Бриско.

Дверь распахнулась, и все трое оглянулись. Вошел Под Гомер. В тяжелой куртке из бизоньей кожи шериф выглядел еще более квадратным и грузным. Он мрачно посмотрел на Карадека и направился к печке, на ходу сбрасывая куртку.

— Ты все еще здесь? — поинтересовался он.

— Да, я еще здесь, Гомер. А вот вам пора отчаливать.

— Что?

— Вы меня слышали. Можете переждать буран, а затем отправляйтесь из города.

— Ты — говоришь мне? — Гомер повернулся, его квадратное жесткое лицо налилось кровью, в голосе звучала ярость. — Я здесь шериф.

— Был, — спокойно сказал Карадек. — Ты с самого начала жил душа в душу с Барковым и Шютом, обдeldывал для них грязные делишки и подбирал объедки, которые тебе бросят. А теперь забавы кончились. Когда буран уляжется, сма-

тывайся отсюда. Барков ушел, а через несколько часов не будет и Шюта.

— Шюта? — недоверчиво спросил Гомер. — Ты против Дэна Шюта? Да ты сошел с ума, парень!

— Да? — пожал плечами Карадек. — Впрочем, к чему этот спор? Повторяю: убирайся и никогда не возвращайся. И можешь прихватить с собой своего судью-дешевку.

— Это ты кончен, Карадек, — рассмеялся шериф. — Марш мертв. Бриско или мертв, или в бегах. Может быть, умер и Джилл. На что ты рассчитываешь?

— Джилл так же здоров, как и я, — спокойно сказал Рейф, — а Бо Марша пользует армейский врач, так что и он выберется из леса. Что касается Текса, то он ушел от погони, и я надеюсь, что техасец вернется на собственных ногах. А вот хватит ли храбрости у ваших парней, когда приедем мы с Джиллом? Тома Блейзера нет, а с ним еще полдюжины. Забирай свою куртку, — Рейф поднял ее левой рукой, — и убирайся. Если увижу тебя здесь после бурана, буду стрелять без предупреждения. А теперь — проваливай!

Он швырнул тяжелую куртку в Гомера. Шериф, побагровев, увернулся. Ко всеобщему удивлению он не потянулся к револьверу, а прыгнул вперед, занося для удара кулак. Уступая Карадеку ростом, он был толще и шире в плечах — человек могучего телосложения, признанный в среде ковбоев и золотоискателей мастер драки без правил.

Карадек увернулся, но правой Гомер сумел нанести ему удар в скулу. Шериф нырнул, стараясь приблизиться и ударить головой, но Рейф внезапно ударил его левой в лицо, а правой отбросил Гомера назад, на кучу сложенных у стены мешков. Шериф попытался встать, но Карадек со злостью ударил обеими руками и под ложечку. Под рухнул на колени.

— Вот так, Под, — сказал Карадек, тяжело дыша. — А теперь — убирайся.

Стоя на коленях, шериф утирал кровь, капавшую из разбитого носа. Карадек надел куртку и направился к выходу.

Он отвел вороного на конюшню, почистил его, обтер и задал немного овса. Оседлав лошадь, направился на ранчо Шюта. Рейф никак не мог избавиться от мысли, что спутницей Шюта все-таки была Энн, хотя ей надлежало находиться далеко отсюда.

14

Ранчо Дэна Шюта лежало в излучине ручья, протекавшего по ложбине между двумя холмами. Стекая с этих холмов, лес рассеивался на равнине на несколько отдельных рощ, утопавших сейчас в снегу.

Одна тонкая струйка дыма поднималась из трубы дома, другая вилась над флигелем. Карадек решил идти напролом — в закутанной, занесенной снегом фигуре вряд ли кто-нибудь опознает его до тех пор, пока расстояние не позволит пустить в ход револьверы. Рейф расстегнул пуговицу на куртке, чтобы в нужный момент легко выхватить и тот, который заткнут за пояс. Он вытащил правую руку из перчатки и поглубже засунул в карман: там она будет в тепле и в то же время достаточно свободна, когда дело дойдет до стрельбы.

Нигде не видно ни души. Если кто-либо и заметил его приближение, то любопытства оказалось явно недостаточно, чтобы выманить на холод для более пристального исследования.

Рейф подъехал прямо к дому, взшел на крыльцо и левой рукой постучал в дверь. Никакого ответа. Он постучал снова — сильнее и громче. В ответ ни звука.



Все той же левой рукой он повернул ручку. Дверь легко отворилась, и Рейф, на всякий случай став в стороне, оставил ее широко распахнутой. Ветер завывал, внутрь полетели хлопья снега. Подождав немного он вошел и прикрыл за собой дверь.

Уши щипало от холода, и он с трудом подавил желание их растереть. Карадек обвел глазами обширную комнату. В громадном, сложенном из каменной камине горел огонь. Посреди комнаты стоял стол, уставленный всякой снедью; на одном его конце несколько грязных тарелок свидетельствовали о чьей-то поспешной трапезе. На полу в этом месте осталось сырое пятно — по все видимости, следы сапог.

В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь треском поленьев в камине да стоном ветра под крышей. Рейф осторожно переступил через лежавшее на полу седло и разбросанную упряжь и откинул одеяло, закрывавшее один из дверных проемов. Пусто. Только незастеленная кровать со скомканным одеялом да лампа на прикроватном столике. На глаза попала пара грязных носков; подойдя он нагнулся и пощупал; они были сырыми. Значит, не больше часа назад кто-то находился здесь.

Все так же держа руку под курткой, он подошел ко второму завешенному одеялом проему. За ним оказалась кухня. В большой печи из листового железа горел огонь, в кофейнике, стоявшем на нем, кипел кофе. Рейф отпустил револьвер и взял первую попавшуюся чашку. Наполняя ее, он еще раз огляделся по сторонам. Как и все в этом доме, кухня была хорошо устроена, но плохо сохранилась: грязный пол, невымытые тарелки с остатками пищи.

Он уже поднял было чашку, как вдруг заметил что-то белое. Сердце дало перебой — на куче дров лежал женский платочек! Карадек повертел его в руках, поднес к лицу и ощутил слабый аромат духов — аромат, который он слишком хорошо помнил.

Значит, всадницей рядом с Дэном Шютом была Энн Родни! Но где же она теперь? И как все это могло случиться?

Рейф выпил кофе и поспешно вышел наружу. Не обращая внимания на продолжающийся снегопад, он осмотрел кораль, потом конюшню. В ней стояло несколько лошадей. У двух из них, как вскоре убедился Карадек, шкуры еще не успели окончательно высохнуть — у серого жеребца и гнедой кобылы, в которой Рейф сразу же узнал лошадь Энн.

Хмурясь, Рейф посмотрел вокруг. На пыльном полу заметил маленький след, почти стертый другим, большим. Шют оседлал двух лошадей и увез девушку? Если так, то куда и почему? Неожиданно к нему пришла уверенность, что Шют не увозил девушку. Скорее всего, это она ускользнула, оседлала лошадь и бежала.

Это предположение было притянуто за волосы, однако оно не только отвечало желанию Карадека, но и объяснило немногие известные ему факты.

Необследованным только остался флигель для ковбоев. Когда, распахнув дверь, он вошел внутрь, глазам его предстали четверо ковбоев. Трое лежали на койках, а четвертый протянул к печке босые ноги, сидя на сделанном из бочки стуле. Всех четверых Рейф знал в лицо, но никого не мог бы назвать по имени. Они видели его правую руку, засунутую за борт куртки, и сидели спокойно, правильно оценив значение этого жеста.

— Где Дэн Шют? — спросил он наконец.

— Понятия не имею, — отозвался сидевший на бочке.

— И никто из вас не знает? — поочередно обвел всех глазами Карадек.

Худошавый человек с жестким лицом и шрамом на подборке усмехнулся, показав желтые зубы. Он приподнялся на локте.

— Он приехал сюда около часа назад — вместе с этой девушкой из магазина. Они вошли в дом. Так что если хотите, чтобы вас убили — идите туда.

— Я был там. В доме никого.

Худошавый ковбой сел.

— Правда? — Не понимаю. Зачем человеку, имея красивую девочку, отправляться куда-то в такой буран?

Рейф Карадек холодно посмотрел на ковбоев.

— Вот что, парни, — сказал он, — собирайте-ка вещички, и как буран уляжется, уходите отсюда. С Дэном Шютом кончено.

— А не считаешь ли ты неклеименный скот, приятель? — поинтересовался человек с жестким лицом, насмешливо улыбаясь. — Дэн Шют успокаивал и не таких как ты. Он уже позаботился о Баркове.

— Позаботился? — переспросил Рейф; для него это оказалось новостью. — Откуда знаешь?

— Он мне сам сказал. Эта девушка, мисс Родни, уехала из форта, сбежав от Баркова, и направилась по следам армейского отряда. Шют видел все это. И Баркова тоже видел. Он выследил Баркова и застрелил его. Потом догнал девушку и того странного типа, что сопровождал ее.

Рассказ многое объяснил Рейфу.

— Ты не видел, как они уезжали?

— Только не мы, — сухо сказал тощий ковбой. — Никто из нас не занимался пасти коров или женщин в буран. Начинается буря — мы прячемся. И впредь будем поступать так же.

Пятясь, Рейф вышел наружу. Ветер рвал на нем одежду; спотыкаясь, Карадек вернулся в дом.

Больше, чем когда-либо, он был убежден, что Энн сбежала. Но где ее искать? Направилась в город? Однако для нее было бы куда безопаснее избрать дорогу в горы, и там искать убежище.

Рейф почти не питал надежды найти Энн, но знал, что сюда она никогда не вернется. Сидя в доме, он спокойно поел и выпил кофе. Затем пошел в конюшню, где оставил своего вороного. Усевшись в седло, он сквозь буран стал пробиваться к дороге, ведущей в город.

Джин Бейкер и Пат Хагли дружно воззрились на вошедшего Карадека. Поняв, что Рейф один, Бейкер побледнел.

— Вы нашли? — спросил он. — Это была Энн?

Рейф коротко рассказал обо всем, что узнал.

— Она, видимо, убежала, — согласился Хигли. — Шют никогда бы не увез ее со своего ранчо, в такой буран. Но куда она могла поехать?

Рейф поделился своими соображениями на этот счет.

— Все верно, — печально кивнул Бейкер. — Но что же делать?

— Ждать, — отозвался Хигли. — Только ждать.

— Я не собираюсь ждать, — заявил Рейф. — Если она покажется здесь, задержите ее. Если понадобится, застрелите Дэна — хоть из засады, хоть в спину. Уберите его с дороги. Я направляюсь в горы. Может быть, наткнусь на какой-нибудь след.

Двумя часами позже, дрожа от холода, Рейф Карадек понял, насколько безрассудное он принял решение. Его вороной упорно шел по засыпанной снегом тропе, извивавшейся между буреломом и кустарниками. Он дважды пересекал ручей, но не обнаружил ничего похожего на следы. А ведь это же направление было избрано и раненым Тексом Бриско.

Никакой след не мог сохраниться в мире, заполненном

крутящимся снегом, сквозь который продирался Рейф. Ветер выл и рвал с него одежду — даже здесь, в частичном укрытии мелколосья. И все же Карадек продвигался вперед — сперва верхом, потом спешившись и ведя лошадь в поводу, чтобы она хоть немного отдохнула. Погода не улучшалась, а становилась все хуже, но он шел и шел, по возможности выбирая самый легкий путь в надежде, что так же поступала и Энн.

Временами он упирался в ветер, как в подвижную, плотную стену. Вороной начал спотыкаться, и неожиданно Рейф преисполнился раскаяния. За последние дни лошади крепко досталось. Даже ее, казалось, неистощимая сила стала малопомалу иссякать.

Щуря глаза от несущегося навстречу снега, Рейф смотрел вперед. От ничего не видел, но чувствовал, что горный склон находится слева от него. Двинувшись в это направлении, он встретил более густой лес и отдельные разбросанные валуны. Он пошел дальше, надеясь отыскать какое-нибудь убежище для себя и для лошади.

Почти через час Карадек нашел его — сухое песчаное место под скальным козырьком, защищенное от ветра и снега как этим каменным навесом, так и росшими вокруг деревьями и кустами. Рейф завел туда лошадь и быстро развел костер.

С нижней стороны упавшего дерева он отодрал большие полотнища коры и наскреб немного сухой древесной трухи, потом наломал сучьев. Через несколько минут костер разгорелся. Тогда он расседлал лошадь и растер ее пригоршней раскрошенной коры. Покончив с этим, он задал вороному немного овса, прихваченного из конюшни Шюта.

Рейф устроился у огня и вскипятил кофе. Подремывая и лишь время от времени подкидывая в костер сучья, он привалился спиной к скале; мысли его были далеко отсюда.

Как-то незаметно он уснул. Ветер стонал и завывал в скалах, тщетно пытаясь дотянуться до него своими ледяными пальцами. Костер ровно горел, а вороной мирно подремывал, стоя возле лежащего хозяина.

В какой-то момент, полупроснувшись, Рейф заметил, что бревно прогорело; он подвинул его к огню и положил поперек другое, после чего задремал опять.

Внезапно он окончательно проснулся. Уже наступил день, а буран бушевал по-прежнему, сквозь обугленные бревна рдел огонь костра. Рейф поднял глаза.

Напротив сидели шестеро индейцев, их винтовки были направлены на него. Лица суровы и непроницаемы. Двое выступили вперед, рывком подняли на ноги, отобрали револьверы и знаками приказали сесть на лошадь.

Карадек настолько оконченел, что едва мог осознать происшедшее. Один из индейцев, завернутый в поношенное красное одеяло, убеждал, в чем-то остальных, указывая на вороного и делая угрожающие жесты. Вот чем все кончилось — он стал

15

Рейф Карадек открыл глаза и ничего не понял — его окружала тьма. Он рывком сел. Но прошла еще долгая минута, прежде чем он вспомнил, что стал пленником и находится в селении племени огаллала.

Его привезли сюда два дня назад и оставили связанного по рукам и ногам в вигваме, где он сейчас и находился. Несколько раз в вигвам заходили сквау, принося ему пищу и питье.

Стояла ночь. Туго связанные руки распухли. Огонь в очаге жарко горел, сшитый из шкур вигвам был наполнен дымом,

медленно уходившим через верхнее отверстие. Рейф чувствовал, что ночь на исходе.

Что произошло за это время в Пайнтэд-Роке? Где Энн? И где Текс Бриско? Вернулся ли Дэн Шют?

Рейф перекачивался ко входу, чтобы глотнуть свежего воздуха, когда полог откинулся и вошла сквау. Она быстро проговорила что-то на языке сиу, потом выхватила из огня ветку и поднесла ее к лицу Рейфа. Он отшатнулся, полагая, что она хочет выжечь ему глаза. Но затем, глядя поверх пламени, убедился, что перед ним та самая индейская девушка, которую он спас когда-то от Триггера Бойна.

Продолжая возбужденно говорить, она склонилась над ним. Нож скользнул под связывавшие Рейфа ремни и разрезал их. Растирая лодыжки, он поднял глаза и в свете импровизированного факела увидел лицо индейца. Тот заговорил — горланно, но на неплохом английском.

— Моя дочь говорит, что ты — тот самый человек, который помог ей.

— Да, — ответил Рейф. — Сиу не враги мне, и я им не враг.

— Тебя зовут Карадек. — Это был не вопрос, а скорее утверждение.

— Да, — Рейф с трудом поднялся на ноги, растирая руки.

— Мы знаем твою лошадь знаем лошадей остальных.

— Остальных? — быстро спросил Рейф. — Здесь есть еще и другие?

— Да. Девушка и мужчина, который ехал на одной из наших лошадей. Ему много лучше.

Энн и Текс! Сердце Рейфа подпрыгнуло.

— Могу я их видеть? — спросил он. — Это мои друзья.

Индеец кивнул. С минуту он изучал Рейфа.

— Я думаю, ты хороший человек. Меня зовут Человек, Который Боится Собственной Лошади.

Вождь огаллала! Рейф тоже посмотрел на индейца.

— Я знаю твое имя. Ты и Красное Яблоко — великие вожди сиу.

Вождь кивнул.

— Есть и другие. Джон Гресс, Гэлл, Безумная Лошадь. У сиу много великих людей.

Девушка отвела Рейфа к палатке, где он нашел Текса Бриско лежащим на куче шкур и одеял. Текс был бледен, но при виде Рейфа улыбнулся.

— Славно снова увидеть тебя, — сказал он. — А вот и Энн.

Рейф повернулся и посмотрел на девушку. Улыбнувшись, она протянула ему руку.

— Теперь я знаю, какой была дурочкой. Мне рассказали все — сначала Пенн, потом Муллени и Текс.

— Пенн? Муллени? — прищурил глаза Рейф. — Они здесь?

Энн быстро рассказала обо всем.

— Барков мертв, — объявил им Рейф. — Убит Шютом.

— Энн рассказала мне об этом, — отозвался Текс. — Он на это напрашивался. А где теперь Дэн Шют?

— Не знаю, — пожал плечам и Карадек. — Но собираюсь выяснить.

— Пожалуйста, — Энн подошла к нему, — пожалуйста, не связывайтесь с ним, Рейф! Хватит уже убийств! Вы можете пострадать, а я не перенесу этого.

Он посмотрел на девушку.

— Это значит для вас так много?

Энн опустила глаза.

— Да, — сказала она просто, — так много.



Вся грязь и запущенность Пайнтед-Рока была скрыта чистотой свежее выпавшего снега, и город притих среди этой безлизы. Под охраной отряда огаллала Энн, Рейф и Текс подъехали к городской окраине и быстро попрощались с дружественными воинами.

Улица была пустынна; казалось, город не замечал их появления.

Из магазина навстречу им выбежал Бейкер. Вместе с Энн он помог Тексу спешиться и войти внутрь.

Рейф Карадек привязал вороного к коновязи и огляделся в поисках Шюта. Через несколько минут Дэн будет знать, что он вернулся. А как только известие достигнет ушей Шюта, начнут разворачиваться события.

В магазине Рейф встретил Пата Хигли. Выслушав рассказ Карадека, тот кивнул.

— Шют вернулся в город, — сообщил он. — Думаю, потеряв Энн в буране, он предположил, что она сделает круг и вернется сюда.

— А где Под Гомер? — спросил Рейф.

— Если вы имеете в виду, убрался ли он из города, то могу сказать, что нет, — ответил Бейкер. — Он носит теперь два револьвера.

Хигли поддержал его:

— Они не сдадутся без боя.

Рейф нетерпеливо кивнул:

— Все это кончится сразу же, как только будет убран с дороги Шют.

Открылась дверь, и Рейф вскочил при виде входящих Джонни Джилла и Рока Муллени.

— Солдаты соорудили сани, — с порога начал Джилл, — и забирают Бо в форт. Вот мы и подумали, что неплохо бы

приехать сюда — и побыстрее, мало ли что тут может произойти.

Энн пригласила Рейфа на чашку кофе. Она чинно предложила ему стул, расстелила салфетку, поставила возле его чашки сливочник. Положив в чашку сахар, Рейф поднял глаза на девушку.

— Сможете ли вы когда-нибудь простить меня? — спросила она.

— Тут нечего прощать, — ответил он. — Мне не в чем вас обвинять. Вы были уверены, что ваш отец мертв.

— Я не могла понять, почему вокруг этой земли такая возня, пока не узнала о нефти. Она в самом деле так дорого стоит?

— Порядочно. Сейчас, конечно, возникнут немалые трудности с доставкой, но вскоре эта проблема будет решена, и тогда ее ценность намного возрастет. Думаю, об этой стороне дела они знали лучше нас. — Карадек посмотрел на Энн. — Я никогда не собирался предъявлять права на свою половину ранчо, — добавил он. — Не собираюсь и теперь. Мне просто нужны были законные основания, чтобы сотрудничать с вами. Но теперь опасность миновала, и я отдам вам документ на владение землей, завещание вашего отца и другие бумаги.

— О нет! — быстро воскликнула Энн. — Ни в коем случае! Мне нужна ваша помощь. Без вас мне не управиться с делами. Вы должны вступить во владение своей частью ранчо и остаться. Это, — прибавила она, — в том случае, если вы не считаете меня слишком ужасной после всего, что я натворила.

Рейф покраснел.

— Все вы не ужасны, Энн, — неуклюже сказал он, поднимаясь из-за стола. — По-моему, вы удивительны. Пожалуй,

я думал так всегда — с того самого дня, как впервые вошел в этот магазин. — Он посмотрел в окно и вздрогнул: — Там Дэн Шют. Мне надо идти.

Эни тоже поднялась, побледнев так, что даже губы поблекли. Когда он откинул занавеску, девушка крикнула вслед:

— Возвращайся, Рейф! Я буду ждать!

Он прошел через магазин к выходу, и что-то в его облике и походке подсказало остальным, что сейчас произойдет. Муллени схватил винтовку и двинулся вслед за Рейфом; Бейкер стал доставать дробовик.

Рейф Карадек быстро окинул взглядом заснеженную улицу. На рассвете здесь проехала повозка, потом оставили на снегу следы несколько всадников; их лошади стояли возле коновязи. Но в остальном улица являла собой ровное, непо потревоженное пространство чистойшей белизны.

Стоя на крыльце, Рейф видел серого жеребца Дэна Шюта, привязанного у коновязи "Националя", но самого ранчери не было видно. Скорее всего, Шют в "Национале". Рейф неторопливо подошел к салуну и распахнул дверь. Джо Бенсон взглянул на него из-за стойки и поспешно стал отходить к дальнему ее концу. Под Гомер, развалившийся на стуле в другом конце зала, резко выпрямился; глаза его метнулись к фигуре крупного мужчины, стоявшего возле стойки спиной к залу. В своей короткой, тяжелой куртке Дэн Шют выглядел громадным. Он был без шляпы, и грива светлых волос, грубых и нечесанных, блестела на солнце.

Войдя, Рейф остановился и внимательным взглядом обвел зал; потом его глаза остановились на могучей спине у стойки.

— Ну что ж, Шют, — спокойно проговорил он. — Поворачивайся и получай.

Шют обернулся. На лице его застыла широкая ухмылка, но в глазах прыгали злобные огоньки. Медленно и нагло он оглядел Карадека с ног до головы.

— Убить тебя было бы слишком просто, — заявил он. — Я пообещал себе, что собственными руками разорву тебя, когда придет время. А уж если что останется — понаделаю дырок. Я убью тебя, Карадек.

Краем глаза Рейф заметил, что Джонни Джилл прислонился к косяку задней двери, а Рок Муллени только что вошел вслед за ним.

— Сними револьверы, Карадек, и я тебя убью, — мягко проговорил Шют.

— Это их бой, — прозвучал голос Джилла. — Пусть дерутся как хотят.

Услышав этот голос, Гомер побледнел и, вздрогнув, оглянулся. Тем временем в распахнутую дверь вошли Хигли и Бейкер. Под Гомер облизал пересохшие губы и покосился на Бенсона. Владелец салуна выглядел несчастным.

Дэн Шют расстегнул пояс и снял оба ремня, положив большие револьверы на стойку рукоятками к себе. У противоположного конца стойки проделал то же самое Рейф Карадек. Потом они одновременно сбросили куртки.

Гибкий и широкоплечий Рейф был на дюйм ниже и на сорок фунтов легче противника. Узкобедный и поджарый, словно борзая, он казался воплощением скорости, хотя мощные руки и плечи свидетельствовали о годах тренировок и тяжелого труда — с киркой, топором и мокрыми корабельными снастями.

Шея Дэна Шюта была толста, грудь — широка и массивна. Он обладал плоским, твердым животом и огромными руками. От всего облика Шюта так и разлило откровенно животной силой и мощью. Облизываясь, точно голодный волк, он двинулся вперед. Шют ухмылялся, и в его жестоких светлых глазах плясали искорки.

Он не рванулся и не прыгнул. Все с той же усмешкой на губах он подошел к замершему в ожидании Карадеку. Но стоило Шюту приблизиться, как Рейф неожиданно, опередив противника, нанес удар — снизу вверх левой под ложечку. Шют вздрогнул и сощурился. Потом попытался ударить головой сверху вниз.

Покачнувшись, Рейф локтем отразил удар и сделал шаг в сторону, чтобы не оказаться зажатым в угол.

По-прежнему ухмыляясь, Дэн Шют продолжал двигаться на Карадека. Этот громадный человек был обманчиво быстр. Внезапно он прыгнул на Рейфа ногами вперед.

Карадек отскочил, но слишком медленно — ноги Шюта замкнулись вокруг его ног, и Рейф рухнул на пол. Он сильно ударился и невольно уступил инициативу Шюту.

Перевернувшись, тот оперся на левую руку и замахнулся правой. Это был злобный удар с полуразмаха, и он обрушился на подбородок Рейфа. В глазах полыхнуло, и Рейф почувствовал, что теряет сознание.

Подчиняясь скорее инстинкту, чем разуму, Карадек увернул голову, и следующий удар скользнул лишь по уху. Высоко взбросив ноги, он перекинул Дэна через себя. Оба вскочили и ринулись друг на друга так, что от их столкновения вздрогнул зал.

В голове у Рейфа гудело; от сокрушительных ударов голова моталась из стороны в сторону. Правой он ударил Шюта в лицо и увидел тонкую кровавую полосу, появившуюся на щеке. Он вновь обрушил правый кулак на то же место — ранка расширилась, из нее заструилась кровь.

Однако это не заставило Шюта сбавить темп. Нырнув, он толкнул Рейфа плечом, и тот на миг потерял равновесие: в ту же секунду кулак Шюта угодил ему в скулу. Рейф попытался было уйти от следящего удара, но поскользнулся в луже на полу. Падая, он заметил, как Шют отвел ногу, готовясь ударить лежащего по голове и тем кончить дело. Извернувшись, Рейф сумел изменить направление падения и подшиб ногу, на которую опирался его противник. Оба упали одновременно и так же одновременно поднялись.

Когда эти двое сошлись снова, присутствующим стало ясно, что человеческий разум перестал управлять их действиями. Они схватились, как звери, хуже, чем звери, ибо за каждым стоял многолетний опыт драки, боев и сражений в самых темных, жестоких и диких закоулках мира. Каждый из них превратился в стук животной силы; обоими двигало поднимающееся изнутри яростное стремление — жажда биться до конца, чтобы выжить.

Рейф рванулся к Шюту, нанося ему злобный, режущий удар левой. Потом его правая вновь метнулась к разбитой щеке Шюта, и кровь полилась сильнее. Он оттолкнул Дэна, нанес удар сцепленными руками по корпусу, а затем повернулся и борцовским приемом бросил Шюта на пол. Как только Шют поднялся, Рейф снова ринулся в бой. После резкого удара левой в лицо сквозь приоткрывшиеся разрозненные губы Шюта стали видны разбитые зубы. Собравшись, Рейф всю силу вложил в аперкот, который поднял Шюта на цыпочки. Однако жажда битвы все его пылала в глазах шатающегося, пьяного от ударов и боли Шюта.

Он схватил со стойки бутылку и ринулся на Рейфа. Тот повернулся, смягчая удар, и услышал, как бутылка со стеклянным хрустом разбилась об его левое плечо; рука разом онемела. Но Карадек, собравшись с силами, провел этой занемевшей левой рукой хук и почувствовал, как кулак погрузился в тело Шюта.

Ранчери отлетел и ударился о стол, возле которого стоял Джин Бейкер; оба упали. Шют быстро перекатился и встал на

колени — кровь лилась из щеки, теперь уже разорванной от губ до самого уха, губы разможены, один глаз заплыл и посинел. В этом лице уже не было ничего человеческого, но в зрачке глаза горел злобный, смертоносный огонь безумия. Руками он сжимал охотничью двустволку Джина Бейкера.

Он не произнес ни слова — просто поднял ружье и нажал на оба курка.

Но в тот момент, когда палец Шюта готовился надавить спусковые крючки, Рейф схватил стоявший рядом стол и одним могучим рывком метнул его в стоящего на коленях человека. Ружье изрыгнуло гром и пламя в тот миг, когда Рейф упал и перекатился по полу.

Стоявший за стойкой Джо Бенсон получил в лицо оба заряда дроби и откинулся назад со странным, задыхающимся воплем. С побелевшим от ужаса лицом Под Гомер уставился на то место, где только что находился Бенсон.

Рейф вскочил. В зале воцарилась мертвая тишина. Шатаясь, Карадек подошел к Дэну Шюту. Ранчero лежал на спине, раскинув руки, голова его была повернута под неестественным углом.

— Стол! — сказал подошедший Муллени. — Стол сломал ему шею.

Рейф повернулся и, пошатываясь, направился к выходу. Там его перехватил Джонни Джилл. Он поддержал Рейфа и надел на него пояс с револьверами.

— Как насчет Гомера? — спросил он.

Но шериф уже вставал навстречу, поднимая руки.

— Не начинай ничего. С меня хватит. Я ужоу.

Карадек молча кивнул. Кто-то принес ведро воды. Рейф

опустился на колени и принялся плескать ледяную воду на лицо и голову. Потом он насухо вытерся протянутым кем-то полотенцем и потянулся было за курткой, но в этот момент вернулся из магазина Бейкер с чистой рубашкой в руках.

— Это из-за меня получилась история с дробовиком, — сконфуженно проговорил он, — но все произошло так быстро, что я и понять-то ничего не успел.

Рейф попробовал улыбнуться — и не смог. Лицо распухло и одеревенело.

— Забудьте об этом, — сказал он. — И давайте уйдем отсюда.

— Вы не собираетесь уезжать? — спросил Бейкер. — Энн сказала, что...

— Уезжать? Конечно, нет! У нас здесь нефтяной бизнес, да и ранчо требует забот. Из форта я послал телеграмму на ранчо Си Бар в Техасе, чтобы прислали еще стадо скота.

При виде Рейфа глаза Энн широко раскрылись. Карадек прошел мимо нее и упал поперек кровати.

— Не обращай внимания, милая, — сказал он. — Мы поговорим обо всем, когда я проснусь.

Энн собралась что-то ответить, но в комнате уже раздался заливиственный храп.

Миссис Бейкер улыбнулась.

— Если мужчина хочет спать — пусть спит. Я бы сказала, он это заработал.

Перевод с английского  
А. Дмитриева и С. Фомченко

## "Уральский следопыт" в 1—6 номерах 1994 года опубликует:

### Фантастика

Геннадий ПРАШКЕВИЧ. Приговоренный (Шпион против алхимиков—III). Повесть.

Александр ГРОМОВ. Нарботка на отказ. Повесть.

Сергей ДРУГАЛЬ. Новый рассказ из цикла "Записки космопроходца"

### Проза

Юрий КОРОТКОВ. Спас Ярое Око. Повесть

Владислав КРАПИВИН. Бронзовый мальчик. Роман. Часть II.

Детективные рассказы зарубежных авторов.

# "Уральский следопыт" — 93

## ПРОЗА

**ВИННИНГТОН А.**  
Вход воспрещен. № 1  
**ГЕОРГИЕВ С.**  
Добрый бог джунглей. № 4  
**КОБЫЛИН В.**  
Побегушники. № 8  
**КОКОШКО Ю.**  
Бывший Мотыльков. № 2  
**КОРОТКОВ Ю.**  
Абрекь. № 3  
**КРАПИВИН В.**  
Бронзовый мальчик. №№ 4, 5—6  
**ЛАГУНОВ К.**  
Юродивый. №№ 1, 2  
**Л'АМУР Л.**  
Сквозь перекрестный огонь. №№ 8, 9, 10, 11—12  
**СЕМЕНОВА М.**  
С викингами на Свальбард. № 9, 10  
**ТОЛСТИКОВ А.**  
Необходимые знания об Индии. № 7  
**ХЕНИГ Д.**  
Ave, Caesar! № 4  
**ШИШИГИН М.**  
Ботинки всмятку. № 3  
**ШМЕРЛИНГ С.**  
Маленькие истории большой войны. №№ 5—6, 7  
**ЯНИЦКИЙ В.**  
Калачи на каланче. № 11—12

## ПОЭЗИЯ

**ВОСТРИКОВ Ф.**  
Стихи. № 11—12  
**ГОНТАРЕВ О.**  
Стихи. № 1  
**ГРЕБЕНКИН А.**  
Из восьмистиший. № 1  
**ЗУНДЕЛОВИЧ Я.**  
Лирический пробег вдоль клетки. № 2  
**ЛАДЕЙЩИКОВА Л.**  
Сгибаясь, как под тяжестью... № 2  
**ПОСКРЕБЫШЕВ О.**  
Стихи. № 7  
**РЕШЕТОВ А.**  
Ты песня моя... № 10  
**СИБИРЕВ В.**  
Этюды моих одиссей. № 5—6  
**СОРОКИН Л.**  
Перед вечной тишиною. №№ 5—6  
**СТАНЦЕВ В.**  
И боль, и радость... № 4  
**ТОПОРОВ В.**  
Нас не так уж и много. № 8  
**ШИРЯЕВ А.**  
Стихи. № 3

## АЭЛИТА-93

**ВУЛЬФ Д.**  
Пятая голова Цербера. № 5—6  
**ДРУГАЛЬ С.**  
Чужие обычаи. № 9  
**ЗАКИРОВ А.**  
Лабиринт. № 7  
**ИВАНОВ А.**  
Корабли и Галактика. №№ 10, 11—12  
**КАЛИНИНА В.**  
Планета — Мечта. №№ 2, 3  
**ЛАЗАРЧУК А.**  
Мумия. № 7  
**НЕМЧЕНКО М.**  
Родительский день. № 7  
**ПРАШКЕВИЧ Г.**  
Спор с Дьяволом. № 1  
**ФИРСОВ В.**  
Сказание о Четвертой Луне. №№ 8, 9  
**ЩЕПЕТНЕВ В.**  
Тот, кто не спит. № 4

## ЗАОЧНЫЙ КЛФ

№№ 1, 2, 3, 4, 5—6, 7, 10, 11—12

**НАУКА И ТЕХНИКА.  
ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА.  
ОГОРОД "УРАЛЬСКОГО СЛЕ-  
ДОПЫТА". ЭКЗОТЫ НА ОК-  
НАХ. НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ**

**АХМЕТОВ С.**  
Святой Грааль. № 7  
**БАГИНА Е., ВОЛКОВ О.**  
Ургупская встреча. № 2  
**БУРУКОВСКИЙ Р.**  
Каури. № 7  
**ВАСИЛЬЕВ С.**  
Супруги поневоле. № 2  
**ДЕБЕРДЕЕВ В.**  
Небесные яхты в Зурбагане. № 1  
**ЕГАРМИН В.**  
Уральской тайги хозяйка. № 7  
**ЗАЙОНЧКОВСКИЙ Ю.**  
Дело Бодхидхармы. № 1  
**ЗАЙОНЧКОВСКИЙ Ю.**  
Крылатые соседи. № 7  
**ЗОРИНА Е.**  
В селе на реке Синячиха. № 4  
**ИЩЕНКО Е.**  
Что может экстрасенс. № 7  
**МЯГКОВ С.**  
Загадки тридцатой параллели. № 1  
**НИКОЛАЕВ В.**  
Из полевого дневника. № 4  
**НОВОКШОНОВ П.**  
Пленники вулкана. № 7

## ПЕТРОВ М.

Железо с берегов Серги. № 9  
**ПЛОТНИКОВА Т.**  
Мы живем в провинции рубинов. № 9  
**ПОВИЛЕЙКО Р.**  
Гением назовут потомки. № 2  
**ПОПОВА К.**  
Рядом, но сами по себе. № 3  
**ПРОНИЧЕВ В.**  
Биогумус, или Секреты дождевого червя. № 3  
**СЕМЕНИН А.**  
Хурма. № 2  
**СЕМЕНИН А.**  
Лопух. № 7  
**СЕМЕНИН А.**  
Тыква. № 8  
**СЕМЕНИН А.**  
Конфетное дерево. № 9  
**ХОХЛАЧЕВ В.**  
Памятник мамонту. № 4  
**ЮРКИН И.**  
"Меховой" мастер Иван Янвер. № 2

**КРАЕВЕДЕНИЕ.  
ПО БЕЛУ СВЕТУ.  
ТРОПОЙ ПОИСКА.  
СТРАНА ТОПОНИМИЯ.  
ДАВНЫМ-ДАВНО. РУКОМЕСЛА.  
МАЛЫЕ ГОРОДА РОССИИ.  
ПОРТРЕТЫ ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ.  
ЖДЕТ ЗАЩИТЫ**

## АЛЕБАСТРОВ И.

Три княжны Таракановых. № 8  
**АМИРОВ В.**  
Быстрая езда по Мозамбику. № 4  
**БОРИСОВ В.**  
Жена Шорса. № 3  
**БОРИСОВ В.**  
Бейвель — городской голова. № 10  
**БЫХОВСКИЙ И.**  
Взрыв на "Авроре". № 11—12  
**ВОГАУ В.**  
Андрей Лоцманов или Сеятель свободы пустынной. № 4  
**ВОЙНОВ В.**  
Жизнь и смерть атамана Дутова. № 3  
**ДАНИЛОВИЧ И.**  
Детство с названием 5-й квартал. № 7  
**ДМИТРИЕВ А.**  
Златоустовские кирасы. № 11—12  
**ДМИТРИЕВ В.**  
Казачье золото. № 5—6  
**ДОМОВ М.**  
По следам сколотов. № 3  
**ЕМЕЛЬЯНОВ А.**  
Царевич и поэт в Приисетьи. № 2

**ЖЕРНОВНИКОВ В.**  
 Кандалы Петра III. № 10  
**ЗАХАРОВ С.**  
 "Ах, картошка..." № 8  
**ЗЛОТНИКОВ Ю.**  
 Обитель. № 9  
**КОРНИЕНКО С.**  
 Дом повелителя ветров. № 7  
**КОРОВИН А.**  
 Клад писателя Петрова. № 11-12  
**КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА**  
 №№ 1, 2, 3, 4, 5—6, 7, 8, 9, 10, 12  
**КУЗНЕЦОВ А.**  
 Острова из сказки. № 11—12  
**КУЗНЕЦОВА М.**  
 Первая книга Бажова. № 1  
**КУЗЬМИН В.**  
 Красный Паша. № 1  
**КУРЕПИН Ю.**  
 Георгиевские кавалеры. № 10  
**МАТВЕЕВ А.**  
 Рассказы о названиях. № 2  
**МАХНЮК В.**  
 Самовары из бересты. № 11—12  
**МЕЗЕНИН Н.**  
 Учредитель Демидовских наград. № 2  
**МЕЗЕНИН Н.**  
 Князь Сан-Донато. № 4  
**МЕЗЕНИН Н.**  
 Павел, сын Павла. № 5—6  
**МЕЗЕНИН Н.**  
 Последние Демидовы. № 10  
**МИР НА ЛАДОНИ**  
 №№ 1, 2, 3, 4, 5—6, 7, 8, 9, 10, 11—12  
**МОИСЕЕВ А.**  
 Ищу народ. №№ 11—12  
**МОШКИН С., РУДЕНКО В.**  
 Глядя на взрослые игры. № 3  
**НЕПЕИН И.**  
 Безымянная слава. № 3  
**НЕПЕИН И.**  
 Этот Половец — удивительный человек. № 9  
 Очерки истории журналистики на Урале. № 9  
**ПАНЧЕНКО С.**  
 Дом маленького мужчины. № 3  
**ПЕТРИЦКИЙ А.**  
 Звездное небо надо мной. № 11—12  
**ПИНАЕВА М.**  
 Кленовая моя, Кленовая. № 5—6  
**ПОНИЗОВКИН А.**  
 Воспоминания об изумрудном острове. № 2  
**ПРЕКИН Г.**  
 Ее глаза, как два тумана... № 8  
**РУПОСОВ Н.**  
 Немцы на Амуре. № 1  
**РУСАНОВ В.**  
 Собор Осинской богородицы. № 1  
**РУСАНОВ В.**  
 Судьба коллекции. № 9  
**РЯЗАНОВ Ю.**  
 На добро общее. № 2

С верой под Южным Крестом. № 8  
**СЕНТЯБРЕВ Ю.**  
 Вторая имени Павленкова. № 3  
**СМОРОДИНОВ М.**  
 Ненаписанная книга. № 9  
 Тагильский краевед. № 1  
**ТАГИЛЬЦЕВА Н.**  
 Бирюковское хранилище. № 8  
**ТОЛСТИКОВ П.**  
 Лампочка Поленова. № 9  
**ТОЛСТОЙ А.**  
 Как мы охотились... № 1  
**ТУМБАСОВ А.**  
 У истоков Камы. № 8  
**ТРУШНЕВ В.**  
 Рычковская церковь. № 11—12  
**ХАКИМОВ А.**  
 Открывая тайны Каспия. № 2  
**ЦВЕТАЕВ А.**  
 Здесь звучат старинной скрипкой... № 3  
**ШАКИНКО И.**  
 Демидовские колокола. № 8  
**ШТИЛЬМАРК Р.**  
 Страна комиков, трагиков и вохриков... № 11—12  
**ШУМОВ В.**  
 Портрет Державина. № 8

**КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ.  
 МУЗЫКА И МЫ.  
 В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО.  
 НАШИ ИНТЕРВЬЮ.  
 КТО ВО ЧТО ГОРАЗД**

**ВОЛОВИЧ В.**  
 В сущности для художника... № 4  
**КОНОНОВ Д.**  
 Иллюстратор иллюзий. № 1  
**МАТВЕЕВА А.**  
 И не страшен серый волк. № 2  
 Надо петь, как в народе поют. № 1  
**НАЙДИЧ М.**  
 Вместо денег. № 7  
**ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ — КАКАЯ ОНА?**  
 №№ 3, 11—12  
**ПОПОВ В.**  
 Первая русская гитарная энциклопедия. № 2  
 Словарь языка Владимира Высоцкого. № 11—12.  
**РУДЕНКО В.**  
 Знаки монетных дворов. № 8  
**СТЕПАНОВ В.**  
 Стяги России. № 4  
**ТЕРЕШКИНА Р.**  
 Мишки на Западе. № 8  
**ХЛЫНОВА С.**  
 Такая разная Рекха. № 1  
**ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ**  
 № 10  
**ШИНКАРЕНКО Ю.**  
 Погнало твое. № 7  
**ШИНКАРЕНКО Ю.**  
 Дубовые дощечки. №№ 10, 11—12

**К ПОДПИСЧИКАМ,  
 ЧИТАТЕЛЯМ И ДРУЗЬЯМ  
 "УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА"!**

Так бывает, когда расстаешься с другом. Вроде и пути-дороги окончательно разошлись, вроде и причин для расставания более, чем достаточно. А все равно остается ощущение чего-то недоговоренного, недосказанного... И хочется что-то объяснить, сказать какие-то последние, самые главные слова.

Согласитесь, что журнал "Уральский следопыт" был таким другом Вашей семьи на протяжении многих лет. Ведь это Вы с нетерпением ждали выхода очередного номера, ведь это мы делали все возможное, чтобы быть Вам интересными. Но пришли другие времена. И журнал оказался не готов к ним. Как, впрочем, многое и многие.

Да, мы здорово измучили своих читателей беспрестанными задержками с выпусками (к моменту моего вступления в должность журнал не выходил уже полгода). Но в конце концов мы рассчитались со всеми долгами перед читателями. И когда Вы получите этот последний прошлогодний номер, то убедитесь, что отныне журнал поступает строго по графику.

Да, мы взметнули цену за один номер с 330 рублей за первое полугодие 1994 г. до 750 рублей во втором. Но уже за первое полугодие 1995 г. цена за один номер поднялась не столь значительно — до 950 рублей. К тому же мы готовы рассмотреть любые предложения по снижению расходов на доставку журнала. Вплоть до взятия доставки на себя.

Так неужели же теперь, когда мы начинаем выздоравливать, когда сохраняя все лучшее — фантастику, краеведение, следопытский поиск — мы "осовремениваем" журнал, улучшаем его оформление, вы расстанетесь с нами? Расстанетесь со "Следопытом", который был другом Вашей семьи на протяжении многих лет?

Мы понимаем, что обстоятельства могут сложиться так, что Вы все-таки будете вынуждены расстаться с журналом "Уральский следопыт". Тогда хотя бы напишите нам о причинах, побудивших сделать это, и объяснитесь с другом. Может быть, мы сумеем что-нибудь сделать, чтобы Вы остались с нами.

С уважением  
 Главный редактор Виктор КЛОЧКОВ

Регина ТЕРЕШКИНА

## "Упав семь раз, подняться восемь..."

Есть в Перми страстный коллекционер кукол. Все они, а их 600, живут в ее маленькой квартире, изредка выезжая в гости: в Сибирь, на Дон. И она, преподаватель английского и латыни в вузе, ездит с ними, чтобы рассказать посетителям выставок истории из жизни кукол и тех, кто их создает. Галина Терешкина знает множество таких историй. С одной из них — о плюшевых медведях читатели "УС" уже знакомы. Теперь — следующая.

Уж кого-кого, а матрешку мы считали исконно русской. И тем не менее... Как рассказывает одна из легенд, предком нашей знаменитой матрешки считается фигурка дарумы, человечка с семейством внутри. Но эта игрушка не самая типичная для многочисленного и разнообразного семейства дарум. Самая распространенная — дарума-невалашка, встающий в любых случаях и приносящий счастье, но заработанное собственным трудом.

Каждый японец знает историю-легенду этой игрушки... Сотни лет назад жил в одном из отдаленных королевств Индии принц. Занимался физическими упражнениями, развивал в себе глубокую сосредоточенность, самоконтроль и духовное видение мира. Став взрослым, отправился в Китай проповедать дзен-буддизм. Там, обратившись лицом к стене, он провел в размышлениях девять лет, не двигаясь и не разговаривая ни с кем, чтобы добиться состояния "сатари" — озарения. Естественно, руки и ноги мудреца атрофировались. Однажды мальчик, приняв принца за старую статую, решил подновить его свежим слоем краски и — о чудо! — неподвижная фигура зашевелилась и встала на ноги.

По другому варианту легенды Дарума никогда уже не смог ходить, но до Японии он сумел добраться, передвигаясь своеобразным способом —

Но вернемся к нашим дням. В Китае многие хотели стать учениками Дарумы, но лишь один удостоился этой чести.

Состарившись, Дарума решил поехать в Японию, пересек море на бамбуковом листе. Вскоре он стал известен по всей стране, к нему стекались



ученики с разных островов. Они приветствовали друг друга словами: "На-на короби я оку", — "Упав семь раз, вы можете подняться восемь". Дарума хотел внушить людям, что у человека есть возможность выжить, невзирая на все невзгоды.

Дарума скончался в возрасте 130 лет. Был воздвигнут храм в его честь "Шоринзан дарамудера". Девятый настоятель храма изготовил деревянную форму, чтобы местные крестьяне из Тойооки делали кукол из папье-маше с помощью рисового клейстера. Внизу фигурки кладется груз. Такая кукла называется "маме дарума" (безглавый дарума) или "кичан дарума" (приносящий счастье).

Купив такую фигурку, ее обладатель должен нарисовать один глаз и в этот момент поставить себе цель. Стоящий на видном месте одноглазый дарума постоянно напоминает ему о ней. Достигнув намеченного, человек действительно испытывает счастье, и тогда он рисует второй глаз. Именно так дарума приносит всем счастье.

Много дарум изготавливается перед японским Новым годом. Считают, что они служат талисманом, охраняющим детей и защищающим людей от бо-

лезни. Проводятся ярмарки — самая известная — "Шоринзон" в префектуре Гумна. Здесь можно увидеть дарум высотой от пяти сантиметров до одного метра.

Существуют в Японии пары дарум (см. фото: первая и третья слева — "онна дарума", женщина-жена). Пары часто одевают в шелковые наряды. Их дарят супругам как залог семейного счастья.

В последние годы дарума вошел в жизнь многих бизнесменов мира, окончивших курсы датской школы "Тайм Менеджер" (прошли курсы этой школы и сотрудники нашего производственного объединения Пермнефторгсинтез). Он один из символов поставленных целей наряду с ключом и слоном ("ключевым" и "основным").

Новую игрушку сопровождает современная сказка о датском бизнесмене, который решил попробовать действие дарумы. Он нарисовал один глаз и залюбовался результатом своей работы. Ему нравилась круглая форма фигурки, казалось, что она символизирует гармонию в семье и обществе.

А дальше произошло то, что знакомо каждому из нас. Срочная работа, деловые встречи занимали все его дни. Через некоторое время ему показалось, что дарума смотрит на него с укоризной своим одним глазом, напоминая о поставленной цели. Он даже испытал желание спрятать фигурку в ящик стола, но это означало бы признать свое поражение. И тогда бизнесмен отложил намеченную встречу и составил план работы, чтобы быстрее добиться намеченного. Когда цель была достигнута, он испытал огромную радость, рисуя даруме второй глаз.

Вскоре в его кабинете поселились четыре новых одноглазых дарум по количеству поставленных целей.

Так пусть и у каждого из нас в наше нелегкое время будет свой дарума, напоминающий о поставленной цели — построить общество с человеческим лицом, на которое строгий дарума мог бы смотреть обоими глазами!

Фото автора



# Самовары из бересты

Их делает в Шадринске Владимир Махнюк

*"Расскажите в журнале, как украсить узором ставни, наличники окон, парадную часть дома; как из жести сделать оправу на обычную печную трубу; каким орнаментом и как украсить калитку, ворота; откройте секрет изготовления деревянных ложек, толкушек, мешалок, катков теста, лапши; как сделать березовые туески, как плести корзины, сделать кадочку на 2—3 ведра для воды, засолки капусты..."*

*И. В. Симаков.  
г. Кемерово".*

*Представляем читателю одного из умельцев — Владимира Георгиевича Махнюка из зауральского города Шадринска. О себе он рассказал вот что.*

Я вырос в семье офицера и сам до недавнего времени был профессиональным военным. объездил всю страну вдоль и поперек, а после скандального "развода" с Вооруженными Силами, приехал в Шадринск, на родину своих родителей, устроился на завод, снял, чтобы где-то жить с женой и двумя мальчишками, частный дом и решил было, что моя активная жизнь на этом кончилась.

Но совершенно случайно познакомился с Олегом Геннадьевичем Колмогоровым, единственным в Шадринске мастером-берестяницей. Взял в руки лоскут березовой коры и вдруг так к нему прикипел, что вот уже три года ни о какой другой работе и думать не хочу.

Меня упрекают в нарушении сложившихся традиций в берестяном промысле. Отойдя от обычного использования бересты для изготовления туесов, коробов и шкатулок, я, постепенно совершенствуясь, стал делать, употребляя исключительно бересту, всевозможную посуду, сервизы и наборы. Это кринки для сметаны и молока, кувшины, графины, вазы, чайники... И наконец, — самовары, в которые можно заливать кипяток, заваривать чай в заварнике и чаевничать, не беспокоясь о том, что кипяток быстро остынет.

Мой стиль называют "русским барокко"...

А традиции — что ж? Они со временем если и не разрушаются, то меняются обязательно.

*Мы попросили Владимира Георгиевича подробно рассказать нашим читателям о технологии берестяного промысла.*

Береза — это чудо-дерево. Трудно даже представить себе весь круг ее применения в былые времена. Для хранения продуктов из бересты делали емкости, которые в жаркий день не нагреваются, а в самый сильный мороз

не замерзают; объемы для хранения мелких предметов домашнего обихода, с учетом почти невесомости корпуса при больших размерах. Береста предохраняла постройки от гниения, заменяла охотнику теплую подстилку во время зимней ночевки в лесу. Народы Приамурья строили из бересты лодки и жилища. Эвенки изготавливали ночные люльки для малышей. В Архангельской губернии шили сапоги и даже пиджаки... Но, пожалуй, довольно для начала.

В зависимости от происхождения ремесла, есть несколько видов техники берестяного промысла. Они различаются по способу скрепления нескольких слоев бересты друг с другом в заданную форму (круглую, овальную, прямоугольную, овально-квадратную и др.). Одни используют метод "замка" для соединения берестяного полотна в цилиндр; другие применяют ивовый прут или корни растений. Оформление декоративной части изделия также различается по стилям: это и прорезная береста, и метод аппликации, и выскабливание узоров. Оформляли бересту и другими материалами: деревом, цветной фольгой, бисером, кожей и пр.

Я остановлюсь на самом простом по технологичности способе, в котором используются имеющиеся под рукой современные средства.

Сначала скажу пару слов о заготовке материала. Заготавливают бересту в конце мая — в июне после того, как береза прогонит свежий сок по стволу и пропитает его. Лучше использовать для этого места заготовки лесопромыслами березовой древесины. После повалки дерева делается продольный разрез бересты, и нужной длины полотнища легко отделяются от ствола. Хочу обратить внимание на старые, полусгнившие березы, которые в изобилии можно найти в любом лесу. Снимите бересту с них. Вы увидите оригинальный темный оттенок внутреннего слоя: от темно-коричневого до серебристо-серого, в зависимости от срока гниения дерева. Эту бересту можно использовать при оформлении декора изделия.

Собранные полотнища складываются стопкой (лицо к лицу, изнанка к изнанке) и придавливаются грузом или туго связываются между двух листов фанеры, ДВП и пр. Если этого не сделать, то уже через несколько часов береста свернется и работать с ней без дополнительной обработки будет невозможно.

Хранить заготовленную бересту желательно в помещении с невысокой температурой и повышенной влажностью, чтобы она не пересыхала и не становилась ломкой. Если это все-таки случится, то ее необходимо сварить и выпрямить снова тем же способом.

А теперь на примере шкатулки цилиндрической формы со съёмной крышкой опишу технологию.

Для формирования корпуса, точнее его цилиндрической части-обечайки, необходимо изготовить или подобрать цилиндр нужного диаметра и высоты. Желательно, чтобы он был немного на конус — для легкого снятия готовой части корпуса с формы.

По размерам цилиндра вырезается полоска бересты, ширина которой равна высоте будущей шкатулки, минус 10 мм на толщину крышки и доньшка: а длина — равна длине окружности цилиндра плюс 10 мм на шов. После этого, с наружной части бересты, обычно руками, снимают два-три (или до нужной толщины) поверхностного слоя, после чего образуется ровная поверхность. При наличии на ней различных наростов, шишек и других выступающих дефектов их снимают острым сапожным ножом.

Полученную заготовку обворачивают вокруг формы внутренним слоем вовнутрь, а те 10 мм, что наложились друг на друга, аккуратно, ножом снимают на "нет", с одной и с другой стороны, так, чтобы в месте наложения не было утолщения слоя.

Затем ширину стыка двух концов промазывают клеем (рекомендую БФ-2, БФ-6) и заматывают снаружи плотно резиновой лентой (она продается в аптеках).

Когда клей высохнет, операцию повторяют, наклеивая еще один слой, с той лишь разницей, что клеем смазывается вся поверхность первого слоя и наружная (очищенная) поверхность второго слоя. Теперь, после затвердевания клея, внутри корпуса будущей шкатулки и снаружи имеем внутренний слой бересты, ведь именно он обладает необходимыми декоративным и прочностными качествами.

В зависимости от размеров шкатулки можно или ограничиться двумя слоями, если она небольшая, или сделать три-четыре слоя, если размеры более крупные и нужна особая прочность изделия.

Полученную обечайку снимают с формы и, сначала ножом, а затем на большом листе наждачной бумаги методом притирания выравнивают края цилиндра до создания ровного торца.

Доньшко и крышку изготовить проще. Для этого надо вырезать по 3—4 кружка бересты, диаметром на 10 мм больше наружного диаметра корпуса шкатулки. Эти 3—4 круга, очищенные от наружного слоя, полностью, со всех сторон, кроме внешних поверхностей заготовки доньшка или крышки, смазываются клеем и зажимаются прессом до полного высыхания клея.

Доньшко приклеивается к одной из сторон цилиндра, выступающие края заготовки дна обрезаются ножом. Для того, чтобы скрыть видимый торец дна, по нижнему периметру шкатулки приклеивается тонкая декоративная полоска, верхний край которой можно украсить орнаментом, нижний, выступающий, срезается ножом.

Чтобы сделать крышку, вторую круглую заготовку, приложив к верхнему краю шкатулки, обрезают точно

по наружному диаметру. Затем на корпус от верхнего края и ниже наворачивается 2—3 слоя бумаги (прокладки) — она обеспечит свободное закрытие и открытие крышки. И, приложив крышку к корпусу, в этом положении поверх бумаги к торцу крышки приклеивают полосу бересты, внутренней стороной вовнутрь. Потом снаружи будет приклеена еще одна полоска, но уже внутренним слоем наружу. Но это будет сделано после того, как на крышку сверху приклеится декоративная часть.

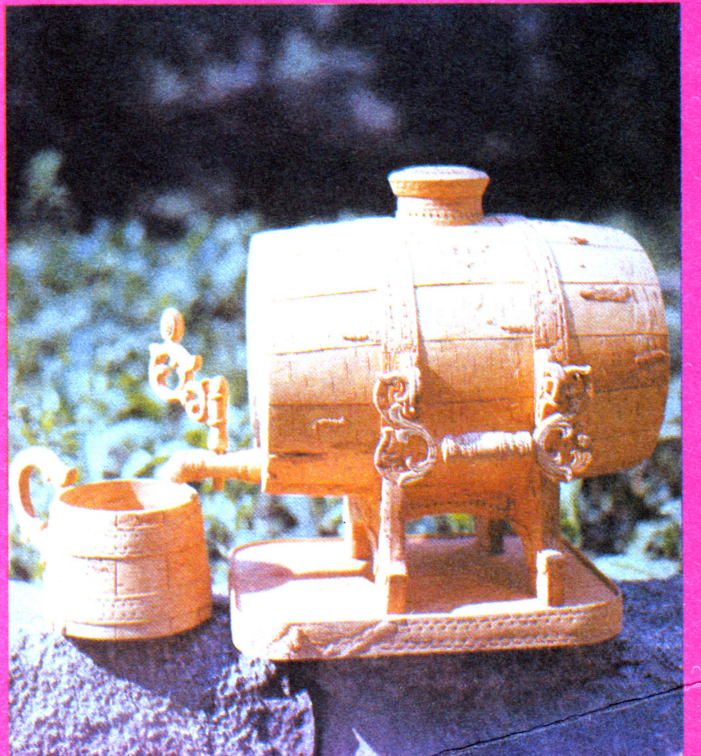
Немного об инструментах. Для обрезки и обработки выкроек бересты нужен хорошо заточенный сапожный нож, а также большие ножницы. Для декоративной обработки и формирования орнамента можно ограничиться маленькими резками, но я использую еще и набор резцов для резьбы по дереву с овалами различного диаметра. Ими высекаются отверстия и профили задуманного орнамента. Береста очень пластична, и подвергшись однажды давлению, оставляет сделанную вмятину навсегда. Поэтому я изготовил чекана различной формы, вдавливая которые в бересту на готовом изделии, получаю тисненый узор.

Оттапливаясь от этой техники, я стал делать вазы, кувшины, чайники и самовары. В ее основе лежит сочленение различных по форме цилиндров с последующей маскировкой швов декоративными полосками. Ручки к сосудам приклеиваю на шипах, иногда декоративную часть наружного слоя бересты на ручке плавно переносу и приклеиваю к корпусу, что значительно усиливает прочность.

Конечно же, в обучении любому мастерству предпочтителен непосредственный контакт с мастером. Но если у вас достаточно воображения, фантазии и неудержима тяга к творчеству, то вперед: пробуйте, дерзайте, изобретайте!



Слайды В. ДОНЕЦКОГО





## Навстречу свежему ветру

Мастерская похожа на корабль. "Капитанский мостик", штурвал, море голубого света из окон, свежий ветер, "каюта" отдыха и "палуба", на которой расположились... мольберт, краски и холсты. Не правда ли, романтическая картина? А если еще поместить на ней художника в роли капитана?

Александр Георгиевич КАРАГЯУР. Человек, родившийся в небогатой крестьянской семье и ставший художником-профессионалом. Любовь к деревне, вынесенная из детства, к людям, которые живут и трудятся на земле, видна в полотнах, посвященных этой теме.

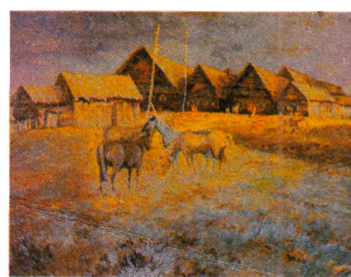
Можно ли почувствовать запах прогнившего дерева, смешанный со свежестью деревенского воздуха, лишь взглянув на изображение старого, полуразрушенного крестьянского двора? И откуда вдруг возникает ностальгически сентиментальное настроение?

После окончания в 1964 году художественной школы в Свердловске Александр Георгиевич много ездит по стране, пишет избранные им мотивы. Он побывал на юге, севере, востоке Родины.

С 1965 года Александр Георгиевич участвует в профессиональных выставках. А несколько лет назад он стал членом Союза художников СССР. Пейзажи, натюрморты, жанровая станковая живопись...

Возможно, творческая мысль живописца поможет рождению нового произведения, мотивы которого тесно связаны с личными моментами в судьбе художника. Вечные темы – жизни и смерти. Что победит? Наверное, жизнь.

Наталья НОВОСЕЛОВА



Слайды С. ФОМИНЫХ

